

**Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан**

Лаумулин М.Т.

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА» 2011 года:
социально-политические изменения на Арабском
Востоке и их международные последствия**

Алматы – 2011

УДК 327 (100-87)

ББК 66.4

Л 28

*Рекомендовано к печати
Ученым Советом Казахстанского института стратегических
исследований при Президенте РК.*

Автор:

Лаумулин Мурат Турарович,
доктор политических наук

Рецензенты:

Доктор политических наук, профессор Сыроежкин К.Л.
Кандидат исторических наук Нурша А.К.

Л 28 Лаумулин М.Т. «Арабская весна» 2011 года: социально-политические изменения на Арабском Востоке и их международные последствия. – Алматы: КИСИ, 2011. – 236 с.

ISBN 978–601–7242–48-0

Настоящее издание посвящено бурным событиям, охватившим Арабский Восток в 2011 г. Тематически данная книга является продолжением работы «Геополитические процессы в исламском мире (в контексте председательства РК в ОИК)», увидевшей свет в начале 2011 года. Значительное внимание уделяется ситуации в арабском мире и в отдельных арабских государствах накануне и во время революций.

В книге также затрагиваются предпосылки и непосредственные причины, приведшие к свержению многих политических режимов в регионе. Большое внимание в работе уделяется изучению фактора иностранного вмешательства и внешнего влияния на арабские события. В монографии также рассматриваются возможные сценарии развития ситуации в регионе и отдельных странах арабского мира.

Книга адресована широкому кругу специалистов по международным отношениям, безопасности, геополитике, политологии, истории, историографии и востоковедению.

УДК 327 (100-87)

ББК 66.4

ISBN 978–601–7242–48-0

(С) КИСИ, 2011

(С) М.Лаумулин, 2011

Содержание

Введение	5
I. Предпосылки политического кризиса в странах региона:	
схожесть и специфика	9
Общие тенденции в арабском мире	9
Непосредственные причины революционных потрясений ...	15
Ситуация накануне революций 2011 г. в отдельных арабских странах	22
Тунис	22
Египет	25
Ливия	34
Йемен	36
Алжир	41
Сирия	42
Стабильные арабские страны	45
Марокко	45
Катар	47
Саудовская Аравия	49
Ситуация в Ираке	55
II. Революционная волна на Арабском Востоке	64
«Финиковая революция» в Тунисе	64
«Революция лотоса» в Египте	65
Гражданская война в Ливии	72
Дестабилизация Сирии	80
Раскол Йемена	88
Ситуация в странах Персидского залива	91
III. Внешние факторы и их влияние на ситуацию в регионе	94
Общая ситуация в регионе	94
Роли и позиции основных международных игроков	99
Стратегия и политика США	103
Роль Франции и позиция Евросоюза	112

Позиция России	123
Реакция Израиля	126
Роль Ирана	129
Влияние Турции	133
Позиция Китая	145
События в Ливии и международное право	148
Характер арабских революций и степень внешнего вмешательства	153
IV. Вероятные сценарии развития ситуации в регионе	165
Роль армии	165
Угроза исламизма	168
Либерально-демократическая модель	172
Завершение ливийского кризиса	174
Йемен как источник конфликтов	179
Последствия революционных событий в других арабских странах	182
Геополитические и международные последствия событий в арабском мире	199
Предварительные выводы	209
Источники и литература	219
Об авторе монографии	229
ҚЗСИ туралы ақпарат	230
Информация о КИСИ	232
Information about the KazISS	234

Введение

«Арабская весна» - так назвал в своей речи в мае 2011 года президент США Барак Обама бурные и неоднозначные события, охватившие многие государства арабского мира в этом году.

С начала 2011 г. ситуация на Ближнем Востоке осложняется стремительными событиями в арабском мире. Многие арабские страны оказались охвачены социальными и политическими волнениями. В Тунисе был свергнут президент Бен Али, находившийся у власти свыше четверти века. Аналогичная судьба постигла египетского лидера Х.Мубарака, правившего АРЕ с 1981 г. В это же время социальные и политические волнения охватили другие арабские страны – Йемен, Иорданию, Бахрейн, Алжир, Тунис, Марокко, Сирию, а также Иран. В ряде случаев перевороты подозрительно напоминали сценарии т.н. «бархатных» или «цветных» революций.

Массовые выступления в Тунисе и Египте привели к вынужденным отставкам Зина аль-Абидина Бен Али и Хосни Мубарака, гибели ливийского лидера М.Каддафи. Имели место также обострение ситуации в Бахрейне, Джибути, Йемене, Иордании; актуализация социально-политических проблем в Алжире, Марокко, Омане, Иране, ОАЭ, Сирии и Израиле; непредсказуемая по своим последствиям гражданская война в Ливии. Возникла реальная перспектива массового потока беженцев из Северной Африки в страны Европы.

Таким образом, политическая карта Арабского Востока начала радикально трансформироваться. В ряде арабских государств были устранены от власти лидеры, десятилетиями возглавлявшие свои страны. Причины социально-политических потрясений носили комплексный характер. Свою роль сыграло ухудшение экономического положения населения (во многом в результате мирового кризиса). Не последним

по значению стал демографический фактор: на авансцену вышло новое поколение арабской молодежи, недовольной существующими реалиями. Коррупция, политическое бесправие и социальная безысходность, характерные для большинства арабских авторитарных режимов, стали катализаторами социального недовольства. С технической точки зрения победу оппозиционным силам облегчили современные средства коммуникации – Интернет и мобильная связь.

Массовые протесты в странах Ближнего Востока и Северной Африки обнажили огромный пласт копившихся десятилетиями проблем, прежде всего нищеты, безработицы и в целом необеспеченности социально-экономических прав человека. Режимы, которые были созданы Западом и давно превратились в авторитарные диктатуры, как, например, в Египте, демонтируются. С одной стороны, это фактор американский, фактор экспорта «цветных революций». С другой - общества этих стран накопили большое количество протестной энергии, и прозападные диктатуры они терпеть больше не желают.

Очевидно, что причины революционных потрясений на Арабском Востоке, носят комплексный характер и являются результатом одномоментного сочетания ряда факторов – политических, социально-экономических и геополитических. Много вопросов вызывает и такой всегда сопутствующий «цветной революции» фактор, как участие (прямое или косвенное) в ее осуществлении внешних сил.

На фоне событий в арабском мире появились разговоры о возможности повторения арабского сценария в государствах Средней Азии, Казахстане, России и даже Китае. Существенно возросшая цена на нефть открыла перспективу возникновения мирового энергетического кризиса, а вслед за ним – и финансово-экономического.

И так, в настоящее время политическая карта Ближнего и Среднего Востока меняется буквально на глазах. Это стало

результатом накопившихся в течение десятилетий противоречий в мусульманском мире. Очевидно, что политические потрясения в арабских странах неизбежно отразятся на международных отношениях и геополитической ситуации в регионе. Нельзя исключать и внешнее вмешательство, тем более, что уже несколько лет существует проект создания «Большого Ближнего Востока». В последние месяцы баланс сил на Ближнем Востоке полностью изменился, прежде всего изменились возможности, позиции и количество игроков.

Идея модернизации «расширенного» Ближнего Востока* через его демократизацию впервые в качестве целостной внешнеполитической стратегии США была озвучена Кондолизой Райс еще в октябре 2003 года. В январе 2004 года она прозвучала в ежегодном президентском послании «О положении в стране» как центральная внешнеполитическая стратегия США, новая глобальная миссия. Тогда эта концепция основной целью имела необходимость поиска хоть какого-то обоснования вторжения американских войск в Ирак.

Основная идея концепции состояла в том, что отсутствие в регионе, простирающемся от Северной Африки до Южной и Центральной Азии, политической свободы, системы нормального светского образования, отсутствие обнадеживающих перспектив на будущее порождает благоприятную среду для терроризма. Отсюда следовал очевидный вывод: для того чтобы устранить первопричину терроризма, необходимо изменить сам образ жизни в регионе, создать условия, при которых антизападная пропаганда исламских фундаменталистов не будет единственным источником информации и знаний. В этих условиях население сможет реализовывать свою поли-

* «Расширенный» или «большой» Ближний Восток в трактовке американских стратегов – это дуга государств и территорий, включающая в себя мусульманские регионы Северной Африки, Среднего Востока, Персидского залива, Средней и Юго-Восточной Азии.

тическую волю через транспарентный политический процесс, нормально и открыто реализовывать свои политические требования, а не будет зажато в традиционные рамки бесправия авторитарными режимами. То есть, речь шла о смене политических режимов и приводе к власти правительств, играющих по предлагаемым США правилам.

Устранение М.Каддафи в Ливии в октябре 2011 г. продемонстрировало, что Запад занял бескомпромиссную позицию по устранению поколения авторитарных правителей эпохи арабского национального социализма 1960-80-х гг. Начало данному процессу было положено свержением, а затем казнью иракского диктатора С.Хуссейна в 2003 г.

Логика развития событий подсказывает, что следующим объектом станет режим Б.Асада в Сирии, который был защищен от санкций ООН в октябре 2011 г. вмешательством России и Китая. Ряд факторов указывает на то, что многие события на Ближнем Востоке напрямую или косвенно направлены против интересов Москвы и Пекина.

Очевидно, что все происходящее на Арабском Востоке не может не затрагивать интересы России, Евросоюза, Китая, Турции, Ирана и других держав, с которыми Казахстан и другие страны Центральной Азии и Кавказа связаны международными и геополитическими интересами.

В любом случае, эти события не могут не отразиться на председателстве Республики Казахстан в ОИК и в целом на геополитическом положении Центральной Азии. Бурные потрясения в мусульманском мире неизбежно отразятся на стабильности и безопасности обширного Евразийского пространства, могут привести к всплеску радикального исламизма, вмешательству великих держав, реанимации старых конфликтов и появлению новых, изменению динамики цен на нефть, геополитической трансформации регионов.

I. Предпосылки политического кризиса в странах региона: схожесть и специфика

Общие тенденции в арабском мире

Социально-политическое развитие большинства арабских стран в начале XXI в. характеризовалось двумя важными тенденциями: известной либерализацией и демократизацией государственной и общественно-политической сферы и подъемом исламизма или политического ислама, в том числе его радикального направления. На эволюцию арабского мира влияют как внутренние, специфические для каждой страны явления, так и внешние факторы, обусловленные глобализацией и изменениями в расстановке сил на мировой арене.

Исламизм как явление арабо-мусульманской общественной мысли отражает настроение части мусульман, которая считает сохранение исламской религии, культуры и исторических традиций непременным условием дальнейшего успешного развития общества. Необходимо отметить, что в начале 2000-х гг. в арабских странах наблюдается усиление внимания к мусульманской идентификации и политизации ислама, особенно в молодежной среде. Причем данный процесс имеет не только религиозный, но также культурологический и социально-политический характер.*

В настоящее время светские политики арабских стран осознают историческую потребность в построении гражданского общества. Вместе с тем отсутствие необходимых экономических институтов и особенности исторического развития на Востоке делают невозможным создание такого общества по западному образцу. В некоторых мусульманских странах Ближ-

* См.: Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // Восток-Оrients (Москва, ИВ РАН). 2009. № 5. С. 89-100.

него и Среднего Востока исламский фундаментализм видится политикам и обществу как единственный доступный путь к построению гражданского общества, альтернативного западному.*

Девяностые годы XX в. и начало XXI в. в арабском мире были отмечены растущим динамизмом конституционного развития. Во многих странах в этот период были приняты новые конституции: в 1991 г. – в Йемене, в 1996 г. – Алжире и Омане, в 1998 г. – Судане, в 2002 г. – Бахрейне, в 2003 г. – Катаре, в 2005 г. – Ираке; или внесены существенные поправки в действующие основные законы: поправки 1990 г. в конституцию Ливана, 1996 г. – в конституцию Марокко, 2003 г. – в конституцию ОАЭ и др.

Одним из главных факторов, определяющих современное политическое развитие арабских стран, является особая роль государства. Оно продолжает оставаться во многом единственной силой, формулирующей задачи и направления эволюции политической и экономической сфер жизни общества.

Следует отметить, что ни одна из арабских стран не может рассматриваться как гомогенное политическое образование. Национально-этнические и религиозно-общинные отношения, взятые в их историческом разрезе, также являются одним из структурных элементов современного политического процесса в регионе. Это позволяет разнородным политическим силам при умелом обращении с этно-конфессиональным фактором манипулировать сознанием приверженцев одной веры или представителей той или иной национально-этнической группы, создавая трудноразрешимые политические ситуации.

В этой связи можно констатировать, что в арабском мире начался и медленно идет процесс размывания элиты новыми слоями общества, представленными, во-первых, новой

* См.: Касаев Э.О. Тенденции внутренней и региональной политики арабских стран // Восток-Oriens (ИВ РАН). 2010. № 2. С. 143-148.

бизнес-элитой, и, во-вторых, выходцами не из столицы, а из других районов, или же представителями иных конфессий, отличных от тех, к которым принадлежат традиционно правившие группы.

Многопартийная система в арабских странах по-прежнему отражает социально-экономическую мозаичность общества; при этом она учитывает изменения в расстановке политических сил, но еще не создает реальной плюралистической основы общества. А многочисленные партии направляют свои усилия главным образом на укрепление своих позиций в структуре власти, ради чего зачастую идут на соглашения и компромиссы с правящей партией. В результате, на фоне множественности партий, разнородности их политических взглядов и слабости социальной базы, только исламские движения выступают в настоящее время действительно серьезной и организованной силой, способной повлиять на динамику внутривосточного процесса.

Арабский мир неоднороден. Во-первых, существуют два субрегиона: Магриб и Машрик. Связующим звеном между ними является Египет. Во-вторых, некоторые страны традиционно ориентируются на Запад, а в других сильны антизападные и антиамериканские настроения. Поэтому о единой сбалансированной «арабской» региональной политике можно говорить с определенной долей условности. Тем не менее можно отметить близость позиций руководства всех арабских стран по ключевым региональным проблемам. Однако в случае замены прозападно ориентированных правящих элит в ряде арабских стран исламистскими, с большой вероятностью можно ожидать радикализации внешней политики не только на национальном, но и на региональном уровне в среднесрочной перспективе.*

* См.: Сапронова М. Арабский мир: новые вектора политического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 91-101.

Мировой финансовый кризис отразился на большинстве арабских государств, оказав значительное влияние на их экономику. Причем степень его воздействия была прямо пропорциональна объему финансово-экономических связей того или иного арабского государства с внешним миром.*

В арабском мире государство очень активно вмешивается и в экономику. Во-первых, проявляется стремление к созданию государственного сектора, где сгруппированы особые направления экономики, имеющие стратегическое значение. Кроме того, государство рассматривается как гарант соблюдения интересов различных экономических групп и «контролер» хозяйственно-экономических отношений.

Понятно, что арабские страны, особенно крупные экспортеры нефти, усиленно интегрируясь в мировую финансовую систему, не могли не оказаться в зависимости от мирового финансового рынка и присущих ему перепадов, не говоря уже о меняющейся конъюнктуре цен на жидкое топливо. Так, по заявлению Организации арабских стран-экспортеров нефти, снижение мировых цен на нефть всего лишь на 1 дол. США уменьшает экспортные доходы арабов на сумму от 4 млрд. до 10 млрд. долл. На Арабском экономическом саммите, состоявшемся в январе 2009 г. в Кувейте, было заявлено, что из-за падения стоимости пакетов акций иностранных компаний арабские нефтеэкспортирующие государства лишились по меньшей мере 600 млрд. дол. США, а всего из-за мирового финансового кризиса арабский регион потерял как минимум 40% своих зарубежных капиталовложений.

Характерно, что арабские нефтеэкспортирующие страны к настоящему времени настолько глубоко интегрировались в мировое хозяйство, что, в свою очередь, стали оказывать на

* См.: Кедбан Н.М. Мировой финансовый кризис: причины и последствия для арабских стран // Восток-Oriens (ИВ РАН). 2010. № 5. С. 145-149.

него заметное воздействие. Что же касается арабских стран, прежде всего крупных экспортеров нефти, то им придется осознать тот неприятный факт, что их сравнительно длительный период бескризисного развития, видимо, завершился, а следовательно, циклические кризисы, поражающие время от времени мировое хозяйство, будут и в дальнейшем в той или иной степени затрагивать экономику как отдельных арабских стран, так и всего региона в целом.

Другая группа проблем экономического, социального, экологического и международного характера в арабском мире связана с дефицитом водных ресурсов.

Напряженная ситуация с водой в арабском регионе на протяжении многих лет не ослабевает, чему способствуют объективные обстоятельства. С одной стороны, потребление воды растет в связи с экономическим развитием стран, контролирующих истоки рек или подземные водосборы. С другой – арабские проекты освоения стоков рек и подземных источников направлены в основном на расширение масштабов использования воды из них при ограниченных возможностях доступа к ней. В этих условиях возможность применения военной силы для получения дополнительных водных ресурсов не выглядит столь уж нереальной.

На неизбежность «водного кризиса» в этом регионе невольно указывает простое сопоставление нескольких цифр. Арабский мир занимает 9% суши, вмещает 5% населения Земли, которое имеет доступ всего к 0,7 – 1% мировых запасов чистой воды. Возобновляемый объем водных ресурсов за счет поверхностного стока и подземных источников не превышает здесь 355 млрд. куб. м – это гораздо меньше, чем в Азии (около 10 трлн. куб. м) или Северной Америке (5,4 трлн. куб. м). Из них реально используются всего 180 млрд. куб. м.

Причем дефицит воды не исчезает, но накапливается, а способы корректировки арабского водного хозяйства еще далеки

от совершенства, регулярности и гибкости. Из-за нехватки воды сохранение аграрного потенциала ряда арабских стран становится, по меньшей мере, проблематичным.

По существу, благополучие арабского региона и даже суверенность его наиболее уязвимых государств подвергаются большой потенциальной угрозе. Пропорционально этому усиливается и возможность доведения ситуации до критической точки. Эта проблема обрела взрывной потенциал и, по мнению наиболее встревоженных наблюдателей, может инициировать большие потрясения на Ближнем Востоке. Отсюда попытки представить ситуацию как канун новой региональной и даже мировой войны за воду. Драматизм проблемы усиливается застарелой враждой между Израилем и арабами, в том числе и по поводу воды, и это порождает убеждение, что решение любых спорных вопросов лежит через вооруженное противостояние.

Характер и методы эксплуатации водоносных слоев (например, огромной водоносной линзы, расположенной между Западным берегом реки Иордан и сектором Газа) служат объектом спора в рамках водных аспектов арабо-израильского противостояния. Известны также арабо-турецкие трения по поводу ухудшения качества подземных вод, поступающих в Сирию. Тлеет недовольство в отношениях между самими арабскими странами, в частности, между Иорданией и Саудовской Аравией, по вопросу чрезмерной интенсивности использования подземного водосбора Рум Сак (Ка Дизи).

Тем не менее, арабский мир предпринял ряд шагов, чтобы подвести некую организационную и информационную базу под проблему воды. Был создан ряд не только собственных специализированных структур, но и задействованы различные фонды и банки, причем весь этот институциональный блок был подключен к проектам международного сотрудничества в области теоретического и практического осмысления путей урегулирования водной проблемы региона. Эти и другие организационные шаги

обеспечили арабскому миру доступ к современным способам изучения природного кругооборота воды и исследовательским методикам, уверенное присутствие в сообществе соответствующих международных организаций и привлекли внимание мировой общественности к неотложным проблемам региона в области водообеспечения и водопользования.

Таким образом, вода высоко стоит в рейтинге арабских национальных приоритетов. Сообразно с этим обстоятельством в каждой арабской стране не прекращается практическая работа, интенсивность которой, однако, не везде одинакова. Фактически вода уже приобретает чрезвычайный статус в экономике. Это прямо следует из того факта, что в арабской практике ее дефицит при достижении своей низшей точки немедленно становится безусловным физическим ограничителем экономического роста, и к тому же и генератором социального недовольства.*

В изменяющихся условиях арабские режимы будут стремиться к выбору, по возможности, наименее рискованного варианта развития. В рамках такого продвижения правящие силы постараются обезопасить себя от любых, прежде всего политических и социальных, потрясений и найти такой путь, чтобы не приходилось выбирать между водой и войной в регионе как внутри стран, так и между ними.**

Непосредственные причины революционных потрясений

В целом, необходимо рассмотреть три важнейших причины, которые сыграли свою роль в том, что ближневосточные страны потряс социальный взрыв. Эти причины следующие:

* См.: Филоник А.О. Вода на Ближнем Востоке: объект сотрудничества или повод к войне? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 4. С. 15-22.

** См.: Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 3. С. 20-26.

социально-психологическое состояние общества, мировой экономической кризис и иностранное влияние.*

Многие специалисты-арабисты обоснованно считают, что все арабские страны очень разные, что единой арабской нации не существует. Но что касается психологических особенностей арабских народов, то здесь они во многом схожи.

По всему региону устаревшие панарабские лозунги о «борьбе с колониализмом» и «суннитском единстве» утрачивают актуальность: им на смену приходит «арабизм» нового типа, в авангарде которого идут катарский телеканал «Аль-Джазира», ливанские блоггеры, дубайские инвесторы. Именно их предприимчивость, знания и капиталы сегодня меняют мировоззрение арабской молодежи.

В каждой стране есть свои причины для недовольства. Но есть одна причина – общая для всех. Это появление в арабском мире нового поколения, которое гораздо лучше информировано, чем предыдущее. У них есть телевидение, радио, в какой-то степени Интернет. Доступ к соцсетям не столь велик, как в Европе, но он есть, причем со стороны студенчества, политических и экономических элит, что очень важно. Представители нового поколения чувствуют себя гражданами, а не подданными. Им не свойственен патернализм – то есть чувство того, что есть отец нации, который за них думает и ими руководит. Они готовы и хотят брать ответственность за судьбу своей страны на себя. Это то общее, что свойственно сейчас всем арабским странам, это выход на сцену нового поколения.

Безработица – бич Туниса, Египта, бич многих стран региона. Государство дает всем бесплатное образование, но вот работы не гарантирует. Безработная молодежь с вузовскими дипломами в кармане видит вокруг социальную несправедливость.

* См.: Филатов С. Ближний Восток: «идеальный шторм» // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 3. С. 62-84.

Другая причина состоит в том, что безудержное вбрасывание в мировую экономику ничем не обеспеченных триллионов долларов в конце концов привело к росту реальных цен, особенно на нефть и еду. При этом арабский мир всегда испытывал недостаток пищи. Условием получения займов от МВФ и Всемирного банка было осуществление радикальных реформ в экономике бедных стран: уменьшение роли госсектора, снижение дефицита госбюджета за счет экономии на социальных расходах, отказ от регулирования внутренних цен, повышение роли частного бизнеса, корректировка «завышенных», то есть невыгодных мировым кредиторам курсов национальных валют.

Изучив последствия подобных программ, эксперты ООН пришли к выводу, что в результате подобной экономической политики «многие усилия развивающихся стран по повышению качества жизни были сведены на нет. В развивающихся странах в результате этих структурных реформ появилась социальная категория «новые бедные». Это – госслужащие и рабочие предприятий госсектора, потерявшие работу после ликвидации убыточных или малоодоходных предприятий, сокращения в государственной администрации, ликвидации дотаций и субсидий научным, культурным, спортивным и прочим социальным учреждениям и организациям.

Можно назвать и вполне конкретные экономические причины взрыва. Так, в начале года индекс цен на продовольствие превысил 230 пунктов, что исчерпало способность правительств субсидировать базовые продукты питания. Прогнозы Всемирной продовольственной организации на текущий год не радужные – мировое производство зерна снизилось из-за засухи в США и России, наводнений в Австралии и Канаде. Более долгосрочные продовольственные прогнозы тоже тревожны. Среди причин кризиса называют производство биотоплива.

Когда в 2010 году в мире пошел лавинообразный рост цен на еду, арабские правительства не выдержали. 50-процентное

увеличение стоимости хлеба в Тунисе и других странах сработало как детонатор. Растущие цены на основные продукты питания в конце 2010 года вызвали беспорядки в Алжире – правительству пришлось сократить импортные пошлины на сахар и растительное масло после нескольких дней протестов, в результате которых были погибшие.

Таким образом, выстраивается последовательная цепочка событий: мировой финансовый кризис – накачка мировой экономики деньгами – попадание этих денег на биржи – рост биржевых цен на энергоресурсы и на продовольствие.

И наконец, третья причина – иностранное (западное) влияние в регионе. Чтобы оценить масштабы иностранного влияния на Ближнем Востоке, следует обратиться к идее «демократизации» и «реконструкции» Ближнего Востока, которая зародилась в Белом доме в результате поисков Вашингтоном путей выхода из иракской войны.

Впервые план «реконструкции» Ближнего Востока был сформулирован Президентом Дж.Бушем 6 ноября 2003 года в Национальном фонде демократии (National Endowment for Democracy). В соответствии с этим планом, оккупация Ирака должна стать лишь первым этапом длительной борьбы США за победу демократии на Ближнем Востоке.*

В 2003 году с подачи Вашингтона стала разворачиваться инфраструктура так называемой «инициативы ближневосточного партнерства» – появились новые офисы американских представителей в ОАЭ, Тунисе и других странах, происходило усиление штата «гуманитарных» (и разведывательных) служб

* Авторами концепции «Большого Ближнего Востока» явились Г. Киссинджер, Г. Допрет, Д. Рамсфелд, Д. Чейни, К. Райс, Р. Перл, П. Вулфовиц, М. Гроссман и другие американские политологи и члены политического руководства Буша. Они исходили из того, что на Ближнем Востоке должно быть создано такое сообщество, которое бы полностью отвечало интересам США и было бы созвучно американской идеологии.

американских посольств. Главной задачей стало налаживание «гуманитарных» контактов, организация конкурсов, выставок, поездок групп журналистов и арабских общественных деятелей в США в целях «изучения демократии».

В 2004 году в Марокко прошел «Форум будущего» с участием тогдашнего госсекретаря США К. Пауэлла. Идея форума состояла в приоритетном внимании со стороны США к развитию «демократии» и «гражданского общества» в странах Ближнего и Среднего Востока, включая создание ориентированных на молодежь НПО, поощрение малого и среднего бизнеса.

Перед саммитом «Б-8» в июне 2004 года в США Вашингтон выпустил рабочий документ «Партнерство «Б-8» и Большого Ближнего Востока». В разделе под названием «Экономические возможности» содержался призыв к «экономическим преобразованиям, аналогичным по величине тем, которые были предприняты в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы». А ключом к этим преобразованиям виделось укрепление частного сектора, как путь к процветанию и демократии.

План США также предусматривал передачу региональных банковских и финансовых дел в новые институты, якобы международные, но, как Всемирный банк и МВФ, де-факто подотчетные Вашингтону. Цель этого долгосрочного проекта состояла в том, чтобы полностью контролировать не только потоки доходов от продажи нефти, но и финансы всех стран региона – от Марокко до границ Китая.

В противовес американской инициативе Египет, Саудовская Аравия и Сирия выдвинули собственную – арабскую. По их мнению, процесс «демократизации» в арабских обществах назрел, однако он должен реализоваться усилиями самих этих обществ, а не навязываться Соединенными Штатами в виде готовых клише и стандартов, которые не принимают во внимание особенности как всего Ближнего Востока, так и каждой

страны отдельно. Реформирование должно осуществляться «изнутри» самими арабскими обществами и не навязываться извне.

Как считают некоторые аналитики, действия Вашингтона на Ближнем Востоке фактически были направлены на изменения границ региона, которые США пытались осуществить под лозунгом продвижения демократии для Большого Ближнего Востока. Их очевидная повестка дня: создание региона под устойчивой американской властью, которая держит в своих руках основной контроль будущих движений капитала и будущих энергетических потоков Китая, России и Европейского союза. В противном случае эти страны будут стремиться об отказе от американских правил игры.

Глобальный пересмотр границ по плану Вашингтона предусматривал расчленение крупнейших ближневосточных государств, таких как Турция, Сирия, Саудовская Аравия, Ирак, Иран, Пакистан. Одновременно предполагалось создать несколько новых, ранее не существовавших стран. В итоге на карте мира появился бы целый конгломерат нежизнеспособных государственных образований, который находился бы под контролем США. Он будет также перманентно подвержен внутренним вооруженным конфликтам. Вашингтон тем самым был намерен реализовать так называемую стратегию «управляемого хаоса», с помощью которого США планировали достичь двух целей: установить контроль над мировыми энергоресурсами и нейтрализовать энергию международного исламского движения.

По мнению ряда международных экспертов, Вашингтон, начиная с американского военного вторжения в Афганистан и Ирак в 2001 – 2003 годах, занимался подготовкой волны дестабилизаций режимов в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В его списке – Тунис, Египет, Иордания, Кувейт, Ливия, Сирия, Йемен и Судан, а также, что интересно, Израиль.

Таким образом, суть данной теории, которая явно носит конспиративный характер, состоит в следующем: по «случайному» совпадению почти во всех этих странах сегодня происходят народные восстания под лозунгами смены авторитарных режимов. За фасадом возгласов о демократических реформах на территории Большого Ближнего Востока реализуется план по расширению американского военного контроля и взлому государственных экономик всего ряда мусульманских государств – от Марокко до границ Китая и России.

По мнению некоторых авторитетных специалистов, главная причина этих событий – политическая, а не социальная. Инициатором выступлений стала молодая неформальная либеральная оппозиция, быстро набиравшая силу в последние годы. Этот вывод относится прежде всего к Египту. Таким образом, в зависимости от конкретной арабской страны, основания революций имеют различное происхождение.*

Как видим, основной повод событий в Египте – чисто внутренний. Это несоответствие архаичной политической надстройки либеральному экономическому базису. Но существовали и внешние факторы, косвенные и прямые, подтолкнувшие оппозицию к действию.**

Причины шиитского бунта в Бахрейне очевидны. Составляя до 75% коренного населения и контролируя парламент, шииты из 47 министерских портфелей имеют всего десять. При этом в рядах МВД и армии Бахрейна шиитов не более 3%, а Королевский суд, национальная гвардия, служба национальной безопасности и служба информации СЮ (разведка) и вовсе формируются исключительно из суннитов. Так что местным

* См.: Маргелов М. После стабильности. Арабский мир и пределы авторитарной модернизации // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 40-50.

** Беляков В.В. Египет: плоды либерализации и мировой кризис развития // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 3. С. 10-13.

шиитам отнюдь не требуется указаний из Тегерана, чтобы бороться за изменение такого порядка.*

Ситуация накануне революций 2011 г. в отдельных арабских странах

Тунис

В Тунисе проходили во многом аналогичные для большинства арабских республиканских авторитарных режимов процессы: «управляемая» демократизация и подъем исламистского движения на фоне социально-экономического и политического кризиса в конце 1980-х гг. Тем не менее, здесь не было длительного вооруженного противостояния радикального исламизма с властями. В то же время секуляризация, не подкрепленная повышением уровня жизни основных социальных групп, вызывала сопротивление части населения, склонявшегося в конце 1980-х гг. к поддержке исламистов.**

Президент Бен Али находился у власти с 1987 г., т.е. четыре мандата, и его правящая группировка проводила свой политический курс, во многом опираясь на репрессивный аппарат. Ряд политических партий во главе с ДКО, выдвинул кандидатуру действующего президента на пятый мандат на президентских выборах. Однако массовые волнения и протесты населения в конце 2010 и начале 2011 гг. привели к падению режима Бен Али и его бегству. В настоящее время Тунис находится в состоянии политической дестабилизации.

В последние годы в Тунисе, как и в других арабских странах, наблюдается определенное усиление исламского фактора.

* Мамаев Ш. Нефтяной королевский поход // Эксперт. №17 (751) 02 май 2011.

** См.: Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 3. С. 2-18.

Причем это проявляется в самых разных формах (феномен т.н. спящего исламизма).

Тунис считался до недавнего времени раем для туристов, стабильной страной, которая даже за независимость боролась исключительно политическими средствами. Со времен первого президента Х.Бургибы республика стала светской страной, с высоким уровнем образования, достаточно многочисленным средним классом, с гендерным равенством (здесь официально запрещено многоженство, 20% депутатов парламента – женщины). Шариат играет незначительную роль, вся интеллигенция знает французский язык, ей близка европейская культура, широко используется Интернет, свободно функционирующий в стране, устойчивы связи с Европой и США. Экономика Туниса неплохо развивалась и была нацелена на сотрудничество с Евросоюзом. В Европе находится до миллиона тунисцев. В страну из Европы прибывает несколько миллионов туристов в год.

При этом самое любопытное заключается в том, что тот же Тунис – это отнюдь не бедное государство Северной Африки с нищим населением. Более того, до недавнего времени он являлся признанным лидером по темпам модернизации в исламском мире. По некоторым оценкам, его ВВП на душу населения был одним из самых высоких среди арабских стран и равнялся 9,5 тысячи долларов. Это в два раза больше, чем в Египте, и сопоставимо с уровнем таких восточноевропейских государств, как Румыния или Болгария. Причем за 23 года правления Бен Али, который, кстати, тоже захватил власть в результате бескровного переворота в 1987 году, ВВП Туниса утроился.

Но одновременно за 23 года авторитарного правления Бен Али правительству не удалось решить главную проблему – высокий уровень безработицы. Она затрагивает не только беднейшие слои населения, но и молодежь с высшим образо-

ванием. В последние годы безработица в Тунисе выросла из-за мирового финансово-экономического кризиса 2008 – 2009 гг., а также из-за ограничений на иммиграцию тунисцев в страны Европы. Возникло противоречие между завышенными ожиданиями образованной молодежи и отсутствием возможностей для их реализации.

Проблема, видимо, в том, что обратной стороной ускоренной модернизации Туниса стали серьезные изменения в обществе. За годы правления Бен Али в стране не только улучшилась экономическая инфраструктура, но также стали доступнее здравоохранение и образование. В итоге тунисские города заполнились новыми группами населения. Они появились в результате проводимых реформ и преобразований, однако не получили от этого процесса ожидаемых преимуществ. Высшее образование не стало гарантией устройства на высокооплачиваемую работу, а по мере углубления экономического кризиса многим дипломированным специалистам приходилось попросту выживать. Неудивительно, что именно эти массы в последнее время быстро смогли сформулировать сначала собственные экономические, а затем и политические требования.

Политический произвол и ограничение властями свободы СМИ способствовали распространению идей исламского фундаментализма не только среди беднейших слоев, но и части среднего класса. Авторитарно-полицейский режим жестоко подавлял оппозицию, особенно мусульманских экстремистов, запрещал деятельность исламистских партий. Это, в частности, вызывало симпатии к Бен Али со стороны США и Франции и их готовность углублять с ним сотрудничество, но часть общества видела в исламистах жертв и врагов ненавистного строя.

Отличительной чертой правления Бен Али стал явный и откровенный расцвет коррупции и семейственности. Особую

ненависть населения вызывала семья второй жены президента – клан Трабелси, который захватил самые лакомые куски в банковском секторе, сфере недвижимости, в торговле, туристическом бизнесе и в других отраслях. Президент Бен Али утратил чувство реальности, перестал учитывать настроения населения. Достаточно было искры, чтобы гнев общества выплеснулся на улицы. Самоубийство торговца фруктами стало такой искрой.

Сочетание экономического и социального развития страны с политическим застоєм дипломатично называли просвещенным авторитаризмом, и сейчас эта система дала сбой.* Главная его причина в том, что, обучив население и вырастив в стране средний класс, президент отказывался прислушиваться к его возросшим требованиям. В Тунисе отсутствует социальный лифт, нет достаточного количества рабочих мест (ежегодно местные институты и колледжи выпускают до 70 тыс. образованных молодых людей). До недавнего времени проблема так остро не стояла — получившие неплохое даже по европейским меркам образование тунисцы уезжали на заработки в Европу. Однако с началом мирового финансового кризиса работы в Европе не стало. В результате, по разным оценкам, от 30 до 50% молодых специалистов в стране сидят без работы.

Египет

Египет является крупнейшим арабским государством и одним из лидеров арабского мира. Египет сталкивается с серьезными вызовами. Это периодические вспышки политической нестабильности, необходимость поддерживать на высоком уровне обороноспособность страны из-за продолжения арабо-израильского конфликта, сложная междуна-

* См.: Мирзаян Г. Первая арабская // Эксперт. №3 (737) / 24 янв. 2011.

родная обстановка, требующая искусного дипломатического маневрирования.*

Эксперты отмечают, что в последние годы в стране появились новые «центры силы». Вспышка в начале 1990-х гг. терроризма, организованного исламскими экстремистами, вынудила режим значительно укрепить спецслужбы. В условиях сохраняющегося с 1981 г., с момента убийства президента Анвара Садата, чрезвычайного положения их роль значительно возросла. Спецслужбы жестко реагируют на публичные проявления недовольства, нередко действуют вопреки судебным решениям.

Другой «центр силы» – крупный бизнес. Его роль в связи с быстрым экономическим развитием страны в последнее время резко возросла. Почти половина избранных в 2005 г. депутатов нынешнего Народного собрания – бизнесмены.

Быстрое развитие Египта, в правительстве которого экономическим блоком ведают молодые либералы, заметно увеличило численность нового среднего класса. Увеличение численности нового среднего класса привело к росту потребления, а это, в свою очередь, вызвало повышение цен и углубление разрыва между богатыми и бедными.

После 2004 года, когда министерские посты в экономическом блоке правительства заняли молодые (по египетским меркам) и успешные бизнесмены, развитие Египта значительно ускорилось. В страну потекли потоки иностранного капитала. Египет и до этого был привлекательным для инвесторов: выгодное географическое положение, современная инфраструктура, политическая стабильность, низкий уровень цен, емкий внутренний рынок, избыточная рабочая сила. Не хватало лишь малого: упростить процедуру капитальных вложений, что новое правительство и сделало.

* Беляков В.В. Египет: пора обновления // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 4. С. 42-56.

Накануне наступившего в конце 2008 года мирового экономического кризиса темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в Египте превышали 7%. В годы кризиса они снизились примерно на 2%, но все равно оставались достаточно высокими. ВВП Египта оценивался в 2010 году в 496,6 млрд. долларов. Валютные резервы страны составили 36 млрд. долларов. Египет превратился в современное государство. По сообщениям египетской печати, в 2010 году в стране было 56 млн. мобильных телефонов и 22 млн. пользователей Интернета.

Как считает российский исследователь В.Беляков, «бурный экономический рост резко увеличил численность нового среднего класса, образованного и материально благополучного. Свидетельство тому – статистика продаж легковых автомашин. Так, в 2004 году были проданы всего 72 тыс. новых автомашин, а в 2007 году – уже 228 тысяч. Но одновременно обострились и социальные проблемы. Увеличился разрыв между имущими и неимущими; в результате роста потребления со стороны нового среднего класса и повышения мировых цен на продовольствие, многие виды которого Египет импортирует, заметно выросли цены на ряд товаров и услуг».*

Долгое время Египет считался примером экономического успеха в Ближневосточном регионе. Рост продолжался даже во время мирового финансового кризиса: в 2009 году ВВП Египта вырос на 4,7%, а в 2010-м — на 5,1%. На нынешний год рост прогнозировался на уровне заметных 5,7–6%. С 2000 года накопленные прямые иностранные инвестиции в экономику страны превысили 100 млрд. долларов, а на счетах центрального банка скопились золотовалютные резервы в объеме 33 млрд. долларов. Бурно росли рынки жилой и коммерческой недвижимости, новые туристические проекты;

* Там же.

расширялся средний класс, предъявлявший высокий спрос на потребительские товары и услуги.

Но при этом дефицит бюджета Египта достиг 8% ВВП, цены на продукты питания растут на 17% в год (инфляция в среднем составляет 10%), а неофициальный уровень безработицы оценивается в 25% (официальная статистика говорит лишь о 8,9%). Увеличивающееся молодое население Египта требует более высоких темпов роста, чем те, которые были достигнуты в течение последних двух десятилетий. Так, чтобы рабочие места получали все выпускники школ и вузов (а это 650 тыс. человек ежегодно), экономический рост должен превышать 7%.

Но либеральная экономика – это не только способ хозяйствования, это целая жизненная философия, требующая адекватной политической системы. Понять это престарелое руководство Египта не смогло. Египтом правила геронтократия, причем руководящие посты по много лет занимали одни и те же люди.

В Египте в 2000-е годы, так же как и в соседних арабских странах, проводилась определенная либерализация общественно-политической жизни. В сентябре 2005 г. в Египте прошли первые президентские выборы на основе новой системы альтернативности. Но о реальной демократии в Египте говорить было рано, так как вся полнота власти в стране была сосредоточена в руках президента Х.Мубарака (с 1981 г.) и возглавляемой им правящей Национально-демократической партии (НДП).

Толчком к росту протестного движения стало событие, казалось бы, чисто внешнее – американское вторжение в Ирак в марте 2003 года. 20 марта 20 тыс. египтян вышли на демонстрацию протеста на площадь Тахрир в Каире. Поскольку Президент Мубарак возложил вину за возникший кризис на Саддама Хусейна, то антивоенное выступление приняло и

антиправительственный оттенок. Была сформирована новая общественная организация – Движение 20 марта за перемены.

Что касается политических целей исламистской партии Братьев-мусульман, то, если судить по их официальной программе, выработанной в 2004 г. и подтвержденной в основных пунктах в 2008 г., они не противоречат общепринятым демократическим нормам. Несмотря на попытки властей ослабить Братьев-мусульман, они после успеха на парламентских выборах стали реальной и, в виду слабости других оппозиционных политических сил, единственной оппозицией правящему режиму.

Египетские власти, стремясь продемонстрировать свой демократический «имидж» перед мировым общественным мнением и, прежде всего перед США, в 2006 г. освободили более 450 активистов «Братьев», задержанных в основном в ходе парламентских выборов. В то же время США, со своей стороны, намеревались наладить контакты с «Братьями», как с «новыми членами египетского парламента». Однако последующие события, в частности израильское вторжение в Ливан летом 2006 г. и военная акция израильской армии в секторе Газа в декабре 2008 г. – январе 2009 г. привели к радикализации позиции «Братьев», которые резко осудили военные операции Израиля и поддерживавших их США. Негативным образом сказалось в Египте, так же как в других арабских странах, повышение в 2007 – 2008 гг. мировых цен на продовольствие и мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., что спровоцировало демонстрации протеста и забастовки.

Важным событием политической жизни Египта стали IV и V ежегодные съезды правящей Национально-демократической партии, состоявшиеся соответственно в ноябре 2007 г. и ноябре 2008 г. Выступавший на них Гамаль Мубарак, младший сын президента Египта, являющийся заместителем генерального секретаря НДП, обнаружил перспективную

программу социально-экономического развития Египта на 15 лет, включающую, в частности, развитие ядерной энергетики, и направленную на «реализацию принципа социальной справедливости». Наряду с этим Г. Мубарак заявил, что «НДП является партией, представляющей интересы всех египтян, а не только предпринимателей».

Возвращение Мухаммеда аль-Барадеи в феврале 2010 г. в Египет после почти 30-летнего перерыва* и его активное включение в предвыборную борьбу внесли оживление в политическую жизнь Египта. Острая критика аль-Барадеи власти, его призывы к изменению конституции и гражданскому неповиновению, отмене чрезвычайного положения, борьбе с коррупцией и бойкоту парламентских выборов, а самое главное – президентские амбиции вывели его в лидеры оппозиции.

Прошедшие в конце ноября – начале декабря 2010 г. выборы в Национальную ассамблею Египта подтвердили прогнозы относительно оглушительной победы партии власти и не оставили никаких шансов представителям египетской оппозиции. По результатам первого тура представители «Братьев-мусульман», баллотировавшиеся как независимые кандидаты, не смогли завоевать ни одного места в парламенте. «Братья» и светская оппозиционная партия «Вафд» заявили о массовых подтасовках итогов голосования и объявили о бойкоте второго

* С начала 1980-х гг. он работал в США, с 1997 г. по 2009 г. возглавлял Международное агентство по атомной энергии со штаб-квартирой в Вене. М. аль-Барадеи обладал международным авторитетом и является лауреатом Нобелевской премии мира 2005 г. Он был известен своей твердой антиамериканской позицией по вопросу войны в Ираке в 2003 г., что увеличивает его популярность в глазах большинства египтян. Всемирная известность аль-Барадеи защищала его от возможных репрессий по политическим мотивам. Аль-Барадеи поддерживают, с одной стороны, либерально настроенная интеллигенция, оппозиционные движения «Кефайя», «Движение 6 апреля», а с другой – ему удалось найти точки соприкосновения даже с «Братьями-мусульманами» на основе общих интересов по смещению Мубарака.

тура. В итоге правящая Национально-демократическая партия (НДП) завоевала 420 из 508 мест в парламенте, упрочив свои позиции в преддверии назначенных на осень 2011 г. президентских выборов.*

Аль-Барадеи сформулировал цели своего нового движения в опубликованном призыве к изменению политической системы. Во-первых, возглавляемая им Национальная коалиция за изменения призывала отменить чрезвычайное положение, введенное в стране в 1981 г. и действующее до настоящего времени. По мнению оппозиции, власть в собственных интересах использует чрезвычайное положение, которое предоставляет право силовым структурам систематически нарушать права человека – проводить несанкционированные аресты, пытаться заключенных и подозреваемых, вести тайные судебные процессы в судах госбезопасности, вмешиваться в частную жизнь и запрещать оппозиции проводить массовые митинги и демонстрации. Во-вторых, НКИ требует восстановить контроль судебной власти за ходом выборов, отмененный поправками к конституции в 2007 г. В-третьих, Коалиция настаивает на введении ограничения (не более двух сроков подряд) на продолжительность пребывания президента у власти. Согласно конституции, только легально действующая партия (не менее 5 лет) может выдвигать своего кандидата на пост президента, при этом кандидат должен не менее года состоять в руководстве партии. Но Аль-Барадеи не только не состоял ни в одной политической партии, но и настаивал на своем независимом статусе.

В Египет при Х.Мубараке потекли иностранные вложения. Экономика росла. Сложился новый класс сверхбогатых людей. Некоторые из них действительно понимали, что экономику надо модернизировать. Либерализация, приватизация и телекомму-

* См.: Мохова И.М. Египет. новые выборы – прежние результаты? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 1. С. 21-25.

никации уже меняли ландшафт бизнеса. Продажи земельных участков, которые считались собственностью правительства, строительство отелей, туристических центров и богатых кварталов на побережье Красного и Средиземного морей или в Каире – всё это давало гигантские доходы. Их образ жизни вызывал негодование и ненависть десятков миллионов, которые существовали на грани голода, а также и людей молодых и образованных, которые не могли найти работу и не имели будущего. В то же время недовольство высказывали и военные, и органы безопасности, которые были реальной базой режима Мубарака. Они не хотели появления во главе государства его сына.*

Весной 2010 г. звезда Гамалея уже заходила. Отец не верил в его политическое будущее, а генералы не хотели видеть в Гамале лидера. Мубараку только что провели операцию по удалению желчного пузыря в Германии. Он ослабел физически, но по-прежнему считал себя незаменимым. Его ближайший советник (по-своему умный и талантливый начальник разведки, потом руководитель всех египетских спецслужб) Омар Сулейман всё время оставался в тени.** Именно он, а также руководитель Национально-демократической партии Ахмед Изз убрали всех политических оппонентов. В окружении Мубарака ему не оставалось замены. Старая генеральская гвардия была недовольна ни Гамалем Мубараком, ни окружающими его алчными бизнесменами.

Египет сравнительно быстро развивался. Рост ВВП за последние годы составлял 5-7% в год. Это уступало темпам

* Не исключено, что кто-то из противников Мубарака нарочно вбросил эту «идею» в общественное мнение, чтобы дискредитировать его. Многие ей поверили, что значительно усилило недовольство президентом.

** Омар Сулейман руководил не только разведкой. Он стоял за внедрением наиболее драконовских законов по чрезвычайному положению. Именно он попытался сломить мощь «братьев-мусульман», которые получили на выборах 2005 г., несмотря на всё сопротивление правительства, пятую часть голосов.

развития Китая или Индии, но намного превышало среднемировые показатели. Однако плоды этого экономического роста не доставались массам. Наверху были миллионеры и миллиардеры, которые стали появляться в стране после того, как президент Садат в 1970-е – начале 80-х гг. объявил политику «открытых дверей» («инфитах»).

Сверхбогатства в Египте создавались благодаря приватизации наиболее лакомых кусков государственной собственности, получения почти бесплатных земель для будущего развития, привилегированных займов государственных банков, доступа к государственным заказам, к созданию совместных предприятий с иностранными корпорациями. Около 40% населения жило на 1 – 2 долл. в день.

Каждый год на трудовой рынок Египта выбрасывалось 700 тыс. человек новых рабочих. Большая часть из них работу не получала. Формально безработица составляла 10 – 15% населения, фактически – больше. Едва ли не половина всей экономики страны приходилась на неформальную, никем не учтенную деятельность мелких торговцев и ремесленников, ремонтников, разнорабочих и так далее. Достаточно развитая система высшего образования, качество которого падало из года в год, производила десятки, а то и сотни тысяч молодых людей, имевших дипломы, кое-какие знания и амбиции, но не имевших работы.

Более того, накануне революций в Тунисе, Египте, а затем в других арабских странах, во всем мире из-за засухи, неблагоприятных погодных условий и плохого урожая зерновых стали расти цены на продовольствие. Значительную роль в восстании сыграли рабочие промышленных предприятий, государственных учреждений, транспорта.

На все накладывалась коррупция сверху донизу. Любая бумажка в государственном учреждении, получаемая из рук мелкого чиновника, могла стоить 50 – 100 фунтов при зарплате текстильщика 350 фунтов в месяц. (1 долл. равен примерно

5,9 египетских фунта.) Взятки на высшем уровне исчислялись миллионами и десятками миллионов фунтов. Предприниматели и чиновники колоссальные деньги делали «из воздуха», с помощью финансовых операций. Таким образом, расхищались огромные государственные средства между «жирными котами» и чиновниками, шло переливание одних в других. Миллиардеры проникали в парламент, высшие эшелоны правительства, правительственные чиновники, уходя со своих постов, оказывались во главе гигантских корпораций, которые ворочали сотнями миллионов и миллиардами фунтов. При этом население оставалось нищим, погруженным в заботу о лепешке. Любой протест подавлялся. 30 лет сохранялся режим чрезвычайного положения.

После десятилетий репрессий в стране очень слабое гражданское общество, то есть независимые общественные группы и организации, которые могли бы стоять между правительством и населением и участвовать в формировании политического курса. В Египте была более или менее свободная печать, но ее ограничивали. Оппозиционные партии владели жалкое существование. Выборы всегда фальсифицировали.

Большая часть египетского истеблишмента видела в Гамале Мубараке безальтернативного кандидата на пост президента Египта на следующих президентских выборах в 2011 г. В январе 2011 г. Египет столкнулся с серьезным политическим кризисом. Очевидно, что под влиянием тунисских событий страну охватили массовые социальные волнения. В конце января режим рухнул, а президент Х.Мубарак подал в отставку.

Ливия

Ливия принадлежит к числу стран, на протяжении нескольких десятилетий приносивших изрядную «головную боль» мировому сообществу. Будучи сравнительно неболь-

шим государством, она еще совсем недавно считалась одним из центров международного терроризма и даже не пыталась снять с себя эти обвинения.

Однако несколько лет назад ливийское руководство неожиданно резко сменило политический курс. Было заявлено, что Ливия отказывается от реализации ряда утопических псевдосоциалистических установок, переводит свою экономику на рыночные рельсы, отказывается от атомной программы, намерена осуществить ряд демократических реформ и помириться с Западом. Сегодняшняя политическая ситуация в стране характеризуется, во-первых, довольно строгими внутренними порядками, во-вторых, «сговорчивостью» на международной арене.

Ситуация в ливийском нефтегазовом секторе отражала общеполитическую модель государственного устройства страны, где вся полнота власти была сосредоточена в руках М. Каддафи. Несмотря на то, что с конца 1970-х гг. он не занимал официальных постов в правительстве, именно им принимались основные решения как на высшем политическом уровне, так зачастую и на уровне среднего звена ливийской бюрократии.

Стиль правления М.Каддафи до событий 2011 г. можно было охарактеризовать как контролируемый и культивируемый хаос в государственных структурах, призванный не допустить возникновения политической конкуренции. М. Каддафи произвольно распускал и вновь создавал министерства (так министерство энергетики было расформировано в 2000 г. и восстановлено в 2004 г.) и регулярно ротировал высшие чины ливийской иерархии. В тоже время ливийский лидер стремился все же сохранять своеобразный баланс в основных сферах политики и экономики Ливии, дублируя государственные институты и назначая на руководящие должности людей с противоположными взглядами и разного происхождения.

Примечательно, что на сегодняшний день главная проблема Ливийской национальной нефтяной компании (ЛННК) заключается в нехватке как материально-технических ресурсов, так и квалифицированных специалистов для оформления и реализации контрактов. По каждому контракту необходимо создавать управляющую структуру с участием ЛННК и утверждать план работ, отсюда становится понятным, что государственная компания не может справляться со всеми контрактами.

В Ливии напрашиваются некоторые параллели с ситуацией в соседних арабских странах. В результате быстрого демографического роста молодое поколение Ливии составляет 40 – 50% населения. Среди молодежи был высок уровень безработицы, рос накал неудовлетворенных желаний, чаяний, надежд, амбиций. Рабочих мест хватало, но они были непрестижны и низко оплачиваемы. Их занимали иммигранты – около миллиона – полутора миллионов человек из разных стран, в основном египтяне.

Каддафи мечтал о создании справедливого общества; он на какое-то время решительно ограничил частную собственность, например, владение землей, 5-ю гектарами. Запрещал частную торговлю, что создавало очереди и дефицит товаров в сравнительно богатой стране. Власть формально принадлежала народным комитетам, а на деле – усиливающейся бюрократии, полицейскому аппарату, его ближайшему окружению.

Йемен

Йемен – одна из беднейших арабских стран, пораженная острыми социально-экономическими проблемами, несмотря на наличие природных ресурсов. Специфическая ситуация в Йемене, где почти 40 лет правит авторитарный режим президента Салеха – союзника США. Это одна из самых бедных арабских стран, с «мертвящей бюрократией и всеобщей кор-

рупцией» (по выражению А. Васильева). Для Йемена характерно сочетание этнорелигиозного сепаратизма, катастрофически сократившейся нефтедобычи и быстро растущего населения с нищетой и тотальной безработицей, что стремительно приближает страну к статусу «развалившегося государства».*

В последние годы уровень жизни в этой стране Аравийского полуострова стремительно падает – параллельно с сокращением нефтедобычи. В 2002 году Йемен производил 460 тыс. тонн нефти в год, в 2007-м, по разным оценкам, от 300 до 350 тыс. тонн в год, в 2009-м – менее 286 тыс. тонн, а в 2017 году добыча будет равняться нулю. В результате в Йемене за последние годы сильно возросло социальное напряжение. Уровень безработицы составляет почти 40%, около 45% населения живет меньше чем на два доллара в день. По прогнозам экспертов, в ближайшие годы ситуация станет еще тяжелее из-за высокой рождаемости. По некоторым подсчетам, через 20 лет население страны практически удвоится и составит 40 млн. человек. Уже сегодня ощущается серьезная нехватка ресурсов, прежде всего водных.

Попытки хотя бы прокормить быстрорастущее население (площади под сельское хозяйство выросли с 37 тыс. гектаров в 1970 году до 407 тыс. в 2004-м) лишь усугубили главную угрозу национальной безопасности – недостаток пресной воды. На сегодняшний день 40% воды для ирригации берется из подземных источников, в результате чего уровень подземных вод ежегодно опускается на три–шесть метров. Уже сейчас для того, чтобы добыть подземную воду, власти должны бурить колодцы глубиной 800–1200 метров. В ряде горных районов дневной объем потребления питьевой воды составляет менее литра на человека. Столица страны Сана к началу следующего

* Васильев А.М. Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 6. С. 2-9.

десятилетия имеет все шансы стать первой в мире столицей, где закончится вода.

Ситуация усугубляется тем, что страна живет в состоянии перманентной гражданской войны. На севере находятся повстанцы-шииты из племени хути, выступающие за создание автономии. Их действия резко активизировались, после того как в декабре 2009 года точечным ударом саудовской авиабомбы был убит их лидер Абдель-Малик аль-Хути. На юге действуют сепаратисты, выступающие за отделение Южного Йемена — самой богатой части страны. Они считают, что произошедшее в 1990 году объединение с Севером было ошибкой и привело лишь к снижению уровня жизни на Юге. Помимо шиитов и южан в Йемене действуют многочисленные исламские террористические организации, укрепившиеся в этой стране в последние годы. Наконец, собственные вооруженные структуры имеют йеменские племена, далеко не всегда подчиняющиеся приказам из Саны.

Страна с самым низким в арабском мире уровнем жизни и стандартной для всего Ближнего Востока высокой долей молодежи в структуре населения (44% йеменцев младше 15 лет), Йемен давно стал местом вербовки агентов для террористических структур. По некоторым данным, здесь находится около 60 тыс. боевиков, прошедших различные горячие точки, включая Афганистан и Ирак.

Йемен является мировым лидером по количеству оружия на душу населения (официально он на третьем месте после США и Финляндии, но неофициально — на первом). Фигурой, благодаря которой Йемен не развалился, был президент Али Абдалла Салех. Коррупционер и диктатор, Салех тем не менее сумел выстроить эффективную систему управления страной. Система эта покоилась на трех элементах — грамотно выстроенных отношениях с шейхами, наркотиках и иностранной помощи. Салех делал так, что племена постоянно нуждались в

нем, подстегивая межплеменную вражду. Параллельно президент покупал лояльность шейхов ежемесячными денежными вливаниями. От лидеров племен требовалось лишь сохранять мир и спокойствие в стране и не выступать против Салеха.*

Вторым элементом был кат – кустарник, содержащий наркотические вещества. Он расслабляет, тонизирует, подавляет аппетит и заставляет людей забывать о тяжелых условиях их существования. В стране даже есть примета, что если волнения в народе не продолжаются в послеобеденное время, то они несерьезны. Ради пацификации населения правительство всячески стимулирует производство ката, и это очень дорого обходится Йемену, поскольку еще сильнее обостряет проблему нехватки воды. Сегодня на выращивание ката тратится до 37% всей воды, идущей на ирригацию.

Третьим элементом «системы Салеха» была иностранная помощь, прежде всего со стороны Саудовской Аравии и США. Эр-Рияд крайне заинтересован в сохранении территориальной целостности и стабильности в соседнем Йемене. В случае распада Йемена создание шиитского государства на территории хути (потенциального союзника и проводника интересов Ирана) могло бы усилить сепаратистские настроения в населенных шиитами нефтеносных районах Саудовской Аравии. А чрезмерное ослабление центральной власти усугубило бы конфликт саудовских властей с отдельными йеменскими племенами (несмотря на то что недавно саудовско-йеменская граница была демаркирована, ряд местных шейхов считают ее несправедливой).

Именно поэтому Эр-Рияд всячески спонсировал режим Салеха и даже на паях с ним участвовал в ежемесячной «рассылке подарков» шейхам. Финансовую поддержку режиму оказывали и Соединенные Штаты. Вашингтон не был заинтересован

* См.: Мирзяян Г. Крах Маленького Саддама // Эксперт. №23 (757) 13 июня. 2011.

в том, чтобы Йемен превратился в рассадник терроризма на Ближнем Востоке. Только в 2010 году на перевооружение и обучение йеменских контртеррористических подразделений Штаты выделили почти 150 млн долларов. Кроме того, в США опасаются, что в случае распада Йемена его жители последуют примеру южных соседей из Сомали и будут брать в плен суда в Баб-эль-Мандебском проливе и Красном море (в этих водах проходит около 50% мирового балкерного транзита, около 30% мировых контейнерных перевозок и почти четверть морских танкерных перевозок нефти).

Фактически на всей территории страны идет непрекращающаяся гражданская война всех против всех. На севере в горах продолжается мятеж хути, исповедующих зейдизм (одно из ответвлений шиизма). На юге же до сих пор сильно сепаратистское движение местных элит, выступающих за восстановление независимости Южного Йемена. Они недовольны тем, что после объединения страны в начале 1990-х всю власть в государстве прибрали к рукам северяне.

Слабость центрального правительства в Йемене, его неспособность проникнуть на контролируемые племенами территории, гористый рельеф этой страны, а также неопределенная позиция йеменского руководства в отношении местных джихадистов — все это способствует тому, что Йемен становится все более привлекательным местом для боевиков Аль-Каиды. По некоторым данным, на территории страны действуют от 200 до 300 членов Аль-Каиды; по другим данным, численность ее отрядов составляет 500–600 человек.

Власть одновременно должна противодействовать полупартизанским операциям мусульманских экстремистов на севере страны и сепаратистам на юге. Здесь особую роль играют противоречия между племенами и между умеренными шиитскими группировками (зейдитами) и суннитами. В конце концов, окончательный исход этих событий будут определять

крупные конфедерации йеменских племен. Президент Салех пытался ответственность за волнения переложить на спецслужбы Израиля и США.

На территории Йемена столкнулись интересы Ирана и США, Катара и Саудовской Аравии. Эта страна – не только родина многих бойцов «всемирного джихада» (корни Усамы бен Ладена – в Йемене), но настоящий «котел с неприятностями». Конфликт между президентом и племенами, категорически отвергшими попытку передать власть по наследству, напоминает схожую проблему в Египте. Однако противостояние южан-шафиитов и северян-зейдитов, усиленное недовольством отстраненной от власти и обделенной благами бывшей военной элиты юга – местная специфика.

Алжир

В Алжире после отказа его руководства в конце 1980-х гг. от «национального социализма» и однопартийной тоталитарной системы, была проведена широкая демократизация общественно-политической жизни, которой не знала ни одна страна арабского мира. Наряду с этим Алжир в условиях нарастания системного кризиса столкнулся с феноменом широкого распространения исламистского движения, структурировавшегося в самую массовую политическую партию Исламский фронт спасения (ИФС).

Рост ВВП в Алжире составлял 4 – 6% в год, хотя эти темпы несколько замедлились в 2006 – 2008 гг. Причем наряду с традиционной нефтегазовой отраслью достаточно успешно развиваются сектора, связанные с высокими технологиями, такими как информационные, ядерная энергетика, космические исследования.

Однако необходимо признать, что острота социально-экономических проблем сохраняется. Это прежде всего без-

работица, которая, несмотря на ее существенное снижение по сравнению с 1999 г. (тогда она составляла около 29%), достигала 11,8% в 2010 г. (эта средняя цифра по Алжиру, есть регионы, где она выше). Продолжающееся расслоение общества провоцировало демонстрации протеста, прошедшие в крупнейших городах Алжира.

На фоне событий в соседних странах социальные волнения перекинулись на Алжир. Люди требуют работы, улучшения условий труда и более высоких зарплат. Есть опасность превращения социального протеста в политический. На фоне событий в Египте в феврале 2011 г. в крупнейших городах Алжира – Алжире, Аннабе, Константине, Ороне – прошли многотысячные акции протеста с требованием отставки президента Абдельазиза Бутефлики, правящего страной с 1999 года, и проведения демократических реформ.

Сирия

В сирийской экономике ситуация в последние годы нестабильная. В промышленности полностью доминирует неэффективный государственный сектор. Безработица среди молодежи составляет более 20 проц. Все более или менее доходные предприятия в частной отрасли, например компании сотовой связи и нефтехимии, строительные фирмы, контролируются семьей Асада и приближенными к ней кланами. Уровень коррупции в стране довольно высокий, военные расходы и траты на оборону – еще выше.*

О необходимости преобразований сам Асад немало говорил еще одиннадцать лет назад. В 2000 году он собирался провести реформы, благодаря чему на Западе приобрел

* См.: Шукуров А. Сирия под давлением обстоятельств // Центр Азии (Алматы). №6 (43) 2011.

имидж арабского либерала, но до сих пор не выполнил своих обещаний. Президент признает этот факт, но оправдывается тем, что государству пришлось сместить приоритеты в силу сложных событий, происходивших в последние годы в Ираке, Палестине и Ливане.

На фоне внешнеполитических изменений в середине 2000-х годов ему было не до решения комплекса внутренних социально-экономических проблем. После нападения на Ирак многие эксперты вообще называли Сирию следующим кандидатом на демократизацию по-американски.

Совсем испортились американо-сирийские отношения после переориентации Дамаска на Иран в 2005 году. Тогда были заморожены все политические контакты между странами. В последующем Вашингтону пришлось приложить немало сил, чтобы попытаться вырвать Сирию из орбиты иранского влияния. Между тем параллельно не прекращалась работа по расшатыванию сирийского режима изнутри. Об этом свидетельствуют данные, обнародованные сайтом WikiLeaks. Так, из рассекреченных американских дипломатических депеш следует, что Госдеп США в течение нескольких лет перечислил противникам сирийского режима от пяти до двенадцати миллионов долларов. Финансирование сирийской оппозиции началось еще при президенте Джордже Буше в 2005 году и продолжилось после смены власти в США, когда хозяином Белого дома в 2008-м стал Барак Обама.

Еще в 1980 году сирийский парламент принял закон о введении смертной казни за принадлежность к организации «Братья-мусульмане».

Башар Асад не обладает авторитетом и харизмой своего отца, и вообще политик другого уровня и масштаба. Он понимает необходимость социально-экономической и политической трансформации Сирии, о чем говорил еще в начале своего правления в 2000 году, но не смог воплотить в жизнь

практически ни одного нововведения, так как боится втянуться в поток событий, которыми не сможет управлять.

Тем не менее, Асад провел ряд реформ и важных политических перестановок в высшем руководстве страны, отменил режим чрезвычайного положения, предложил предоставить курдскому населению сирийское гражданство и выдать паспорта, освободил несколько десятков политзаключенных из числа религиозной оппозиции и, пойдя на встречу консервативным мусульманам, закрыл единственное казино в стране и отменил запрет на ношение хиджаба школьными учительницами. Кроме того, он пообещал продолжить демократические преобразования, создать в стране многопартийную политическую систему и резко повысить качество и уровень жизни населения.

Но главная сложность для сирийского президента и его окружения заключается в том, что за последние годы изменилось само сирийское общество и ситуация в арабском мире. При этом власти страны не смогли правильно и адекватно среагировать на первые ростки народного недовольства, оценить риски и угрозы для государства и общества.

В Сирии не было такой бедности, как в Египте, но база для широкого социального недовольства существовала. В Сирии много университетов, и, как в Египте, выпускники часто не имеют работы. Молодое поколение было в целом деполитизировано. Кровавые войны в Ливане и Ираке убедили их, что стабильность и безопасность – это то, что не стоит разрушать. Сам Асад сравнительно молодой – ему 45 лет, он позиционирует себя в качестве антизападного и, конечно, антиизраильского лидера. В Сирии многие рассматривают падение Мубарака как свидетельство краха проамериканского президента, ставшего союзником Израиля.

Руководству Сирии приходится делать трудный выбор между государственной экономикой и свободным предпри-

нимательством. Оно может ограничить доходы генералов, высшей государственной и партийной бюрократии, но также и прекратить субсидии для масс. Только в январе правительство увеличило субсидии на бензин для рабочих государственных предприятий.

Любопытно, что политический контекст сирийской революции является зеркальным отражением политического контекста бахрейнской. Здесь тоже имеет место раскол по религиозному принципу между правящей, но уже шиитской (алавитской) «династией» Асадов и большинством населения страны, принадлежащим к суннитской ветви ислама. И если главным внешним союзником королевской власти Бахрейна выступает Королевство Саудовская Аравия, то для республиканской Сирии таковым является Исламская Республика Иран. Что и создает возможность для зеркальной геополитической интерпретации революционных волнений здесь, как и в Бахрейне.

Стабильные арабские страны

Марокко

Марокканский опыт представляет собой пример феномена исламизма в арабской монархии. Королевская династия здесь представлена шерифами*, т.е. потомками пророка Мухаммеда, почитаемыми во всем мусульманском мире. Тем не менее, данный фактор не помешал возникновению в Марокко исламизма, в т.ч. и его радикального направления. Необходимо отметить, что развитие исламистского движения в стране также происходило на фоне социально-экономического кризиса. В то же время, в отличие от Алжира и Туниса, в Марокко не было ни политического, ни идеологического кризисов.

* Или «Шарифы» – потомки пророка Мухаммада от его внука Хасана.

Король Мухаммед VI, вступивший на престол в 1999 г. после кончины своего отца короля Хасана II, попытался изменить ситуацию и провел ряд достаточно важных политических и административных реформ с целью подъема экономики и демократизации общественно-политической жизни страны.*

Наряду с этим достаточно серьезную реорганизацию претерпела религиозная сфера. Была проведена регистрация всех мечетей королевства (около 42 тысяч) и закрыты те из них, которые были созданы без официальной санкции министерства по религиозным делам и где проповедовали так называемые самопровозглашенные имамы. В провинциях были сформированы утверждаемые также министерством по религиозным делам местные советы имамов. В их задачу входило контролировать соответствие проповедей местных имамов классическим догмам ислама, с тем чтобы предотвратить пропаганду радикального исламизма.

Умеренный исламизм в Марокко, его отношение к властям и проводимой ими либерализации и демократизации, можно определить как конструктивную оппозицию, отражающую в основном интересы неимущих слоев населения. На рубеже 1990-х-2000-х гг. в Марокко насчитывалось около двух десятков исламистских организаций, большинство из которых представляли умеренный исламизм. В 2000-х гг. марокканские умеренные исламисты были представлены в основном двумя наиболее значительными организациями – Партией справедливости и развития (ПСР) и движением Справедливость и благодеяние.

Одной из наиболее известных и многочисленных радикальных группировок является «Салафитский джихад». В начале 2000-х гг. в Марокко также действовали такие группировки, как «Правильный путь», «Обвинение в неверности и хиджра».

* Орлов В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 5. С. 128-137; № 7. с. 134-142.

Наряду с террористическими группами на территории Марокко действует организация «Воюющая исламская марокканская группа» (ВИГ-М), созданная в начале 1990-х гг. известными идеологами исламизма. Именно ВИГ-М стала одним из главных организаторов отправки марокканских «моджахедов» в Ирак для борьбы с оккупационными силами США.

В Марокко не решены такие острые социально-экономические проблемы, как безработица, жилищный кризис, низкий образовательный уровень части населения, неразвитость жилищно-коммунальной структуры в бедных городских кварталах. Руководство Марокко предпринимает меры по ликвидации глубинных причин возникновения экстремизма, т.е. решения социально-экономических проблем и сокращения числа неминуемых. В частности, предполагается создание социальной инфраструктуры, создание учебных заведений, открытие новых рабочих мест и постепенная ликвидация бидонвилей. Стратегические планы марокканских руководителей направлены на модернизацию экономики и страны в целом, в частности, планируется дальнейшее создание «свободных экономических зон».

Катар

Пример Катара – небольшого полуостровного государства в Персидском заливе является показателем крупнейшего производителя природного газа. В производстве сжиженного природного газа (СПГ) Катар претендует на статус мирового лидера.*

Уникальными выглядят относительные показатели, характеризующие газовые ресурсы эмирата. Удельная плотность, т.е. количество газа на единицу площади, составляет 222,7 млн. куб. м на 1 кв. км (в мире – 2,9 млн.). Срок прогнозируемой

* См.: Старцев С.А. Катар: маленький гигант большого газа // Азия и Африка сегодня (Москва). 2010. № 4. С. 9-12.

эксплуатации – 332,4 года (в мире – 63,1 года). Запасов газа Катара достаточно, чтобы на протяжении 30 лет обеспечивать потребности США в этом энергоносителе.

Стержнем интенсивного хозяйственного роста является 5-летняя энергетическая программа (2007 – 2012 гг.) с инвестиционным обеспечением порядка 70 – 80 млрд. долл. Одним из трех базовых направлений рассматривается развитие новых мощностей по производству сжиженного природного газа (СПГ). Доходы нефтегазового сектора составляют 60% от ВВП.

В нефтегазовом секторе ключевая роль сохраняется за государством в лице вертикально интегрированной национальной компании *Qatar Petroleum*. Она реализуется через систему участия в дочерних фирмах и взаимодействии с признанными «грандами» из числа транснациональных энергетических концернов и новыми «игроками» из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Организационно-правовым фундаментом газовой индустрии являются совместные предприятия – корпорации с привлечением представителей мирового нефтегазового бизнеса, с гибко варьирующимся от проекта к проекту составом участников при сохранении за государством контрольного пакета акций.

Катар «перевел» мировой энергетический рынок в новую эру, когда 6 апреля 2009 г. запустил первую в истории интегрированную систему по добыче и производству сжиженного газа *Qatargas-2* – объект нового поколения стоимостью 13 млрд. долл. Для Катара характерны оперативность и интенсивность в реализации проектов. Благоприятный инвестиционный климат привлекает крупные портфельные иностранные инвестиции в газовую промышленность страны.

Предполагается, что к концу будущего года Катар удвоит имеющиеся мощности по производству сжиженного газа и выйдет к 2012 г. на уровень 77 млн. т (106,3 млрд. куб. м). Однако экспортные возможности страны лимитированы пространственным фактором, исключительно значимым в

международной торговле газом, – удаленностью от ведущих центров потребления. Однако эмират удачно нашел свою газовую нишу – это возможность организовать поставки СПГ. Капиталоемкое производство СПГ экономически оправданно, если потребитель находится на расстоянии свыше 5 – 6 тыс. км.

Помимо СПГ, Катар начал успешно налаживать и традиционную трубопроводную поставку газа.

Саудовская Аравия

Саудовская Аравия занимает особое место среди арабских стран, во-первых, в силу своего авторитета и влияния как центра мусульманского суннитского мира и хранительницы мусульманских святынь – городов Мекки и Медины. Во-вторых, в виду своей важной роли в финансово-экономических структурах в арабских странах и мира в целом и значительных инвестиционных и спонсорских возможностях. В то же время в Саудовской Аравии на рубеже XX-XXI вв. происходили процессы, во многом аналогичные общим тенденциям, имевшим место в большинстве арабских стран, т.е. либерализация в той или иной мере государственно-политической системы и активизация исламизма. В отличие от большей части арабо-мусульманского мира, где одной из основных причин возникновения исламистского движения становились социально-экономические факторы, в Саудовской Аравии таковыми являлись религиозно-политические и, в какой-то мере, кланово-региональные противоречия.*

Исламистское движение, оппозиционное правящей королевской династии, стало формироваться в начале 1990-х гг.

* См.: Косач Г. Саудовская Аравия в меняющемся мире // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2010. № 8. С. 132-141. его же. Саудовская Аравия: власть, социальная трансформация, образование // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2011. № 4. С. 162-168.

Саудовские правоохранительные органы за период 2003 – 2008 гг. в значительной степени подавили радикальную исламистскую оппозицию, хотя о полной победе над исламистским экстремизмом говорить еще рано. В общественно-политической жизни проводятся реформы с целью ее демократизации, в частности выполнена большая часть из предлагавшихся умеренной оппозицией преобразований. В 2005 г. впервые в истории королевства прошли выборы в местные органы самоуправления – консультативные советы при губернаторах провинций.

Все вышеуказанные реформы и созданные институты действительно можно охарактеризовать как элементы гражданского общества. В то же время важно отметить, что преобразования в Саудовской Аравии (как и в других монархиях Персидского залива) проводятся строго в рамках Корана и шариата.

По мнению некоторых западных экспертов, привычное определение Саудовской Аравии как «нефтяного королевства» с наступлением нового века уже не в полной мере передает качественное состояние национальной экономики. Уровень добычи в обозримом будущем должен будет, судя по всему, начать снижаться. Вероятность того, что Саудовская Аравия выполнит объемы поставок нефти, запланированные во всех крупных мировых прогнозах добычи и потребления нефти, весьма мала. Саудовская Аравия, наряду с другими нефтяными монархиями Аравии, прикладывает большие усилия для диверсификации своей экономики, для развития нефтепереработки и нефтехимии.

Однако саудовская экономика сейчас уже не сводится исключительно к нефти. Существующий в стране более десяти лет Высший экономический совет последовательно в пятилетних планах развития ставил целью сокращение зависимости от нефтяного сектора. Десятилетия модернизации принесли

свои плоды: созданы новые отрасли промышленности, развивается сельское хозяйство, ускоренно растет сфера услуг. Численность населения выросла в 1975 – 2008 гг. с 7,3 до 28 млн. человек, доля городского населения увеличилась с 58,3% до 81%, продолжительность жизни возросла с 54 до 72 лет. ВВП на душу населения в 2006 г. по паритету покупательной способности составил 22 тыс. долл.

В последние годы большое внимание уделяется развитию ранее отсталых регионов – на севере и на юго-западе страны. Там создаются новые промышленные зоны. Но при этом возник дефицит бюджета. Появились трудности с обеспечением электроэнергией и пресной водой. В сельском хозяйстве уменьшаются посевные площади и сокращается объем производимой продукции, так как у государства уже нет средств для закупки зерна у национального производителя, себестоимость которого в 5 – 7 раз выше уровня мировых цен. Из-за вялости частных инвесторов медленно реализуется план по приватизации отдельных промышленных предприятий и организаций.

Однако правительство прикладывает большие усилия для привлечения частного капитала в добывающую отрасль, не связанную с нефтью. Разрабатываются месторождения золота, серебра, меди, цинка и других полезных ископаемых. Все больше внимания власти уделяют развитию паломничества, а также созданию индустрии туризма, оказавшейся столь прибыльной отраслью экономики в ряде арабских стран.

За десятилетия модернизации в стране вырос новый средний класс. Это саудовцы, имеющие среднее или высшее образование, опыт ведения самостоятельного дела или работы по найму в частном и государственном секторах, привыкшие к новым, комфортабельным материальным условиям жизни и высокому уровню потребления. Поэтому власть стремится побороть среди молодежи иждивенческие и потребительские настроения, что по сути означает возвращение к давним пле-

менным основам, к тому укладу жизни, в котором каждый отвечал за себя и за семью, хотя и опирался на поддержку общины.

Для решения задач социального развития в стране также действуют специальные Пенсионное агентство, Агентство социального обеспечения, помогающее больным, инвалидам, сиротам и семьям заключенных. Кроме того, во всех регионах действуют благотворительные учреждения, крупнейшим из которых стал созданный в 2007 г. Фонд короля Абдаллы.

Исламская составляющая имеет большое значение в общественной жизни королевства. Для решения задачи выхода из кризиса важно не противостояние ислама неисламскому миру, а альтернативность ислама как системы традиционных ценностей – альтернатива переживающей кризис системе ценностей потребительского западного общества.

Среди сторонников революции по египетскому пути могут быть какие-то представители городского среднего класса. Но им надо выбирать между сравнительным материальным благополучием и потенциальной опасностью бунта. Конечно, образованный средний класс в Саудовской Аравии на события смотрел по-другому, кое в чём морально поддерживая восставших. Саудовские блогеры осуждали правительство за то, что оно дало бывшему правителю Туниса Бен Али убежище.

Здесь же действует разбросанная по всей гигантской территории королевская семья, точнее – клан из более 5 тыс. человек. За штурвалами самолетов сидят в основном члены королевской семьи, они – в аппарате всех ведомств, во главе провинций. В Саудовской Аравии находятся главные святыни ислама Мекка и Медина, и религиозный истеблишмент имеет глубочайшие корни. Призывы к восстановлению основ ислама в Саудовской Аравии прозвучали бы просто смешно, потому что в стране нет другого права, кроме шариаата.

Исламская составляющая во внешней и внутренней политике королевства важна не столько как показатель «конфликта цивилизаций», сколько как индикатор очевидной тенденции к мировой регионализации, и мировой кризис, видимо, существенно усилит эту тенденцию. Перспективы Саудовской Аравии на роль регионального лидера не бесспорны, но все объективные предпосылки налицо. Очевидно и стремление дистанцироваться от Запада. Обращает на себя внимание устойчивая тенденция в королевстве к сокращению доли импорта из США и Великобритании при росте доли КНР и Южной Кореи.

Власть опирается не только на сильные полицейские структуры, но и на национальную гвардию, которая формируется из верных династии и племен «голубой крови». Что касается рабочих – это 7-8 млн. иммигрантов из Пакистана, Бангладеш, Филиппин и некоторых других стран, то они приехали сюда не для того, чтобы остаться и получить саудовские права, а для того, чтобы заработать денег и уехать. Кризис может коснуться и этой страны, но он может принять в ней очень специфический характер.

При этом правительство может прибегать к репрессиям, пропаганде, к племенным связям, к патронажу для того, чтобы ослабить любую оппозицию. Король Абдалла перед возвращением после лечения в страну объявил о социальной программе в 30 миллиардов долларов на помощь бедным, отсрочку кредитов, строительство жилья. Любые шаги к какой-либо демократизации раньше давали преимущества крайне антизападным исламистам в Саудовской Аравии, поэтому просто призыв к «свободным» выборам – опасный лозунг даже для скрытых либералов.

Только в Восточной провинции, где есть достаточно многочисленное шиитское население, мог бы вспыхнуть массовый протест. Но религиозные лидеры там очень осторожны. Они

боятся обвинений в том, что играют роль как бы «пятой колонны» Ирана. В начале февраля молодые саудовцы из восточного города Катифа планировали демонстрацию, требуя политических реформ, но местные религиозные лидеры отговорили их от этой затеи. Конечно, пожилые авторитеты могут потерять контроль над улицей. Но у большинства саудовцев пока что вряд ли есть желание увидеть в стране революцию. Правда, они хотят реформ и меньше коррупции.

Таким образом, в международном положении Саудовской Аравии наблюдается ослабление степени зависимости от Запада наряду с возрастанием взаимообусловленности экономического и социального развития внутри субрегиона Аравии и Персидского залива, а возможно, и всего Ближнего Востока. Проблема и в том, что сейчас правители заняты вопросом престолонаследия и плохим здоровьем очень пожилых членов королевской семьи.

В целом монархические государства Персидского залива находятся в разном положении с точки зрения достигнутого уровня демократизации. С одной стороны, в Кувейте уже много лет проводятся открытые и честные выборы, имеются влиятельный парламент, свободная пресса, а правительство подотчетно обществу. Это вполне демократическое государство. А на другом конце спектра расположена Саудовская Аравия, где вообще нет ни одного общенационального органа, формируемого путем выборов.

Но ни в одной из этих стран в ближайшем будущем не будет установлен полномасштабный конституционно-монархический строй, то есть некая система с демократическим процессом принятия решений. Все они движутся к ситуации, в которой монарх может позволить некоторое участие народа в управлении страной – в той мере, чтобы поддержать стабильность, но не уступит ему власть. Саудовская Аравия продолжает противостоять этой тенденции и заявляет, что у

нее своя специфика. Недавняя волна восстаний ее особенно не затронула, но стоит ожидать, что когда-нибудь в недалеком будущем и перед Саудовской Аравией встанут вопросы об участии народа в политическом процессе и подотчетности власти.

Ситуация в Ираке

В течение длительного времени на политическую ситуацию на Ближнем Востоке сильное влияние оказывал фактор Ирака. Вывод американских боевых частей из Ирака позволяет говорить если не об окончании военных операций вообще, то по крайней мере о наступлении нового этапа интервенции.

За период с 2003 г. произошло превращение Ирака в новый центр активности транснационального исламистского терроризма. В этой стране возникла организация под названием «Аль-Каида в Месопотамии». В Ирак нахлынули террористы со всех концов арабского мира; сформировалась мощная антизападная, в первую очередь антиамериканская сила.

Второй итог – беспрецедентное усиление Ирана, превращение этой не-арабской и не-суннитской страны не только в ближневосточного тяжеловеса, но и в лидера «арабского сопротивления». Президент Ирана М.Ахмадинежад стал буквально кумиром «арабской улицы», многовековая вражда между арабами и персами отошла в тень. Иранские власти финансируют и вооружают не только ливанскую шиитскую экстремистскую организацию «Хезболла», но и палестинское суннитское движение Хамас. Иорданский король Абдалла говорил о «шиитском полумесяце», вклинившемся в суннитский мир Арабского Востока. Все это стало возможно только благодаря тому, что американскими руками был устранен со сцены иракский диктатор Саддам Хусейн.

И третий итог – невиданный ранее подъем антиамериканских настроений в мире ислама, но не только. Антиамерика-

низм необычайно окреп после вторжения западных войск в одну из мусульманских стран, что вполне естественно, но он усилился вообще во всем мире и привел к резкому падению престижа США.*

Но после корректировки иракской политики прежней администрацией ситуация начала стабилизироваться. Уже в середине 2008 г. уровень насилия снизился на 80%, число жертв в среднем за месяц сократилось в 3-5 раз. Общая численность подчиняющихся правительству иракцев под ружьем достигла 555 тыс. человек, в том числе в армии – 230 тыс. (14 дивизий). На подготовку и оснащение армии и полиции истрчено 18 млрд. долл. При этом 80% офицеров и 50% солдат составляют бывшие военнослужащие армии С.Хусейна. Сейчас число суннитов среди офицеров примерно равно числу шиитов, а среди рядовых 25% составляют сунниты – существенное достижение, если учесть, что еще годом раньше там были почти только шииты.

Теперь можно сказать, что страна начинает вставать на ноги. Террористам не удалось разрушить экономику; несмотря на многочисленные случаи взрывов нефтепроводов, уже добывается почти 2.5 млн. барр. нефти в день, как и в довоенные времена, а доходы от экспорта нефти составляют 60 млрд. долл. Всего в Ираке работают 38 компаний из 17 стран. Вопреки распространенному мнению, что вся американская интервенция была затеяна для того, чтобы США смогли прибрать к рукам иракскую нефть, самое крупное месторождение Ирака – «Румейла» (17 млрд. барр.) в результате торгов досталось консорциуму во главе с British Petroleum. Ирак также становится серьезным экспортером природного газа.

Что касается уровня жизни населения, то картина весьма противоречивая. С одной стороны, полная свобода передви-

* См.: Мирский Г. Иракская драма идет к концу? // *Мировая экономика и международные отношения* (Москва, ИМЭМО). 2011. № 2. С. 70-78.

жения и выезда за границу, свобода слова и печати, обилие импортных товаров, огромный рост числа автомашин. Число подключений к Интернету выросло с 4.5 тыс. до 1.6 млн., количество мобильных телефонов увеличилось с 80 тыс. до 20 млн. Если после падения прежнего режима в Ираке выходило всего 5 газет, то уже через три года их число выросло до 1806. Появились десятки политических партий самой различной ориентации – националистические, коммунистические, либеральные, светские, религиозные.

Характерные черты обновляющегося, модернизирующегося иракского общества – те же, что были всегда: партикуляризм, мозаичность, клановость, неустойчивость, отсутствие некоего единого стержня. Но по крайней мере налицо свобода выражения самых различных интересов при том, что основой общественно-политической жизни негласно признана необходимость сохранить единое государство, не допустить его гибели в пламени межобщинной войны.

С другой стороны, все еще не преодоленная экономическая разруха, бедственное материальное положение массы населения, нехватка пищевой воды, электричество, доступное только на несколько часов в день, безобразное положение со здравоохранением и образованием. Половина трудоспособного населения – без работы, нехватка энергии и слабость инфраструктуры не дают развиваться промышленности. Фактически ничего нет, кроме нефтегазовой индустрии. И на этом безрадостном фоне – все пронизывающая сверху донизу коррупция.

Особенно удручающе выглядит картина политической жизни. Сунниты и шииты все еще не доверяют друг другу и боятся друг друга. Хотя вроде бы «исторический компромисс» достигнут, кровавая бойня прекращена, сунниты уже не бойкотировали последние парламентские выборы в марте 2010 г., а в одном из главных борющихся за власть блоков («Аль-

Иракийя») представлены обе общины, до создания нормальной демократической системы еще очень далеко. «Аль-Каида в Месопотамии», хотя и резко ослаблена (ее харизматичный лидер Мусаиб аз-Заркауи убит), но отнюдь не ликвидирована. Наоборот, чем больше Ирак будет продвигаться по пути нормализации, тем более свирепыми и безжалостными будут становиться атаки исламистов. Уход американцев сразу же привел к усилению активности боевиков, особенно на севере, в районе Мосула, где обстановка всегда была наиболее напряженной.

Фактически, в стране остается твердое ядро террористических ячеек по всей стране, единых по своим целям, хотя и не находящихся реально под одним командованием. Они обладают знанием и умением действовать локально, в своих районах и в крупных городах, несмотря на повышенный уровень безопасности и улучшение состояния иракских вооруженных сил.

Нет согласия внутри самой правящей шиитской верхушки. После освобождения от саддамовского режима сильнее всех в шиитском лагере выглядел «Высший совет исламской революции в Ираке». Это созданная в Иране эмигрантами религиозная партия, цель которой состоит в установлении в Ираке теократического режима наподобие иранского. При ней были созданы – на иранской территории и при финансовой поддержке Тегерана – свои вооруженные силы под названием Корпус Бадра. Но стать доминирующей силой в шиитской общине проиранским клерикалам не удалось: духовный лидер иракских шиитов великий аятолла Али ас-Систани не разделял их мнения о необходимости имитации иранской модели. На выборах в парламент в 2005 г. им не хватило всего 10 голосов для получения абсолютного большинства, но на последующих выборах они получали все меньше голосов. Лидер этой организации, переименованной сейчас в «Высший исламский совет», Абдель Азиз аль-Хаким, недавно умер, что тоже отразилось на ее влиянии.

Другой крупной организацией была старейшая шиитская партия «Ад-Дауа» («Призыв»), лидер которой Нури аль-Малики стал премьер-министром. Это партия умеренных исламистов. На противоположном фланге находится военно-политическая организация «Армия Махди», во главе которой стоит молодой амбициозный политик Муктада ас-Садр. «Армия Махди» вела несколько лет тому назад ожесточенную вооруженную борьбу с американскими войсками. Сейчас, когда на передний план вышла не столько война, сколько политика, «Армия Махди», потерпев к тому же ряд чувствительных поражений от морской пехоты США, утратила свое значение как военная сила (точно так же, как Корпус Бадра) и накануне последних парламентских выборов объединилась с Высшим исламским советом в блок «Иракский национальный альянс». На мартовских выборах блок получил 68 депутатских мандатов, но это дало ему лишь третье место в парламенте.

На первую позицию по числу депутатских мест (91 мандат) вышел светский блок «Иракийя» во главе с бывшим премьер-министром Аяядом Алауи; он – единственный из шиитских политиков, кого поддерживает и значительная часть суннитов. Почти столько же (89 мандатов) получил образованный премьер-министром Малики на базе его партии «Ад-Дауа» блок «Правовое государство» (или «Государство закона»). Борьба за кресло премьера развернулась между Малики и Алауи; считается, что иранцы желали бы скорее видеть у власти первого, а американцы – второго.

Трудно назвать другую страну, в которой существует такая взаимная вражда и подозрительность между политиками, такая сварливость, нетерпимость и несговорчивость, такая потрясающая неспособность и нежелание договориться, найти точки соприкосновения. Здесь дело не только в принципиальных разногласиях. Огромную роль играют личные амбиции, клановые интересы, грызня из-за доступа к финансовым ресурсам.

Для создания сильной и стабильной власти правительство должно опираться на общенациональный консенсус, чего крайне трудно добиться в стране, где фактически нет единой нации. Следовательно, ее необходимо создать или по крайней мере имитировать ее наличие. Средство только одно – инспирировать подъем иракского национализма. Этот национализм позволит укрепить суверенитет государства и, в частности, избежать слишком сильного иранского влияния.

Новый, чрезвычайно опасный очаг внутренней борьбы в Ираке может возникнуть из-за арабо-курдских противоречий. Курдская часть Ирака, в которой проживает пятая часть населения государства, является де-факто самостоятельным регионом.

Перед иракскими курдами стоят два варианта развития страны: независимость или автономия в составе Ирака. Первый вариант чреват невероятными трудностями. Во-первых, нет гарантии, что Турция не предпримет вооруженной интервенции. В случае провозглашения независимости иракского Курдистана Анкара, опасаясь, что образование нового государства может дать толчок борьбе турецких курдов, вполне могла бы не допустить этого путем применения силы. Во-вторых, даже если бы Турцию удалось от этого удержать, вряд ли мировая общественность признала бы курдское государство хотя бы потому, что западные державы не заинтересованы в резком ухудшении отношений с Турцией, членом НАТО. В-третьих, этим был бы возмущен весь арабский мир.

Поэтому арабский мир бойкотировал бы Курдистан, и то же сделали бы Турция, Иран и Сирия из-за ситуации с собственными курдами. В таком случае независимый Курдистан оказался бы окруженным врагами, что подорвало бы все его экономические связи. И, в-четвертых, курды, лишенные сколько-нибудь значительных естественных ресурсов, при весьма сомнительных перспективах обретения нефтеносного

района Мосула – Киркука и при неизбежной потере той части выручки от продажи иракской нефти, которую они сейчас получают, оказались бы перед лицом подлинной экономической катастрофы.

Взвесив все это, курдские лидеры пришли к единственно правильному выводу: они твердо заявили, что о выходе из состава Ирака нет и речи и что они видят будущее своей земли в составе иракского федерального государства при условии передачи им Киркука, который в проекте основного закона был провозглашен столицей курдского региона. Здесь сразу же появилось зерно будущего конфликта, причем многостороннего: ведь мало того, что иракские арабы при любом правительстве вряд ли согласятся отдать курдам богатейший нефтеносный район (там добывается пятая часть иракской нефти) – на него может выдвинуть свои претензии и Турция, аргументируя их, в частности, тем, что значительную часть населения Киркука составляют туркмены (туркоманы), народ тюркского корня.

С.Хусейн успел переселить в Киркук множество арабов, и сейчас демографическая ситуация в городе является неясной, переписи не проводилось. Намеченный референдум о статусе Киркука все время откладывается из опасения вспышки острого конфликта. Сейчас приближается момент, когда вопрос о Киркуке должен быть все-таки решен в ту или иную сторону, и арабы, как сунниты, так и шииты, будут категорически против передачи Киркука в состав иракского Курдистана. Премьер-министр Малики прекрасно понимает, что именно на киркукском вопросе можно попытаться объединить арабов – суннитов и шиитов, а заодно приобрести репутацию общенационального лидера, отстаивающего арабские интересы.

Взрыв насилия в Киркуке, способный перерасти в вооруженный конфликт между арабами и курдами, вполне реален. В Ираке на фоне межарабских суннитско-шиитских военных действий Киркук оставался в тени, но вскоре может прийти

его очередь, и судьба единого иракского государства окажется под вопросом. Но если киркукскую проблему удастся решить, то Ирак сохранится полностью в нынешнем виде.

Возвращающийся на мировую арену Ирак будет находиться под влиянием в первую очередь Соединенных Штатов и Ирана и во вторую очередь – Саудовской Аравии и Турции. Ни одна из этих держав не заинтересована в распаде Ирака. Для США это означало бы, что вся южная, шиитская половина Ирака оказалась бы под контролем Ирана. Вашингтон, несмотря на уход из Ирака, не может и не желает снять с себя ответственность за его судьбу, считая, что новое иракское государство должно стать одним из оплотов американской политики в регионе. Вообще уход американских войск – дело относительное. Остается еще примерно 50 тыс. военнослужащих, входящих в ААВ (Advisory Assistance Brigades), бригады для советов и оказания помощи.

Из 162 млрд. долл., выделяемых Ираку в виде международной помощи, доля США составит 53 млрд. И американская администрация не без основания рассчитывает, что Багдад не сможет отказаться от союзнических отношений как по соображениям безопасности, так и из-за потребности в экономическом содействии. Кроме того, в Вашингтоне понимают, что без союза с ним иракские власти вряд ли смогут противостоять влиянию Ирана.

Готовность Багдада к активизации военно-технического сотрудничества с США (Ирак ведет переговоры с США по закупке истребителей F-16 и систем ПВО) связывают с неожиданным ростом его нефтяных доходов и необходимостью защищать воздушное пространство. Вашингтон надеется, что многомиллиардная сделка поможет усмирить амбиции Ирана в регионе и послужит основой для долгосрочных отношений с Ираком после вывода войск США. Поставки вооружения Ираку помогут сдерживать «иранскую угрозу», укрепят без-

опасность в регионе в целом и послужат фундаментом для долгосрочных отношений Багдада и Вашингтона на новом этапе – после того как американский контингент покинет территорию Ирака.

Сейчас Ирак пытается вернуть себе роль главного духовного центра шиизма. Связи между духовными авторитетами Ирана и Ирака укрепились в тот период, когда спасшиеся от зверств баасистского режима иракские аятоллы и другие богословы нашли себе убежище в Иране. Эти связи сохраняются, но не без элементов соперничества и разногласий. Иран не заинтересован в распаде Ирака, так как в этом случае он мог бы сохранить влияние, и то относительное, только в южной, шиитской части страны. Гораздо важнее добиваться решающего влияния на Багдад, пытаться направлять политику центральной иракской власти в нужное для Тегерана русло. Здесь козырем иранских правителей является антиамериканское настроение большинства жителей Ирака, включая шиитов.

Таким образом, получается, что Ирак находится под влиянием двух враждующих между собой держав, каждая из которых будет стараться направлять его политику в своих интересах.

II. Революционная волна на Арабском Востоке

«Финиковая революция» в Тунисе

17 декабря 2010 года Мухаммед Буазизи – 26-летний тунисец, безработный выпускник университета, попытался заработать на жизнь, торгуя с тележки овощами и фруктами. Полиция отняла его товар и оскорбила. Попытки пожаловаться властям кончились тем, что его вышвырнули из муниципалитета. Оскорбленный, отчаявшийся, лишенный куска хлеба, молодой человек совершил самосожжение. В страшных муках он скончался спустя немногим более двух недель. Такая страшная смерть взорвала тунисское общество.

Тысячи, а затем десятки тысяч вышли на улицы, протестуя против бесчеловечного режима, угнетения, безработицы, коррупции, диктатуры президента Бен Али и его клана. Несмотря на жесткие меры и убийство нескольких демонстрантов, полиция отступила перед массами восставших. Президент Бен Али бежал (его отказалась принять Франция, и убежище предоставила Саудовская Аравия), страна погрузилась в хаос, непрочную власть пытались удерживать его бывшие сторонники, но многие из них просто спасались бегством.

Власть в Тунисе временно перешла в руки людей из окружения сбежавшего президента, которые заявили о разрыве с ним и его семьей, временно сохранил свой пост премьер-министр, но и он был вынужден подать в отставку. Продолжается период хаоса, безвластия и разгула криминала, что усугубляет экономический кризис. Демонстрации продолжаются, и требование населения – немедленная передача власти оппозиции до новых президентских выборов. Ситуацию усугубляет наплыв десятков тысяч беженцев из Ливии.*

* Из семи самых влиятельных кланов революция повредила интересам лишь одного — клана Трабелси (к нему принадлежит жена бывшего президента, и его представители всегда обделяли другие кланы). Некоторые ключевые соратники президента остались во власти.

Судя по всему, представители режима бен Али не спешат делиться властью. Отсюда неудивительно, что временным президентом назначен бывший спикер аль-Мабзаа, а премьер-министр аль-Ганнуши вновь возглавил кабмин. И хотя он формирует новое правительство национального единства с участием всех основных политических и социальных сил, на значимые в политическом отношении портфели претендуют члены правящего до последнего времени Демократического конституционного объединения. Примечательно также, что из старых членов правительства свои посты сохранили главы двух ключевых ведомств – МИДа и МВД. Не менее показательным выглядит и заявление одного из лидеров крупнейшей оппозиционной Прогрессивной демократической партии Ахмеда Буази, который однозначно сказал, что «в работе переходного правительства будут принимать участие авторитетные технократы – представители старого режима».

«Революция лотоса» в Египте

Успех в целом мирной революции в Тунисе в декабре 2010 г. вдохновил на такие же действия египтян уже в январе 2011 г.*

В целом массовые народные волнения в Египте на первом (до отставки Мубарака) этапе продолжались 18 дней. Их численность то сокращалась до ста тысяч, то вырастала до миллионов. На восстание поднялись массы – от Александрии до Асьюта и от Мансуры до Синайского полуострова. Центром восстания, его средоточием, символом, знаменем стала площадь Ат-Тахрир (переводится – Освобождение) в центре Каира. Здесь шел непрекращающийся митинг, кипели дискуссии, читали стихи и пели песни, молились пять раз в день,

* О ходе событий в Тунисе и Египте на начальной фазе революций см.: Аксёнок А. Восстание арабов // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 1. С. 8-15. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 6. С. 2-9; № 7. С.15-21.

давали интервью, позировали перед телекамерами важнейших мировых каналов. Здесь же разбили палатки, в которых жили люди, поклявшиеся не уходить до победы, сюда подносили воду, пищу, медикаменты, одеяла.

Среди митингующих ходили коптские (христианские) священники в темных одеждах и улемы-богословы из исламского университета Аль-Азхара в закрученных тюрбанах. Полиция по подавлению беспорядков разбежалась. Вокруг площади стояли армейские танки и бронетранспортеры, которые не вмешивались в демонстрации, но когда начались столкновения демонстрантов с нанятыми режимом бандами хулиганов, военные постарались разъединить дерущихся.

Количество манифестантов достигло критической массы, а требования отставки президента стали распространяться по всей стране, поставив государство на грань коллапса. Экономические потери катастрофически нарастали (150 млн. долл. США в день, 1 миллиард от оттока туристов). Беспрецедентной силы достигло внешнее давление со стороны главного союзника Египта Соединенных Штатов и примкнувшей к ним Западной Европы. В этих условиях президент Египта по договоренности с армейским командованием, а, возможно, и под его нажимом вынужден был покинуть свой пост 11 февраля 2011 года и передать верховную власть Высшему военному Совету. Первым шагом этого коллективного органа было объявление о приостановке действия конституции и роспуске парламента.

После массовых народных волнений восставшие победили, а президент Хосни Мубарак ушел в отставку.* Затем исчез с по-

* В своей последней речи Мубарак заявил: «Это выступление отца, обращенного к своим сыновьям и дочерям». Когда записывали последнее обращение Мубарака к нации, он дважды терял сознание. За всем этим скрывалась личная трагедия, которая объясняет упрямое непонимание президентом реалий современного Египта. Хотя широко распространялись слухи, что якобы он лично и его семья награбили многие миллиарды долларов, ряд дипломатов в Египте считали это большим преувеличением. Но при оценке бизнеса его сыновей такие щадящие оценки не высказывались никогда.

литической арены его фактический преемник Омар Сулейман, руководитель разведки и служб безопасности страны, которого он назначил вице-президентом. Власть в стране взял Военный совет во главе с министром обороны Хусейном Тантави, который распустил парламент, отменил старую конституцию, объявил о проведении новых выборов через срок не более шести месяцев, назначил комиссию для выработки новой конституции и, соответственно, новый избирательный закон. Фактически рухнула прежняя партия власти – Национально-демократическая партия (НДП). Были арестованы несколько министров, замешанных в особо крупных актах коррупции.

Несмотря на преимущества, аль-Барадеи не удалось возглавить массовое оппозиционное движение и мобилизовать электорат. В первую очередь это было связано с тем, что аль-Барадеи, несмотря на международный авторитет, мало известен в Египте. Он выражает ожидания части образованной элиты, интеллектуалов, либерально мыслящей интеллигенции, открытой Западу и испытывающей потребность в реальной демократизации политической и общественной жизни Египта. Эта социальная прослойка крайне немногочисленна.

Противники аль-Барадеи инкриминировали ему отсутствие лояльности собственной стране в связи с тем, что значительную часть своей жизни он проработал за границей. В результате он якобы плохо разбирается в египетских проблемах и не имеет серьезных связей и влияния в структурах безопасности и армии – традиционных опорах режима.

Любопытным фактом предвыборной кампании в Египте и последующих событий в январе 2011 г. являлось активное использование основными политическими силами современных способов агитации и пропаганды, рассчитанных прежде всего на молодую и политически активную аудиторию.

Распространение информационных технологий предоставило социально и политически активной молодежи значитель-

ные возможности заявить о себе, избежав жесткой государственной цензуры, действующей в традиционных средствах массовой информации. Интернет-сообщество и египетские блоггеры свободно обсуждали реальную ситуацию в Египте. Благодаря их активности в Интернете появились ролики о насилии и пытках в полиции, ставшие известными всему миру.

Лицом, «брендом» молодых организаторов восстания стал Уаэль Гонем – 30-летний компьютерщик, глава маркетинговой компании «Гугл» по Ближнему Востоку. Выпускник Американского университета в Каире, он был успешным менеджером. Вместе с американской женой и двумя детьми жил в основном в Дубае, в особняке, в респектабельном районе города. Он начал с того, что гнал по вечерам по «Фейсбуку» страницы, посвященные аль-Барадею. У него был опыт коммерциализации любого предложения, в том числе демократии, в тех формах, которые были приемлемы для пользователей «Фейсбука». Это был инструмент, по его мнению, в борьбе с египетским полицейским государством.* Восставшие на площади Ат-Тахрир объявили его своим символическим лидером.

Третья сила, которая участвует в определении будущего Египта, – это молодое поколение 20-30-летних достаточно образованных египтян, которые были настроены оппозиционно к режиму, выступали за демократические свободы – свободные выборы, свободные СМИ, права человека, человеческое достоинство. Это были люди отнюдь не из самых бедных семей. Они связываются друг с другом по Интернету, и именно они были той организационной искрой, из которой разгорелось пламя восстания. С помощью системы социальных сетей

* Гонем настаивал на том, что ни он, ни его товарищи не были лидерами. Он хотел, чтобы сами люди почувствовали, что могут быть властью. У восстания не было вождей и, видимо, зарубежных организаторов. Когда американская неправительственная организация связалась с ним, чтобы предложить финансовую помощь, он ответил кратко: «Пошли к черту». Он специально сохранял анонимность и по соображениям конспирации, и по этическим убеждениям.

«Фейсбука», «Твиттера», «Ю-Тьюба» они смогли поднять на восстание, организовать и сплотить сначала десятки, а потом сотни тысяч и миллионы человек. Они не были и не являются политической партией. Их политические взгляды разнообразны, порой противоречивы. Они не оформились как единая организация.

Режим Хосни Мубарака опирался на армию и силы безопасности. Под давлением масс ушел глава военного режима, рухнул символ прежней власти, но власть осталась – может быть временно – в руках именно военных. Антиправительственные демонстрации прекращены, стали менее масштабными.

Согласно материалам «Викиликса», американский посол в Вашингтоне характеризовал Сулеймана как «прагматика с очень острым и аналитическим умом». Телеграммы определяют его как «наиболее удачный элемент» в американо-египетском сотрудничестве по поводу мирного процесса на Ближнем Востоке. В телеграммах из американского посольства в Тель-Авиве сообщалось, что израильтяне очень высоко ценили Сулеймана. Израиль был бы очень доволен, если бы Омар Сулейман стал наследником Мубарака. Сулейман стал вице-президентом в последние дни правления Мубарака, в последнем акте трагедии. Но оппозиционные группы и протестующие видели его лишь как продолжение режима Мубарака и не верили ни одному его слову.

Становым хребтом военного режима всегда были привилегированное офицерство и генералитет. Они не только пользовались различными социальными благами – высокими зарплатами на фоне массовой бедности населения, хорошими жилищными условиями, поликлиниками, клубами, спортивными сооружениями, но со времен Садата еще имели возможность заниматься бизнесом, руководить военной промышленностью, которая частично стала работать на внутренний рынок гражданской продукции. После выхода

в отставку многие офицеры и генералы занимали важные посты в администрации, в правлениях частных компаний и банков. Большинство губернаторов египетских провинций – бывшие генералы.

В ходе народного восстания армия, которая пользовалась популярностью и уважением в стране, в том числе среди масс населения, занимала нейтральную позицию, не участвуя в подавлении народных волнений. Она прошла по тонкому лезвию между преданностью режиму, его главе – Мубараку и сочувствием к народным волнениям.

Очевидно, что Х.Мубарак опирался на армию. Но для того, чтобы сохранить себя, генералы уговорили его уйти в отставку. Глубокий старик, морально и физически раздавленный, уступил их требованиям. Говорят, что окружение Мубарака не показывало ему телевизионных сцен ликования миллионов на улицах Каира, когда было объявлено о его отставке. Генералы понимали, что армия не будет стрелять в народ. Дело кончилось бы кровопролитием и печальным концом их самих. Мало того, старая генеральская гвардия попыталась перевести гнев людей на самых наглых из «жирных котов», бывших министров, наиболее нажившихся на спекуляции и грабеже собственного народа. Некоторые из них были арестованы. Мубараку запрещено покидать страну.

На пост президента претендует Амр Муса, генеральный секретарь Лиги арабских государств, бывший министр иностранных дел Египта.

В первые же дни после перехода власти в руки генералов Военный совет стал обращаться с призывом не бастовать, не предъявлять социальные требования, не раскачивать экономику. Народные волнения привели к массовому оттоку капитала из страны, как иностранного, так и египетского, подорвана туристическая отрасль, рабочих мест не прибавилось.

После смены власти Египет фактически впал в перманентный политический кризис. Его причина в разногласиях между оппозицией и правящим страной Высшим советом вооруженных сил по поводу темпов проведения реформ и состава правительства страны. В июле правительство внезапно лишилось половины министров. из-за возобновившихся 8 июля многотысячных протестов сторонников оппозиции власти решили произвести перестановки в кабинете министров. В результате вакантными стали 14 министерских постов. Оппозиция на Тахрире прямо потребовала очистить правительство от всех лиц, имевших связи с режимом Хосни Мубарака.

В египетском обществе сейчас сильно чувство неопределенности, есть опасения, что военные попытаются задержаться у власти, все это заставляет оппозицию требовать ускорения реформ, в то же время сохраняются социально-экономические причины недовольства – правительство пока не выполнило данные ранее обещания создать новые рабочие места и увеличить зарплаты.

Тем не менее, победа «Братьев-мусульман» еще не гарантирована. В результате выборов в парламент Египта скорее всего придут самые разные силы и организации. Существует много факторов, мешающих исламистам занять доминирующее положение. В частности, «Братья-мусульмане» не готовы брать на себя ответственность за решение острых экономических проблем, потому что в случае провала можно быстро потерять общественную поддержку. Кроме того, появление исламистской Конституции может положить конец притоку иностранных инвестиций и помощи, без которой египетская экономика и вооруженные силы не могут нормально существовать. Есть проблемы и в самой организации. У ее руководства нет опыта легальной политической деятельности. Она аморфна с точки зрения структуры и политической программы. Устаревшая идеология мешает расширению социальной базы.

Гражданская война в Ливии

Волна арабских революций докатилась до Ливии и переросла в вооруженные столкновения между оппозицией и сторонниками режима полковника Муаммара Каддафи.*

Восточная часть страны с центром в городе Бенгази вышла из-под подчинения власти Каддафи. Запад со столицей Ливийской Джамахирии – Триполи, кроме города Мисраты, частично находившегося в руках мятежников, контролировался ливийским лидером. В этот внутренний конфликт была вовлечена внешняя сила в лице международной коалиции, осуществлявшей воздушные удары по войскам сил Каддафи и территории, контролируемой им. Эта операция, где широко использовалось высокоточное оружие, проводилась под мощным информационным прикрытием. По сути, с начала событий развернулась информационно-психологическая война по их освещению, из-за этого получение объективной и достоверной картины ситуации, соотношения сил в кризисе было затруднено.**

Выступления против режима Каддафи в Ливии начались через три дня после отстранения Мубарака от власти. Устав-

* Чтобы реально представить себе обстановку, нужно понять, что за личность Каддафи, стоящий во главе страны более 40 лет. Молодой офицер, поклонник Гамалия Абдель Насера, лидера египетской революции 1952 г. – антизападной и частично социальной – Каддафи организовал и успешно осуществил государственный переворот против короля в 1969 г. Был свергнут феодальный и прозападный режим. Затем Каддафи ликвидировал американские и английские военные базы, национализировал иностранные нефтяные компании, банки, собственность королевской семьи, земли итальянских колонистов и стал строить новую государственность.

Он мечтал о создании единого арабского государства, объединившего для начала Египет, Ливию и Сирию или – Ливию, Тунис, Алжир, Марокко, Мавританию. Когда проекты провалились, он стал мечтать о создании Соединенных Штатов Африки – дело не пошло дальше деклараций.

** См.: Зинин Ю. Война в Ливии: ход и сценарии будущего // Международная жизнь (Москва, МИД РФ). 2011. № 6.

шие от более чем 40-летнего правления полковника, наблюдая сначала за свержением президента у западного соседа, Туниса, а затем и у восточного, Египта, имея на своей территории десятки тысяч тунисцев и полтора миллиона египтян, противники Каддафи взялись за оружие.

Наблюдатели отмечают в ситуации с Ливией элементы парадокса при сравнении с событиями в других арабских странах. В Ливии не было открытой нищеты, правительство строило кварталы дешевого и вполне приличного жилья, было доступным образование и медицинское обслуживание, пособия по безработице. Пустынная огромная страна с населением 6,5 млн. человек была покрыта прекрасными дорогами. На базе источников подземных вод была построена целая искусственная река. (Впрочем, экологические последствия этого еще не изучены.) Имея самые крупные в Африке запасы нефти, Ливия была третьей по размерам производителем на континенте, а ВВП составлял около \$12 тыс. на душу населения (примерно как в России).

Молодежь не верила в лозунги режима, была возмущена растущей коррупцией, оскорблена полицейским произволом, информационной закрытостью страны. Когда Тунис и Египет показали успешные примеры свержения прежних правителей, молодежь, объединенная Интернетом, вышла на улицы.

Когда в Ливии начались волнения, первыми выступили представители самого многочисленного племени варфалла из района города Бенгази. Затем по всей территории Ливии стали выступать отдельные племена – зинтан, завия, обейдат и многие другие. Тогда для племен было важно не опоздать при разделе наследства падающего режима Каддафи. Потому что, если бы Каддафи был свергнут быстро, то власть могла бы перейти от сравнительно небольшого племени каддафий к самому большому племени варфалла. Для других племен это было неприемлемо. Выходцы из каддафий теоретически

не могли заполнить все вакансии в Ливии, доминирование варфаллы было более неприятным явлением.

Каддафи ответил мобилизацией своих сторонников – из армии, полиции, верных племен, наемников, отрядов «своих» ополченцев. Появились первые убитые, затем восставшие захватили оружие на разгромленных полицейских участках и военных базах, вооружились. В столкновениях стали гибнуть десятки и сотни людей. 22 февраля полковник собрал верную ему молодежь на Зеленой площади в Триполи и заявил, что он как «лидер революции», не имеющий государственных постов, останется в Ливии и готов вооруженной силой раздавить восставших.

Стоит отметить достаточно жесткий национальный характер ливийцев – готовность сражаться. Чрезмерное использование силы против безоружных демонстрантов противоречит существующим международно-правовым нормам и человеческой морали. В то же время очевидно: обе стороны использовали насилие друг против друга.

События в Ливии, несомненно, произошли под влиянием «арабской весны». Так, многие ближневосточные политологи назвали массовые протестные выступления, начавшиеся в конце 2010 года в Тунисе, затем охватившие Египет, Йемен, Бахрейн. Стержнем противостояния в них в основном был социальный вопрос. В то же время водораздел проходил и по этноклановой и региональной линиям, что в особенности относится к Ливии, где значительна роль регионально-племенных факторов.

Здесь события развивались не по сценарию соседних с ней Туниса и Египта, в которых протесты за считанные недели в целом мирным путем смели всесильных президентов. В середине февраля 2011 г. город Бенгази стал эпицентром антиправительственных демонстраций, сначала мирных, затем переросших в беспорядки и столкновения между силами по-

рядка и повстанцами. Международные организации заявляют о тысячах жертв, власти Ливии это отрицают. В результате город Бенгази, а затем другие города восточной части, ранее называемой Киренаика, попали в руки мятежников. Ими был сформирован Национальный переходный совет, объявивший себя единственным законным органом власти в стране. Легитимность совета официально признали Франция, Италия и некоторые другие страны.

Введение беспилотной зоны, согласно резолюции СБ ООН 1973, с целью защиты гражданского населения резко изменило баланс сил и предопределило новый виток внутреннего противостояния в Ливии. В начавшейся 19 марта операции коалиционных сил участвуют США, Великобритания, Франция, Канада, Бельгия, Италия, Испания, Дания, Норвегия. 31 марта руководство кампанией в Ливии полностью перешло к представителям командования НАТО. В ходе операции международная коалиция нанесла (и продолжает наносить) удары с помощью ракет и самолетов по военным и гражданским объектам, инфраструктуре, находившимся в зоне контроля Каддафи, что привело к жертвам среди мирного населения.

Военные действия со стороны международной коалиции западных стран против законного правительства Ливии не привели к желаемому результату: повстанцы в Бенгази стали терпеть поражение за поражением от правительственных сил. В связи с этим последовало заявление глав внешнеполитических ведомств Франции, Англии и США (Алена Жюппе, Уильяма Хейга и Хиллари Клинтон) о том, что, вопреки резолюции СБ ООН N1970 от 26 февраля 2011 года о «полном» и «незамедлительном» запрещении «прямой и косвенной поставки, продажи или передачи Ливийской Арабской Джамахирии с ее территории или через ее территорию» «оружия и боеприпасов, военных машин и техники, полувоенного снаряжения и запасных частей», Запад тем не менее проявляет готовность

обсуждать вопрос о поставках оружия так называемым ливийским повстанцам в практическом ключе.

Ослабляя одну сторону конфликта, коалиция усиливала другую, фактически расчищая путь вооруженным мятежникам, провозгласившим поход на запад, к Триполи – бастиону Каддафи. Примером этого были бои за город Адждабия – важный осевой перекресток дорог, идущих вдоль побережья. Представитель повстанцев из Национального переходного совета прямо заявил, что они координировали действия с авиацией коалиции и атаковали войска Каддафи в промежутках между авианалетами. Действия международной коалиции, по сути, способствовали созданию зонтика над вооруженными боевиками и продолжению кровопролития. Атаками по гражданским объектам, в том числе в городе Триполи, коалиция фактически превысила мандат резолюции 1973 Совета Безопасности ООН.

На самом деле объединенные силы Запада с помощью военного вмешательства расчищали путь к власти, по сути, неизвестным силам. Западные военные (как, например, адмирал НАТО Ставридис) говорили прямо: в этом национальном совете присутствуют террористы, «Братья-мусульмане», представители «Аль-Каиды», члены ливанского движения «Хезболлах» и проч.

Арабские источники выделяют пять основных течений в стане оппозиции Каддафи. Это ливийские националисты, которые в свое время поддерживали Каддафи, но потом поссорились с ним и были изгнаны из страны; последователи свергнутого короля, исламисты в лице «Братьев-мусульман» и ряда организаций джихадского толка, в том числе запрещенной в Ливии организации «Ливийская исламская боевая группа».

В рядах оппозиции была и зарубежная иммиграция разного толка, выступавшая за свержение Каддафи. Среди них Демократический альянс, влияние которого значительно

среди ливийской эмиграции в США. В руководстве Совета было немало тех, кто ранее занимал весьма высокие посты в структурах Каддафи.

Власть в мятежных районах состояла из некоторых племенных шефов и офицеров среднего ранга, которые дезертировали из армии. По мнению экспертов, в среде армии и органов безопасности чувство племенной принадлежности на востоке обладало над их лояльностью центральным властям. Этот дух региональной обособленности на тот момент сплачивал противников Каддафи. Среди оппозиции не было видно харизматической фигуры, которая смогла бы объединить всех, создать институты и идеологию, альтернативные режиму Триполи. Западные эксперты считали, что потребуются месяцы, чтобы сплотить гражданских лиц, взявших оружие, и перешедших к повстанцам военных в единую функционирующую силу.*

Режим Каддафи показал способность приспосабливаться к изменяющейся обстановке под прессом внешнего силового давления. Он отвечал нестандартными, асимметричными шагами и действиями на удары. После бомбежек командование Каддафи стало использовать гражданский транспорт и грузовики, которые неразличимы сверху от повстанческих, для перевозки своих солдат. Режим в определенной степени консолидировался, война приняла характер позиционных действий вокруг города Аждабии и столкновений за контроль над городом Мисрата, а также стычек в городе Зинтан на западе, у границ с Тунисом. Одним из важнейших моментов являлось господство над месторождениями нефти, нефтегазовыми комплексами и терминалами по вывозу нефтяных продуктов в Аждабии, Рас-Лануфе и Марса-эль-Брега.

* На начало мая в рядах мятежников действовали 30 военных советников из Франции, Великобритании и Италии. В западных СМИ было заявлено, что они занимаются не подготовкой повстанцев, а разработкой стратегии ведения их боевых действий.

Несмотря на блокаду, властям Ливии удалось найти пути обеспечения топливом своих вооруженных сил. Иностранное вмешательство дало повод и основание лидеру Ливии позиционировать себя как жертву нападения, действовать более решительно, чтобы сплотить всех ливийцев под эгидой защитника родины, дискредитировать повстанцев как пособников интервентов. Военная операция Запада была расценена Триполи как доказательство его намерений и попыток оккупировать арабскую страну, захватить ее нефтяные богатства; тем самым подтверждалась легитимность действий режима для защиты своей независимости.

В нынешнем раскладе сил важна позиция крупнейших племен Ливии. Сегодня шефы племен формально не пользуются безграничной властью, как раньше. Но их публично выраженная позиция влияет и морально, и психологически на настроения людей и баланс сил в нынешнем конфликте. Поэтому обе конфликтующие стороны активно работают с племенами.

Когда Каддафи первоначально смог удержаться и перейти в контрнаступление, многие племена опять переменили позицию, потому что власти были готовы пойти на все ради их поддержки. Когда в дело вмешалась НАТО, его представители пошли на контакты с оппозицией и в первую очередь с жителями Бенгази, а значит, племенем варфалла. Теперь многим остальным племенам приходилось продолжать сражаться за Каддафи, для того чтобы договориться о своем будущем месте в Ливии.

По мере того, как военные действия затягивались, было видно, как реакция на ливийские события в Арабском регионе меняет свою тональность. По мере интернационализации конфликта эйфория по поводу быстрого успеха повстанцев спадала. При этом, как подмечали наблюдатели, поддержка «ливийских революционеров» больше всего исходила со стороны режимов, в основном монархических, которые трудно

причислить к форпостам демократии в ее западном понимании, и тех, кто в рамках Лиги арабских государств дал зеленый свет этому вмешательству.

На тот момент появились сомнения в правомерности внешнего вмешательства в дела Ливии на фоне спада симпатий к противникам режима полковника. Становилось очевидно, что после окончания военных действий страну придется восстанавливать, причем опять же за счет ливийского народа, на деньги от продажи принадлежащего ему богатства – нефти.

С геополитической точки зрения инициированная Западом операция против Ливии, по мнению некоторых обозревателей, стала сигналом некоторым арабам, что этот район не выскользнет из-под его контроля в случае каких-либо непредсказуемых событий в соседнем Египте и Тунисе. Запад, понятно, заинтересован инкорпорировать в свою военную акцию представителей арабо-мусульманских стран. Арабский мир, как видно, устранился от реального участия в операции коалиции, кроме посылки Катаром и ОАЭ самолетов на европейские аэродромы для участия в акциях.

Тунис заявил, что изменение режима в соседней Ливии внутреннее дело самих ливийцев. Египет отмежевался от участия в военном иностранном вмешательстве в Ливии. Его официальные власти учитывают, что в соседней Ливии до сих пор работают и проживают до миллиона египтян. Алжир отказал в просьбе предоставить свое воздушное пространство для полетов ВВС западной коалиции.

В ливийской гражданской войне было много неизвестных факторов: размах и мощь действий коалиции, стойкость лагеря Каддафи, племенной фактор, влияние экономических и финансовых последствий войны на обстановку, особенно в стане мятежников, позиция арабов, в особенности соседей Ливии. Запад не скрывал, что его цель – устранение режима, всем своим видом показывая, что он списал Каддафи в корзину истории.

В июле 2011 г. появилась информация о переговорах американских дипломатов с представителями ливийского лидера Муамара Каддафи в Тунисе. Госдепартамент США подтвердил факт встречи, при этом в Вашингтоне оговорились, что состоявшиеся в Тунисе переговоры носили характер «разовой встречи».

Таким образом, в Ливии в течение нескольких месяцев складывалась патовая ситуация. Ни одна из сторон не имела достаточного преимущества, чтобы одержать победу в войне. Коалиционные силы защищали контролируемые повстанцами города от ударов армии Каддафи, но не могли проводить наступательные операции (для этого нужна эффективная наземная группировка — а подразделения повстанцев не имели ни должного уровня военной подготовки, ни соответствующих вооружений). Позиции же Муаммара Каддафи в западных городах страны были весьма сильны.

Но к концу августа 2011 г. силы Переходного национального совета (органа власти оппозиции) взяли штурмом столицу страны Триполи. В начале сентября режим Каддафи еще контролировал ряд территорий; в руках сторонников Каддафи находился его родной город Сирт. В октябре силы переходного правительства взяли штурмом Сирт, а М.Каддафи был взят в плен и жестоко казнен.

Дестабилизация Сирии

Сирийская стабильность опирается на сотрудничество с Турцией и Ираном, при улучшении отношений с США и странами ЕС. Правящая алавитская военная элита во главе с Башаром Асадом балансирует между арабами-суннитами и арабами-христианами, подавляя курдов и используя деловую активность армян. Однако в случае резкого усиления египетских «Братьев-мусульман» в Сирии были не исключены

волнения, наподобие подавленных большой кровью Хафезом Асадом в 1982 г., которые способны ослабить или обрушить режим. Последний усилил свои позиции в Ливане, но обстановку в самой Сирии осложняло присутствие там иракских (до 1 млн.) и в меньшей мере палестинских (до 400 тыс.) беженцев.

Массовые народные волнения, поразившие арабские страны Ближнего Востока, до середины марта 2011 г. практически не касались Сирии. Однако к концу месяца акции протеста произошли и здесь. Более того, в результате общественного давления сирийское правительство ушло в отставку, а глава государства Башар Асад пообещал провести все необходимые реформы в экономической и политической жизни страны. 4 февраля, в самом разгаре египетской революции, сирийский «День гнева» был сорван. Немногочисленных активистов, пришедших к стенам правительственных зданий, быстро разогнали усиленные патрули органов правопорядка. Сирийские власти на тот момент, очевидно, чувствовали себя очень уверенно.

В середине марта на рынке Сук аль-Хамидия в Дамаске небольшая группа людей стала выкрикивать антиправительственные лозунги, а у здания министерства внутренних дел толпа потребовала освободить сирийских диссидентов, сидящих в тюрьме. Жесткая реакция сирийских силовиков вызвала взрыв народного недовольства. С 18 марта дня демонстрации внезапно переросли в серьезные акции протеста. Волнения стали охватывать все новые города – Баньяс на северо-западе, Хомс на западе, Дейр-Альзур на востоке и конечно же столицу Дамаск. При этом власти, имеющие давние традиции подавления любой оппозиции, попытались решить проблемы силой.

25 марта советник президента Сирии по связям с общественностью Бусайна Шаабан объявила, что руководство подготовило целый пакет реформ в социально-политической и экономической сферах страны. Пообещав усиление борьбы с коррупцией,

создание дополнительных рабочих мест и скорое улучшение условий жизни Шаабан уделила особое внимание политической либерализации, на которой настаивали выступающие. В частности, отныне правительство не будет больше ограничивать деятельность политических партий, планирует принять новый закон о свободе слова и намерено установить жесткий контроль над спецслужбами и полицией. Также, по ее словам, руководство рассмотрит возможность отмены режима чрезвычайного положения, действующего в стране около полувека.

Чтобы показать всю серьезность своих намерений, уже 26 марта власти освободили из тюрем 260 политзаключенных, а через три дня Асад принял отставку правительства, твердо пообещав сформировать новый кабинет министров из компетентных и уважаемых политиков.

В Сирии демонстрации проходили в городах Нава, Тафас, Хомс, Эс-Санамейн, Алеппо. В Латакии сожгли офис правящей партии Баас. В город ввели войска. Основные требования демонстрантов – положить конец коррупции, улучшить систему социального обслуживания населения, решить проблему безработицы, отменить чрезвычайное положение. Президент Асад после долгих колебаний согласился на отмену ЧП. Но причины волнений, очевидно, не сводятся только к этому.

Однако в нынешней ситуации вокруг Сирии обращает на себя внимание другой, более важный момент. Он связан с появлением в руках населения стрелкового автоматического оружия. По информации МВД Сирии, происходящее сегодня в стране является не чем иным, как вооруженным мятежом, организованным «бандами религиозных радикалов». Они первыми начали стрелять в представителей силовых структур, и тем ничего не оставалось делать, кроме как подавлять мятеж силой.

Господствующее положение в стране занимают алавиты – шиитское меньшинство, составляющее чуть более 10% от общего населения. В свое время, когда страна была еще под-

мандатной территорией Франции, эта община пользовалась французским покровительством. В 1982 г. Хафез Асад уничтожил 50 тысяч суннитов в Хаме. И надо полагать, что отголосок этой истории присутствует и в нынешних выступлениях против его сына Башара. Есть сведения о бесчинствах исламских экстремистов, которые занимаются поджогами и атакуют тех, кто требует реформ. Волнениями охвачена северо-восточная часть страны, населенная курдами.

В конце апреля, когда казалось, что после обещаний властей изменить жизнь граждан к лучшему с массовыми выступлениями в Сирии было уже покончено, вновь заволновались крупнейшие города страны Хомс, Хама, Дума, а также окрестности Дамаска. В масштабных акциях протеста приняли участие несколько десятков тысяч человек, что в целом явилось серьезным вызовом для государства и общества. В других городах Сирии власти действовали не менее решительно. Как итог в стране с новой силой возобновилось протестное движение. Оппозицию не останавливает даже то, что еще 19 апреля глава государства Башар Асад объявил об отмене действующего в Сирии с 1963 года режима чрезвычайного положения, выполнив одно из главных требований протестующих.

По-видимому, отмена в Сирии режима чрезвычайного положения тоже адресована прежде всего США и Евросоюзу, а не собственным гражданам. Судя по всему, Дамаск спешил послать внятный сигнал Западу. Это было необходимо, поскольку, как показал опыт, именно от позиции США и ведущих стран Европейского союза зависела судьба режима. В Вашингтоне Асада услышали. Госсекретарь США Хиллари Клинтон дала понять, что ни при каких обстоятельствах ее страна не намерена использовать силу в отношении Сирии. По мнению сирийских оппозиционеров, именно это обстоятельство развязало Башару Асаду.

К лету 2011 г. ситуация в Сирии еще более накалилась. Президент Башар Асад, конечно, не был иммунизирован полностью от того, что вокруг него происходило. Его тайная полиция следила за всеми движениями. Демографические проблемы, высокий уровень безработицы, полицейский режим неизбежно вели к массовым антиправительственным протестам.

Асад контролирует армию и органы безопасности через партийную организацию баасистов, через своих алавитов – членов умеренной шиитской секты и верных суннитов. Экономическая либерализация позволяла по-умному делиться доходами между элитой алавитов и суннитов. Оппозиционные группы есть, но они в целом разобщены. «Братья-мусульмане» были резко ослаблены репрессиями. Многие оппозиционные интеллектуалы из числа курдов или нерелигиозных деятелей оказались в тюрьмах, другие ведут себя тихо, третьи эмигрировали.

Касаясь событий, потрясших Сирию, Асад пояснил, что они были «инспирированы из-за рубежа недругами Дамаска», и снял ответственность за беспорядки с сограждан, заявив, что они оказались «сбиты с толку подрывными элементами и иностранными телеканалами». Надо сказать, что представленный Башаром Асадом план глубокой по масштабам и глубине либерализации общественно-политической жизни является беспрецедентным для современной Сирии.

Президент Б.Асад делает все возможное, чтобы избежать этой войны, обещает создать в Сирии «новую реальность» — однако население ему не верит. Самопровозглашенное руководство оппозиции преимущественно состоит из эмигрантов, осевших в Европе и Саудовской Аравии. На слете в Анталье они приняли совместную декларацию, отличающуюся откровенно бескомпромиссным тоном в отношении действующей власти. В частности, было заявлено, что никаких переговоров с Асадом не будет.

Вероятно, оппозиционеры считают, что в Сирии повторится ливийский вариант — произойдет масштабное восстание и на

крыльях западных бомбардировщиков они придут в Дамаск. Однако пока позиции президента еще сильны. Асад до сих пор держит в руках основные рычаги управления страной, и ни о какой иностранной интервенции речи не идет. Несмотря на то что попытки подавить восстания вызвали определенное напряжение в отношениях с Израилем и Турцией, им и большинству региональных и мировых держав (за исключением Саудовской Аравии) выгодно сохранение в Дамаске режима Асада. А кое-кому даже жизненно необходимо.

После того, как волнения перекинулись на север страны, обострился курдский вопрос. Десятки тысяч курдов, живущих рядом с турецкой границей, не имеют паспортов; власти считают их иностранцами и говорят, что они не родились в Сирии.

В июле 2011 г. власти США заявили, что более не считают президента Сирии Башара Асада легитимным, и Вашингтон не заинтересован в том, чтобы он оставался у власти. Эксперты считают, что Дамаску это грозит новым ужесточением санкций со стороны Запада.

При этом глава Сирии — самый молодой и один из наиболее прогрессивных руководителей арабского мира. Проблема в том, что десять лет назад, когда Башар Асад пришел к власти, ему не удалось провести реформы по либерализации общественно-политической жизни в стране. Помешали бывшие соратники его отца Хафеза Асада. Сейчас Башар Асад пытается стабилизировать ситуацию. Сразу же после начала акций протеста президент пообещал провести реформы, сменил состав правительства, а также отменил действовавшее почти пятьдесят лет чрезвычайное положение. Кроме того, 31 мая он объявил амнистию всем политзаключенным, в том числе членам запрещенного движения «Братья-мусульмане». Он предложил оппозиции выдвинуть из своих рядов сто человек и совместными с ними усилиями провести новые выборы и изменить конституцию.

Помимо обещаний реформировать Сирию власти откровенно делают упор на консолидацию религиозных и этнических меньшинств страны вокруг правящего режима. Башар Асад играет на их страхе от последствий демократизации страны. Как отмечалось выше, Сирия далеко не монолитна с этнической и религиозной точки зрения. В ней живут шииты, сунниты, христиане, курды, алавиты. Как и саддамовский Ирак, Сирия управляется представителями этнического меньшинства (в данном случае алавитов, к которым относится 14% жителей Сирии). По давней ближневосточной традиции правящая общность, особенно если она представляет меньшинство, постоянно подавляет остальные. В сирийском случае – прежде всего арабов-суннитов, которые составляют 74% населения страны.

Сирийские сунниты будут строить в Сирии суннитское государство. В этом им активно поможет Саудовская Аравия, которая будет рассматривать это образование как плотину от проникновения Ирана в Левант. Именно поэтому, по некоторым данным, саудовские власти уже сейчас активно разжигают пожар гражданской войны в Йемене.

Вместо того чтобы принять радикальные меры по реформированию страны (113-я статья конституции наделяет его чрезвычайными полномочиями в случае «возникновения серьезной опасности, угрожающей национальному единству, безопасности и независимости страны»), Асад, как и в начале своего правления, пытается проводить сбалансированную политику и не портить отношения со старой гвардией отца и с алавитской элитой. В принципе его логика понятна: алавиты с подозрением будут относиться к любым мерам по демократизации страны, поскольку это может вернуть их на роль политического меньшинства.

Но отсутствие жестких политических решений разжигает народное недовольство. При этом попытка заменить жесткие политические решения жесткими военными приводит к серьезным ошибкам и лишь усугубляет ситуацию. Главной из

этих ошибок сегодня называют взятие армейскими частями северного сирийского городка Джиср-аш-Шугур. Под давлением международных правозащитных организаций и недовольной притоком беженцев Турции Сирия была вынуждена пустить в страну иностранных наблюдателей.

Еще одной ошибкой стала попытка президента вернуться к эксплуатации образа внешнего врага – Израиля. 5 июня сотни людей с сирийской стороны границы пытались прорваться к Голанам. Израильские войска были вынуждены открыть огонь на поражение. Однако это не только не сплотило население, но и настроило против Асада израильское руководство. Сирия (несмотря на эпизод с Джиср-аш-Шугуром и Голанами) не ощущает особого давления извне. Тем не менее, этой стране не грозит серьезное иностранное вмешательство в ее внутренние дела.

Сирийские события не вызвали особо резкой реакции Европейского союза (особенно по сравнению с ливийской ситуацией). Совет министров ЕС принял решение о введении эмбарго на поставки в Сирию оружия и оборудования, которое может быть использовано в репрессиях против населения. При этом если бы Европа хотела задушить режим Асада, она легко могла бы это сделать. Например, введя эмбарго на поставки сирийской нефти в Евросоюз.

В отличие от ситуации в Ливии Лига арабских государств выразила поддержку действующему сирийскому режиму. Сирия – традиционный союзник Ирана, и это дает ей немалую поддержку стран, которые либо сотрудничают с Тегераном, либо боятся его. Однозначно настроены против режима аль-Асада лишь Саудовская Аравия и ОАЭ. Движение «Хезболла» открыто поддержало режим Асада. В Сирии ходят слухи, что иранские военные подразделения занимались подавлением восстания в Деръа и в других городах.

Однако у Б.Асада не хватает сил для контроля над всей Сирией, поскольку он может полностью доверять лишь подразде-

лениям 4-й дивизии, находящейся под командованием его младшего брата Махера Асада. Она играет роль пожарной команды, действуя по всей территории страны. На Сирии завязано очень много конфликтов — долгое время семья Асадов делала ставку на управление конфликтами в соседних странах. Все это не только делало Сирию, а точнее, режим Асадов, серьезным игроком на ближневосточной шахматной доске, но и гарантировало заинтересованность многих государств в выживаемости режима.

Раскол Йемена

Йемен – самое бесперспективное с точки зрения развития государство арабского мира: 35% населения не имеют работы, 33% страдают от хронического недоедания, более 40% живут за чертой бедности. При этом в Йемене один из самых высоких уровней рождаемости. Ожидается, что через 30 лет население страны удвоится и составит 50 млн. человек. Правительство будет просто неспособно обеспечить столько людей – 70% доходов государства дает нефть, месторождения которой уже близки к истощению.

В результате созданной им системе (см. выше) Салеху в Йемене почти три десятилетия удавалось успешно подавлять сепаратизм и народное недовольство. Сбой произошел лишь в последние несколько лет, причем по вине самого Салеха. Он испортил отношения как с внешними спонсорами, так и с внутренними партнерами.

Прежде всего президент лишился доверия Саудовской Аравии, после того как в конце 2010 года пошли слухи о достигнутой договоренности между президентом Салехом и шиитскими повстанцами хути. Президент предоставлял повстанцам предельно широкую автономию в местах их постоянного проживания (провинции Маариб, Аль-Гауф, Саада и Хага), а взамен шииты обещали прекратить вооруженную борьбу и признавали легитимность

президента. Существует мнение, что на эти переговоры Салех пошел для того, чтобы выбить из Саудовской Аравии побольше денег, однако в Эр-Рияде эти договоренности расценили как предательство и приняли решение сменить Салеха на какую-нибудь более лояльную фигуру. Соединенные Штаты, имевшие данные о секретных связях йеменского президента с исламистскими организациями, возражать не стали.

У Али Абдаллы Салеха испортились отношения и с ведущими йеменскими шейхами, прежде всего семьей аль-Ахмар, возглавляющей племенную конфедерацию «Хашид». Долгое время глава семейства Абдулла аль-Ахмар был верным союзником Салеха и серым кардиналом Йемена. Однако после смерти Абдуллы в 2007 году его сыновья (Садек и Хамид) посчитали, что президент недостаточно делится с их семьей полномочиями и деньгами. Многие шейхи встали на сторону братьев, взятки президента больше не работали.

Вплоть до начала «арабской весны» йеменская оппозиция при поддержке Вашингтона и Эр-Рияда вела переговоры с президентом Салехом о «более справедливом» перераспределении властных полномочий. Шейхи были нацелены на компромисс, так что оппозиция поначалу не поддержала молодежные антиправительственные выступления (именно поэтому в первые полтора месяца на улицах столицы было не более 10 тыс. протестующих). Вождям не нужна была гражданская война, они надеялись, что на фоне бушующей «арабской весны» президенту понадобится их поддержка, и он вынужден будет принять их условия. Однако Али Абдалла Салех решил иначе и взял курс на силовое подавление акций протеста, после чего до 70% всего командного состава вооруженных сил и большинство йеменских шейхов, включая семью аль-Ахмар, открыто перешли на сторону демонстрантов.

26 марта США посадили оппозицию и Салеха за стол переговоров в американском посольстве в Сане. Итогом перегово-

ров стала договоренность о том, что Салех уйдет в отставку и передаст полномочия своему вице-президенту Абдераббу Мансуру Хади. Салех обещал в течение недели выступить с обращением к народу, однако, вернувшись во дворец, отказался от всех договоренностей. Таким же образом он поступил на других мирных переговорах, которые проводились под эгидой Совета сотрудничества стран Персидского залива. Салех избрал более традиционный способ решения проблемы с оппозиционными шейхами – убивать конкурентов.

Йемен оказался в результате событий 2011 г. на грани развала. Массовые протесты, бушевавшие в стране в течение нескольких месяцев, перешли в фазу войны всех против всех. Столица государства Сана находится на осадном положении, ее регулярно обстреливают с близлежащих возвышенностей. Шейхи стягивают в город вооруженные формирования. Страну покинули практически все первые лица государства. Трое высших чиновников Йемена – президент, премьер-министр и спикер парламента – находятся сейчас в Саудовской Аравии.

При этом о судьбе президента Али Абдаллы Салеха поступали противоречивые сведения. После отъезда в Эр-Рияд не было показано ни одного его видеоизображения, транслировалась лишь аудиозапись обращения к народу. Мечеть была обстреляна из гранатометов. (Салеху удалили осколок шрапнели из груди, а затем провели нейрохирургическую операцию на шее; у президента обгорело до 40% кожного покрова). В дальнейшем Салех вернулся в страну. Без этого политика, по мнению большинства экспертов, может исчезнуть и сам Йемен – в том виде, в котором сейчас существует.

Вслед за президентом страна лишается и высокопоставленной бюрократии: родственники и соратники президента уезжают подальше от гражданской войны и поближе к своим заграничным банковским счетам. Сейчас Эр-Рияд и Вашингтон спешно пытаются найти им замену.

Считается, что Эр-Рияд делает ставку на Хамида аль-Ахмара. Однако вероятность того, что он станет президентом, невелика; в этом случае семья аль-Ахмар получит слишком много власти, а остальные йеменские шейхи вряд ли потерпят столь серьезное нарушение сложившегося межплеменного баланса сил. К тому же Хамид – выходец с Севера, а для сохранения единства страны Йемену нужен президент-южанин. Поэтому, по мнению некоторых экспертов, им вполне мог стать вице-президент Абдераббу Мансур Хади (который после бегства Салеха исполнял обязанности президента). Он южанин, устраивает большинство фракций нынешней оппозиции и к тому же является близким соратником бывшего президента Южного Йемена Али Насера Мухаммеда (который, по некоторым данным, очень тесно аффилирован с ЦРУ).

Мансур Хади в рекордные сроки сумел договориться с оппозицией о перемирии. Иностранные державы готовы финансово поддержать новый йеменский режим. Так, на днях саудовский король подарил Йемену 3 млн. баррелей сырой нефти. Весьма вероятно, что свой посильный финансовый вклад внесет и Вашингтон.

Победа «революции» в Йемене и свержение президента Али Абдаллы Салеха поставили под угрозу само существование этого государства. Страна может превратиться в мощный источник нестабильности на Ближнем Востоке.

Ситуация в странах Персидского залива

На Бахрейне по примеру египтян началось массовое народное движение против королевского режима: режим представлен суннитской правящей династией, в то время как население на 70% – шииты. Сунниты занимают высшие посты в администрации, компаниях, ведущие позиции в экономике. Поэтому религиозные протесты сочетаются с демократическими и социальными. Уровень жизни на Бахрейне высок,

даже среди шиитов. Но оскорбленное чувство человеческого достоинства, нежелание шиитов быть людьми второго сорта подталкивают их на восстание, пока мирное. Королевский режим не потерял своей основы, армии и полиции, но делает одну уступку за другой.

В Бахрейне борьбу с суннитской королевской династией ведет шиитская оппозиция. Военную помощь в подавлении выступлений оказала Бахрейну Саудовская Аравия. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) возложил на Иран ответственность за события в Бахрейне. Саудовская Аравия фактически совершила интервенцию под флагом ССАГПЗ и силой подавила революционное движение.

Есть сведения, что члены Совета готовили высылку граждан Ливана и Ирана, которых обвиняют в связях с «Хезболлой» и иранской разведкой. Дело зашло далеко – Бахрейн прекратил воздушное сообщение с Ираном, Ливаном и Ираком. Были отозваны послы – Бахрейна в Иране и Ирана в Бахрейне. Тегеран обвиняется и во вмешательстве во внутренние дела Кувейта. Там раскрыта шпионская сеть, работающая на Иран. Два иранца и один кувейтца приговорены за шпионаж к смертной казни, послы были отозваны и между двумя этими странами были прерваны дипотношения.

Следует отметить, что Бахрейн, пожалуй, самое модернизированное государство арабского мира. Половину мест в парламенте, который выбирается так, как положено, занимает оппозиция. Женщины уравниены в правах с мужчинами, во всяком случае, могут голосовать.

Была высока вероятность протестов в Катаре, Омане или в Объединенных Арабских Эмиратах. Но большинство рабочих там – иммигранты, их немедленно вышвырнут из страны, если они будут протестовать. А у коренных жителей Катара и ОАЭ – самый высокий в мире уровень жизни.

Характерно, что волна арабских революций, обрушившись всей своей мощью на диктаторов в Тунисе, Египте, Ливии,

Сирии и Йемене, не затронула нефтяные монархии Персидского залива – здесь легитимность монархов не ставится под сомнение. Слабым звеном оказался Бахрейн: в этой стране королевская династия аль Халифа, придворная элита и все силовики принадлежат к суннитскому направлению ислама, в то время как две трети населения победнее составляют шииты. Потому, когда шиитская молодежь Бахрейна, воодушевленная событиями в Египте и Тунисе, 18 февраля вышла на улицы, силовики не колеблясь открыли по ней огонь, а президент Обама публично подверг критике короля Хамада бен Иса аль Халифа за подобное варварство. Монархи арабских стран Персидского залива, испугавшись, что Барак Обама принесет в жертву Хамада аль Халифа столь же легко, как ранее сдал президентов Туниса и Египта, немедленно начали действовать.

Послы короля Бахрейна и его арабских союзников стали курсировать между Пентагоном, Госдепом и Белым домом с тщательно выверенными посланиями. Их смысл сводился к тому, что если Барак Обама не окажет твердой поддержки монархии в Бахрейне, то правительство последнего может рухнуть и страна окажется в объятиях шиитского Ирана. А ведь в Бахрейне расположена база и штаб-квартира контролирующего Персидский залив американского флота. Давление Совета по сотрудничеству арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) сработало: посланники организации сумели убедить главу Пентагона Роберта Гейтса и госсекретаря Хиллари Клинтон в том, что «Бахрейн может стать той “моделью демократии”, которая позволит администрации Обамы продвигать демократические реформы без дальнейшей дестабилизации региона». После чего президент Обама вместо того, чтобы, как это было в Египте, уступить призывам оппозиции, попросил протестующих вступить в переговоры с наследным принцем Бахрейна, якобы обещающим большие перемены.

III. Внешние факторы и их влияние на ситуацию в регионе

Общая ситуация в регионе

Общая ситуация в регионе и ближневосточный конфликт в частности генерируется в течение десятилетий политикой Израиля и его старшего союзника – Соединенных Штатов.

Доминирующая роль Соединенных Штатов, опирающаяся на масштабное военное присутствие (оккупационные силы в Ираке, военные базы в Кувейте, база ВВС и Пятого флота ВМС в Бахрейне, передовой командный пункт СЕНТКОМа в Катаре, базы ВВС и ВМС в Омане и ОАЭ), вызывает напряжение Ирана, провоцирует далеко выходящее за рамки субрегиона распространение экстремизма как реакцию на американское господство. Напряженная ситуация вокруг Ирана в любой момент может вылиться в новый крупномасштабный конфликт с непредсказуемыми последствиями для всего Ближневосточного региона, но особенно для зоны Персидского залива. Оккупация Ирака привела к тяжелейшим последствиям для этой страны, включая угрозу ее распада, а также к многократному усилению террористической активности. Союзники США из числа членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) не могут чувствовать себя в безопасности перед угрозой возникновения новых кризисных ситуаций.

Разочаровавшись в перспективах мирного урегулирования, Тель-Авив после прихода к власти правительства Нетаньяху-Либермана вернулся к ранее успешной политике односторонних силовых акций. Администрация Буша, пытавшаяся продолжать традиционную американскую политику в регионе, ушла, и на ее место пришла команда Б.Обамы, стремящаяся улучшить отношения с миром ислама. И в этой ситуации

односторонняя силовая политика Израиля стала серьезной проблемой для международного имиджа страны.

В последнее время ситуация на Ближнем Востоке начала меняться – Турция и Иран перешли в разряд главных игроков. Используя свои внутренние ресурсы и ошибки американцев (в частности, смещение режима Саддама Хусейна в Ираке), Иран превратился в одну из главных фигур на ближневосточной шахматной карте и лидера «антиизраильского фронта». Разрыв в отношениях с Турцией произошел отчасти по вине Тель-Авива. Израильские власти всячески препятствовали желанию Анкары выйти из-под крыла американцев и занять место лидера арабского мира. Турецкий лидер Эрдоган не смог удержаться на оптимальной политической линии «и взял курс на улучшение своего имиджа на “арабской улице”» за счет публичного обострения отношений с Израилем.

Последствия выпадения Ирана и Турции из прежней системы несут Израилю серьезную угрозу. Сейчас Анкара и Тегеран на фоне ухода американцев фактически делят между собой Большой Ближний Восток. Причем делят не путем конфликта, а мирно, в рамках стратегического партнерства, вовлекая в строящуюся ими систему Сирию и другие мелкие государства региона. В какой-то степени ирано-турецкое сближение зиждется на антиизраильских настроениях элит обеих стран. Складывающаяся таким образом новая, постамериканская конфигурация региона крайне невыгодна для Израиля, поскольку объединяет его врагов и лишает Тель-Авив пространства для маневра.

За последние годы сразу несколько участников Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (Кувейт, Оман, Катар) заключили с США крупные оружейные контракты. При этом ни одна из этих сделок на сей раз не вызвала возражений Израиля, ранее опасавшегося, что вооружение арабских государств может нарушить стратегический баланс

сил на Ближнем Востоке. Продажа новейшего вооружения странам Персидского залива преследует еще одну цель – заставить ближневосточные государства отказаться от того, чтобы начать собственные ядерные исследования. Наличие американского оружия в соседних с Ираном странах позволит подразделениям вооруженных сил США в случае необходимости действовать, не прибегая к переброске необходимой техники в район предполагаемого театра военных действий.

На политику и стратегию Запада на Ближнем и Среднем Востоке малозаметное, но сильное влияние оказывает иранский фактор. Ясно, что подобную революцию в Иране США будут активно поддерживать и поддерживают с помощью Интернета, спецслужб, денег. Но они поддерживают это протестное движение для того, чтобы свергнуть режим своего врага на Ближнем и Среднем Востоке, устроить там «цветную революцию». Режим, который необычайно усилился и окреп после того, как США одной рукой разгромили и уничтожили власть Саддама Хусейна в Ираке – противника Ирана, а другой – власть талибанов в Афганистане, тоже противника Ирана. Слом режима Мубарака – суннитского, союзного с США, антииранского – тоже укрепляет позиции правителей Ирана.

В соседнем с Ираном режиме небольшого островного королевства Бахрейн с миллионом населения по примеру египтян началось массовое народное движение против королевского режима. При этом на Бахрейне находятся база и штаб-квартира 5-го военно-морского флота США, постоянно дислоцировано несколько тысяч американских военных. В этих условиях США, как и представители Евросоюза, продолжают твердить о необходимости постепенных реформ, необходимости учитывать мнение населения, но фактически поддерживают режим.

Ближние союзники США – королевские режимы в Марокко и Иордании. В этих странах – своя специфика. Там правят молодые, хорошо образованные короли, которые заранее начали

сверху проводить кое-какие реформы, расширять демократическое представительство масс, вести диалог с мусульманской оппозицией. Обе династии считаются прямыми потомками пророка Мухаммеда и пользуются почитанием среди верующих. Правда, бедность населения, нехватка ресурсов, не позволяющие удовлетворить запросы масс, поднимают накал именно социальной напряженности, хотя не вызывают (пока) антикоролевских движений.

Следует отметить, что, по мнению ряда наблюдателей, события на Арабском Востоке не укладываются в известные схемы «цветных революций», поддерживаемые Западом в середине 2000-х гг. «Бархатные» революции проходили в разных государствах, но всюду возникали подозрения, что ими руководят из одной страны – из США. На события в ближневосточных странах активно воздействуют «вторые» и «третьи» государства. Шиитский Иран, к примеру, активно действует в Бахрейне, где шиитское большинство управляется суннитским меньшинством. Активизация шиитских повстанцев в Йемене провоцирует волнения в соседнем Омане. Картина событий на Ближнем Востоке куда более пестрая и сложная, чем картина «бархатных» революций.

Следует обратить внимание на следующий момент: события в арабском мире показали, что традиционный сценарий «цветных революций» претерпевает изменения. Организаторы «цветных революций» новой волны уже не будут дожидаться выборов, чтобы вывести толпу на улицу с требованиями пересчета голосов, приглашения западных наблюдателей и провозглашения итогов выборов сфальсифицированными. На смену этому идет схема контроля над населением по модели «перманентной революции», из которой выхолощен социальный протест.

Очевидно, что Вашингтону выгодно сменить сирийский режим, так же, как, например, ливийский или иранский.

Слишком много болевых узлов ближневосточной политики завязано на Дамаске. Это и арабо-израильский конфликт, и связи сирийского военно-политического истеблишмента с палестинскими и ливанскими радикальными организациями ХАМАС, «Исламский джихад» и «Хезболлах», и непростые отношения Сирии с Ираном, которые базируются на соглашениях о дружбе и взаимопомощи.

Здесь нужно отметить еще один момент. Всеобщий арабский бунт вольно или невольно совпал по времени с референдумом по разделу Судана, который Америка приветствовала. По сути, в феврале в Африке был создан важный прецедент пересмотра государственных границ. Судан и Южный Судан в перспективе могут дробиться и дальше, как это произошло, например, с Сомали. Но фактически на пространстве Большого Ближнего Востока, страны которого охватывают обширную территорию от Северной Африки до Южной Азии, нет никакой международной юридической базы, подтверждающей незыблемость появившихся здесь после Второй мировой войны государственных границ. В Евразии, к примеру, эту роль играют договоренности в рамках ОБСЕ.

В последнее время эксперты все чаще говорят о том, что события на Ближнем Востоке – это отражение противоречий и скрытой борьбы двух «гигантов» – США и Китая. По их мнению, США и Запад не случайно демонстрируют свои возможности применения силы в Северной Африке. Эта демонстрация – часть скрытой «экономической войны» с Китаем, который тоже стремится закрепиться на Африканском континенте.

Американцам важно сохранить контроль над йеменским портом Аден, откуда легко перекрыть доступ в Баб-эль-Мандебский пролив, а это – ворота в Красное море и выход в Индийский океан. Малаккский пролив, который находится на противоположном конце Индийского океана, США давно уже

контролируют. Если они по-настоящему надежно закрепятся на входе и выходе в Индийский океан, им легко в случае необходимости отрезать Китай от ресурсов Африки.

Нельзя также забывать об американском плане «Большого Ближнего Востока», предусматривающего возможность переройки (в интересах США) границ 24 государств.

Роли и позиции основных международных игроков

Запад и США, вопреки демократической риторике, гораздо больше (с прагматической точки зрения) были заинтересованы в сохранении стабильности Египта – страны с многомиллионным населением, которая вдобавок является ключевым игроком на региональной сцене. Возможная нестабильность (после смены режима в Египте) привела бы к полному провалу ближневосточного урегулирования и создала бы новые проблемы и угрозы вблизи Европы, связанные с потоком беженцев и нелегальных иммигрантов и укоренением террористических организаций.

Египетская армия поддерживала тесные связи с Вашингтоном, получая от США каждый год военную помощь на 1,3 млрд. долл., за годы правления Мубарака была перевооружена в основном американцами; лишь часть оружия советского производства осталась в ее распоряжении. Среднее и высшее офицерство прошло обучение в США, а также в Англии и во Франции. Один из первых декретов нового военного руководства гласил, что прежние международные договоры, в том числе мирный договор между Египтом и Израилем, будут сохранены.

Весной 2009 г. 80-летний Мубарак установил формальные отношения с Б.Обамой, как и с другими американскими президентами. Обаму убеждали, что Мубарак – единственный человек в Египте, который может сохранять стабильность

в стране, давить экстремистов и удерживать свою армию в рамках мира с Израилем.

В тоже время, широко игнорируется в череде событий в Египте тот факт, что, независимо от эксцессов внутри страны, Мубарак представлялся основным препятствием для политики США в регионе. Отношения между Обамой и Мубараком были ледяными с самого начала. Мубарак был решительно настроен против политики Обамы в отношении Ирана и его деятельности по борьбе с иранской ядерной программой, против политики Обамы в Персидском заливе, в Сирии и Ливане, а также в отношении палестинцев. Он представлялся неприятным препятствием для вашингтонского проекта Большого Ближнего Востока.

Следует отметить роль западных СМИ и НПО. С их помощью Уаэль Гонем был как бы «назначен» западными СМИ в качестве лица египетской революции. Он гораздо моложе Мохаммеда аль-Барадея, он не религиозен, не замкнут, не связан с «братьями-мусульманами», хорошо говорит по-английски, женат на американке и работает на «Гугл». Его лицо наиболее привлекательно для того, чтобы «коммерциализировать революцию» в глазах западной аудитории.

Специалисты обращают внимание также на следующий факт. И в Египте, и в Тунисе демонстранты оказались англоговорящими. Митинги против Бен Али и Мубарака проходили под плакатами и лозунгами, написанными частично на английском языке. Притом что в Египте реальных англофонов на массовую демонстрацию не наберется, а Тунис – вообще страна франкофонная.

США и страны Евросоюза в связи с событиями в Ливии оказались перед дилеммой. Ведь после периода антизападной (антиимпериалистической) реальной политики режим Каддафи стал устраивать Запад. Каддафи полупризнал ливийское участие во взрыве американского Боинга. Он отказался от

производства ядерного оружия, выдав сеть пакистанцев, которые поставляли ему ядерные технологии. (после того, как американцы вторглись в Ирак под предлогом не допустить производства атомной бомбы.) Он вновь пригласил, правда, на выгодных для Ливии условиях, западные нефтяные корпорации в страну. Он заключил выгодные сделки на миллиарды долларов с Италией, Англией, США. Ливийские деньги были вложены в ценные бумаги и недвижимость в странах Запада, в том числе и миллиарды семейства Каддафи. Начался процесс приватизации торговли, промышленности, банков, на чем наживались ближайшее окружение Каддафи и иностранцы.

Действия США в отношении Ливии вызвали раскол в мировом общественном мнении и именно это и привело к тому, что в вопросе с Ливией США предпочли оставить Францию и Англию один на один с расколотым миром.

Иран и Турция начинают понимать, что их возможности добиться чего-либо без и тем более вопреки США жестко ограничены. Египет пытается сорвать попытки Турции примирить соперничающие палестинские группировки и заставить Израиль снять блокаду с Газы. Сирия препятствует работе по достижению мира, которая ставит под угрозу интересы ее союзников. Саудовская Аравия намерена блокировать успехи Ирана в Ираке. Практически ни у одной страны нет позитивной программы или же отсутствует возможность успешно реализовать такую программу из-за противодействия других игроков. Но несмотря на усиление соперничающих сил, Соединенные Штаты по-прежнему способны наложить вето практически на любую важную инициативу в регионе.

Поднимая вопрос о вмешательстве в ход политических процессов в их революционной фазе, нельзя не сказать о внутри-арабском вмешательстве. Так, Саудовская Аравия фактически своими войсками подавила восстание в Бахрейне (хотя под флагом ССАГПЗ). Саудовская Аравия действует

провокационно и в Сирии. Представители сирийских силовых структур рассказывают о пойманных в Сирии провокаторах из Саудовской Аравии. Считается, что именно они являются той тайной «третьей силой», которая раскачивает ситуацию.

В связи с вышеизложенным напрашиваются несколько выводов:

Во-первых, тиражируемый сегодня тезис о том, что эти режимы «привели страны в состояние экономической стагнации» можно подвергнуть критике. Экономически, социально и демографически почти все страны, охваченные протестной волной, развивались достаточно успешно, и в мировом рейтинге выглядели не так уж плохо.

Во-вторых, практически все политические лидеры этих стран старались соблюдать предложенные им «правила игры», прежде всего, в плане поддержки антииранской кампании США, их политики в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта и поставок нефти и газа на мировые (главным образом, европейский и американский) рынки. Даже «бедуинский революционер» Каддафи в последние годы нормализовал отношения с Западом настолько, что на территории Великобритании готовились подразделения ливийской армии.

В-третьих, западная коалиция, сначала жестко выступающая против вторжения США в Ирак и критикующая новую политику США, к середине 2004 года практически распалась. Более того, именно НАТО взяло на себя ответственность за операцию в Афганистане.

Наконец, именно диктаторские политические режимы решали чрезвычайно важную для Европы и США задачу ограничения влияния радикального ислама и сдерживания миграционного потока из более бедных государств Центральной Африки.

В этих условиях создавать проблемы действующим политическим режимам было недальновидно. Тем более, когда ситуация в Ираке оставляла желать лучшего, а Иран начал претендовать на роль регионального лидера. Практическая реализация концепции модернизации «расширенного» Ближнего Востока была отложена, но сама концепция не забыта. Причем, в ее практической реализации главная ставка была сделана не на военную силу, а на пропаганду и использование новейших информационных технологий как для мобилизации населения, так и для организации информационной войны и давления на политических лидеров.

Именно в этом и заключалась роль внешних сил в событиях в странах Магриба. Если бы Барак Обама не оставил своих прежних союзников – бен Али и Мубарака, то неизвестно как бы развивались дальнейшие события. В событиях в Ливии влияние внешнего фактора проявляется еще более отчетливо. Вся информационная война против Каддафи выстроена на дезинформации, угрозе применения силы и объявлении Каддафи преступником вселенского масштаба. При этом лидеры мирового сообщества не только не утруждают себя поиском фактов, обосновывающих их позицию, но в своем большинстве даже не задаются вопросом, как бы поступили они сами, если бы повстанческое движение возникло в их странах.

Стратегия и политика США

Первые полтора года нахождения у власти президент США Барак Обама посвятил попыткам выправить положение дел на Ближнем Востоке, которое стало следствием неумелых действий его предшественника. Тем временем Ближний Восток пришел в движение. По сути дела, Соединенные Штаты по-прежнему видят Ближний Восток поделенным на умеренные и воинственные режимы, что заслоняет от них движущие

силы современного ближневосточного общества, которые определяют динамику в регионе.*

В конце концов, что касается ключевых интересов Вашингтона, как он сам их определяет, формальные союзники Америки на Ближнем Востоке часто преследуют цели, несовместимые с целями США, тогда как цели их врагов порой совпадают с линией Вашингтона. Например, Иран и Саудовская Аравия, оставаясь непримиримыми врагами, смотрят на Ирак через одну и ту же конфессиональную призму (хотя и занимают разные стороны в борьбе основных течений ислама), в то время как Вашингтон видит в Ираке светское государство, что гораздо ближе к точке зрения Сирии и Турции. Несмотря на это, когда речь заходит об Ираке, американское правительство склонно осуждать Иран и Сирию и хвалить Саудовскую Аравию и Турцию.

Важным фактором для состоявшихся перемен служило давление, оказываемое Западом, в частности США, на режим под лозунгом продвижения демократии. Они «рекомендовали» Мубараку снизить давление на оппозиционеров и предоставить оппозиционным силам реальные возможности принять участие в политическом процессе.

По мере развития египетской революции администрация президента Обамы металась. С одной стороны, она то поддерживала своего верного старого союзника Хосни Мубарака, с другой – уговаривала его срочно начать реформы, рекомендовала развивать демократию, не нарушая порядка. США проповедовали демократические реформы и одновременно опасались, что реформы могли вызвать политический обвал, непредсказуемые последствия. Но их отсутствие означало на деле тоже обвал, социальный взрыв и опять-таки непредсказуемые последствия.

* Шумилина И. Имидж США и Барака Обамы на Ближнем Востоке: между словом и делом // *Вестник аналитики (ИСОА)*. 2011. № 1. С. 59-66; № 2. С. 94-102.

Пентагон в день народной демонстрации в Каире с требованием к Мубараку уйти в отставку принимает ключевых членов египетского военного командования во главе с начальником Генерального штаба Сами Хафезом Энаном. Египетским генералам некуда было деваться. Через пять дней после начала революции начальник генштаба египетских вооруженных сил был приглашен в США, где и выработал тактику: пожертвовать Мубараком, но пока сохранить власть военных.

На слушаниях в сенате США в феврале 2011 г. представительница ЦРУ С. О'Салливен заявила о том, что в конце 2010 г. разведка информировала американскую администрацию об угрозе возникновения нестабильности в Египте и ослабления власти Мубарака. Когда по арабским странам прокатилась революционная волна, в Вашингтоне возник некоторый разнобой в действиях и заявлениях Белого дома, госдепартамента и Пентагона. Наиболее последовательно действовал Пентагон. Опираясь на обширные связи на всех уровнях с египетскими военными, он отслеживал обстановку и оказывал на них определенное воздействие.

Обама в телефонных беседах с Мубараком все настойчивее подталкивал его к уходу в отставку до тех пор, пока тот просто перестал брать телефонную трубку. В Вашингтоне считают, что в Египте положительно оценили эти действия президента США, не внявшего призывам израильтян, саудовцев и некоторых других лидеров ближневосточных стран «спасти» Мубарака.

При сложившихся обстоятельствах нынешний оборот событий в Египте пока более или менее устраивает Вашингтон. Но там понимают, что это только начало, что пути тех сил, которые объединились в борьбе за свержение Мубарака, скорее всего разойдутся. Нет уверенности и в том, что египетские военные смогут обеспечить «мирный переход к демократии», как это произошло в свое время в Южной Корее.

Несмотря на то, что Египет считался одним из основных союзников США на Ближнем Востоке, у Вашингтона были основания желать замены режима в Каире на более либеральный. Дело в том, что президент Мубарак проводил в целом патриотическую внешнюю политику, далеко не всегда совпадавшую с политикой США. Разногласия существовали по таким ключевым проблемам, как палестинская, Ирак, борьба с терроризмом, распространение ядерного оружия. Либеральный же режим легче было бы встроить в фарватер американской политики.

Американские дипломатические депеши, рассекреченные WikiLeaks, дают понять, что госдепартамент США перечислял противникам сирийского режима миллионы долларов. Американцы финансировали сирийскую оппозицию еще при президенте Джордже Буше-младшем в 2005 году, когда он заморозил политические контакты с Дамаском. Финансирование оппонентов президента Башара Асада продолжилось и после прихода к власти в США Барака Обамы, по крайней мере, до сентября 2010 года. В депешах упоминаются базирующиеся в Лондоне две оппозиционные структуры – Движение за справедливость и развитие (ДСР), а также связанный с ним вещающий на Сирию спутниковый телеканал Varada TV.

Администрация Обамы уже давно осознает серьезность террористической угрозы, исходящей от Йемена, и с самого начала своей работы проводит операции в этой стране, причем проводит очень осторожно, не привлекая лишнего внимания. В 2009 г. ЦРУ послало в Йемен группу лучших полевых оперативников, специализирующихся на контртеррористических операциях. В стране работают несколько подразделений американского спецназа, которые не только занимаются обучением местных спецслужб, но и самостоятельно проводят операции против боевиков. Американские самолеты под видом йеменских ВВС регулярно наносят авиаудары по позициям

исламистов. В целом по линии Пентагона за последние полтора года на Йемен было потрачено почти 70 млн. долларов.

Администрация Обамы, по существу, раскололась по йеменскому вопросу. Чиновники госдепартамента выступают за то, чтобы американская интервенция носила ограниченный характер. В то время как Пентагон выступает за наращивание американского военного присутствия.

В 2010 г. администрацию Барака Обамы обстоятельства и стремление некоторых политических кругов подталкивали к вторжению в Йемен. Если американский президент пошел бы на это, США получили бы еще один Афганистан. Америке для проведения антитеррористической масштабной операции в Йемене понадобились бы слишком большие ресурсы. Очевидно, что кампания окажется кровопролитной: в Йемене на 21 млн. жителей приходится около 60 млн. единиц ручного огнестрельного оружия. Высока вероятность того, что неизбежные жертвы среди мирного населения и открытое противостояние США приведут к резкому росту радикального исламизма в стране.

Администрация Обамы пообещала вдвое увеличить контртеррористическую помощь правительству Йемена (150 млн. долларов, дополнительно на экономическое развитие еще 63 млн.). В сентябре 2010 г. Центральное командование США предложило предоставить Йемену военную помощь на 1,2 млрд. долл. в течение ближайших шести лет.

Но помимо борьбы с терроризмом США преследуют в Йемене и более прагматичную цель. Усиление американского присутствия в этой стране мыслилось как один из элементов политики сдерживания быстро растущего влияния Китая. Если США, уже контролирующие Малаккский пролив, получают еще и контроль над йеменским портом Аден (британцы называли его Вратами в Азию), то они фактически закроют с двух сторон Индийский океан, по которому идут важнейшие китайские

торговые пути. Кроме того, США хотят обеспечить свое военное присутствие на всем западном побережье океана от Йемена до Кении, отрезав Китай от ресурсной базы в Африке.

Более активное вовлечение США в дела Йемена на стороне йеменского правительства выгодно и крупнейшему региональному игроку – Саудовской Аравии. В Эр-Рияде опасаются, что если шииты-хути одержат верх в своей войне за независимость, то вкупе с шиитским Оманом они создадут мощный центр притяжения для шиитов из восточных провинций Саудовской Аравии.

Ситуацию для Б.Обамы осложняет то, что йеменские власти подыгрывают американским алармистам. Президент Салех и его окружение надеются руками американцев справиться со всеми своими внутренними врагами, объявив их боевиками «Аль-Каиды» или, как в случае с шиитами-хути, террористическими агентами Ирана.

Инициативы Обамы по созданию «безъядерной зоны на Ближнем Востоке» и продвижению к «глобальному ядерному нулю», настойчиво поддерживаемые Саудовской Аравией, направлены в равной мере как против Ирана, нарушившего Договор о нераспространении (ДНЯО), так и против Израиля, не являющегося его участником. Проблема не только в том, что эти инициативы не имеют шансов на реализацию, но в том, что они полностью игнорируют Пакистан, хотя опасность передачи части пакистанского ядерного арсенала в распоряжение Саудовской Аравии, а возможно, и не только ее, не менее реальна, чем перспективы появления иранской ядерной бомбы.

Таким образом, политика Вашингтона на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке постоянно использовала двойные стандарты. С одной стороны, США заявляли о стремлении продвигать реформы и демократию в странах «Большого Среднего Востока», то есть от Северной Африки до Пакистана, с другой – они опирались на своих реальных

военно-политических союзников, авторитарные режимы, которые существовали во всех этих странах. Конечно, США хотели бы реформ «сверху», а не революции «снизу».

19 мая 2011 г. Барак Обама выступил перед сотрудниками Госдепартамента и провозгласил новую главу в американской дипломатии на ближневосточном направлении. Речь Барака Обамы в госдепе США, получившая романтическое название «Арабская весна», была анонсирована заранее.* В своей речи президент США поддержал политические изменения в регионе и пообещал экономическую помощь сторонникам демократии на всем Большом Ближнем Востоке, охватывающем страны от Северной Африки до Южной Азии. Доклад главы Белого дома перед американскими дипломатами привлек внимание всей мировой общественности. И это неудивительно, ведь он, по сути, стал первой комплексной реакцией Вашингтона

Своим приоритетом в регионе он назвал поддержку экономических и политических реформ, призванных ускорить переход от авторитаризма к демократии. Как следует из его речи, витринами этих реформ станут Тунис и Египет. США намерены лоббировать идею оказания Тунису и Египту дополнительной финансовой помощи в размере нескольких миллиардов долларов по линии Всемирного банка, Международного валютного фонда, Европейского банка реконструкции

* «Арабская весна» стала уже вторым установочным выступлением господина Обамы по поводу отношений США с арабским и исламским миром, произнесенным за годы его президентства. Со своей первой подобной речью Барак Обама выступил в Каирском университете в июне 2009 года, пообещав перевернуть страницу, связанную с его предшественником Джорджем Бушем, и в корне изменить негативный имидж Америки, реализовав тем самым одно из своих главных предвыборных обещаний. Но политика новой администрации США была признана в арабском и исламском мире противоречивой и непоследовательной на фоне волны неутраченных потрясений на Ближнем Востоке и провала инициированного Барак Обама прямого палестино-израильского диалога на высшем уровне.

и развития и других структур. При этом, как ожидается, в поддержке тунисских и египетских реформ международные финансовые структуры должны будут активно использовать опыт, накопленный во взаимодействии с переходными экономиками Центральной и Восточной Европы.

Египтянам списывают долги, открывают кредитные линии, стимулируют предпринимательство, особенно малый и средний бизнес. Одновременно Барак Обама стремится простимулировать также израильско-палестинский мирный процесс, надеясь таким образом ответить на главное общеарабское политическое требование и побудить Израиль к уступкам во имя сохранения собственной идентичности.

В конце июня 2011 г. Комитет по международным делам сената США утвердил резолюцию, разрешающую президенту продолжать военную операцию в Ливии в течение еще одного года, не дожидаясь одобрения конгресса.

Примечательно, что еще 1 млрд. долл. финансовой помощи за день до произнесения своей речи «Арабская весна» президент Обама пообещал посетившему в это же время с визитом Вашингтон королю Иордании Абдалле II. В Белом доме решили поддержать ключевого союзника на Ближнем Востоке в декларируемой сегодня королем Абдаллой программе кардинальных политических и экономических реформ. Накануне выступления стало известно, что президент США своим указом распорядился заморозить находящиеся в американских банках счета президента Сирии Башара Асада и шести членов сирийского правительства.

С одной стороны, Обама однозначно продемонстрировал решимость «перезагрузить» отношения с ближневосточными государствами в свете кардинальных изменений, произошедших этой зимой в регионе. Более того, сделав акцент на необходимости демократического и экономического развития стран Ближнего Востока при полной поддержке Вашингтона,

президент дал понять «ястребам» в собственной стране и исламским радикалам в регионе, что США готовы закрыть тему религиозно-идеологического противостояния между Западом и Востоком.

С другой стороны, речь Обамы в сущности не содержала в себе ничего нового. В конечном итоге, утверждают эксперты, она свелась к привычным поучениям американцев как нужно строить и развивать демократию в странах Ближневосточного региона. При этом союзников из числа монархий Персидского залива Обама мягко призвал не отступать от начатых процессов либерализации, а Сирии и Ирану пригрозил усилением международной изоляции.

В целом, в ходе арабских революций Соединенными Штатами была отработана новая модель манипулирования политическими процессами. Новая дипломатическая доктрина – «народная дипломатия» (по мысли госсекретаря Х.Клинтон) значительно расширяет способность США предупреждать и отвечать на кризисы и конфликты. Судя по практически единодушной и одобряющей реакции глобальных СМИ на «освободительные» движения в арабском мире и отсутствие привычной критики по поводу смены режимов американцами, концепция использования т.н. «народной дипломатии» видится весьма перспективной для предупреждения вызовов американскому лидерству в арабских государствах.

В результате последних событий негативное отношение арабского мира к США и президенту Бараку Обаме резко выросло: таковы результаты опроса, проведенного Арабо-американским институтом в странах Ближнего Востока. В целом арабское население стало относиться к США хуже, чем в последний год правления Джорджа Буша-младшего. Надежды на улучшение имиджа Америки в глазах мусульман после прихода Обамы, таким образом, не оправдались.

Роль Франции и позиция Евросоюза

Ливия стала важным звеном в цепи арабских кризисов. Вмешательство так называемой «коалиции желающих» и начало бомбардировок режима М. Каддафи вывели конфликт на новый уровень и обострили внутреннее противостояние. Инициатором внешнего вмешательства выступила Франция вместе с Великобританией, что выглядело неожиданно, особенно если вспомнить категорический отказ французского правительства поддержать американскую интервенцию в Ирак в 2003 году.

Франция заняла в ливийском кризисе 2011 года диаметрально противоположную позицию, не просто поддержав военную операцию, но, по сути, став ее главным вдохновителем и организатором. Париж первым признал силы ливийской оппозиции, решительно высказался за принятие резолюции СБ ООН 1973, фактически открывшей путь к военному вмешательству в ливийский конфликт, а также лоббировал создание «коалиции желающих» участвовать в бомбардировках режима Каддафи.

Часто можно встретить утверждение о том, что с помощью маленькой, но победоносной войны действующий французский президент стремился отвлечь внимание французских избирателей от внутренних проблем и повысить свой падающий рейтинг. Если судить по опросам общественного мнения, в феврале-марте 2011 г. популярность Н. Саркози была низкой и продолжала стабильно снижаться.

Эксперты (в частности Т.Зверева) выделяют две основные группы причин столь сильного падения рейтинга Н.Саркози.* Во-первых, реакция на преобразования, направленные на адаптацию французского общества к требованиям глобализации

* Зверева Т. Саркози vs. Каддафи // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 5. С. 79-94.

(повышение пенсионного возраста, сокращение расходов на образование, оптимизация военных затрат), и, во-вторых, последствия мирового финансово-экономического кризиса, который больно ударил по французской экономике. Болезненные социально-экономические реформы не завершены. Эксперты отмечают, что в любом случае отдачу от них можно ожидать лишь через несколько лет.

Другой фундаментальный вызов – необходимость гармонично вписать в жизнь французского общества «новых французов», представителей иммигрантов во втором и третьем поколениях, а также справиться с неконтролируемым въездом в страну наемных рабочих из Африки и стран Ближневосточного региона. Ответственность за решение этих проблем французский избиратель склонен возлагать на политические силы, находящиеся у власти, и в первую очередь на самого Н.Саркози. Интересно, что внешняя политика до сих пор не подвергалась такой острой критике со стороны французской общественности, как это было с политикой внутренней.

Тем не менее, неправильно было бы полагать, что французы единодушно поддерживают международную политику правящего президента. Резкий пересмотр традиционных внешнеполитических приоритетов, к которому прибегнул Саркози, придя к власти, не был полностью принят французским обществом. Реинтеграция Франции в НАТО в апреле 2009 года получила неоднозначную оценку со стороны представителей военно-политической и внешнеполитической элиты, где все еще популярными остаются идеи «величия Франции». Кроме того, военная реформа, начатая после принятия Белой книги 2008 года, и сокращение военного бюджета также вызвали недовольство среди французских военных.

В начале 2011 года ситуация осложнилась в связи с очевидными внешнеполитическими промахами, обусловленными неправильной оценкой событий в арабском мире. Руководство

страны сильно недооценило масштабы, причины и перспективы протестных движений на Ближнем Востоке. Начало волнений требовало быстрой и компетентной реакции на события со стороны Парижа.

Ведущий французский специалист по проблемам Южного Средиземноморья и Ближнего Востока О.Руа предсказывал, что демократизации Ближнего Востока избежать нельзя, несмотря на рост влияния исламистов, и направил соответствующую записку в аналитический департамент Министерства иностранных дел. Видимо, этот документ остался незамеченным. По словам эксперта, со времен Миттерана до Саркози, если досье ведет президент, все ориентируются на его точку зрения. Результатом порой становятся неправильные решения, как это и произошло в случае с началом протестных движений в арабском мире.

Многочисленные внешнеполитические ошибки вызвали замешательство среди представителей правящих сил и сделали президента объектом острой критики со стороны оппозиции, традиционно придающей особое значение вопросам защиты прав человека и соблюдению демократических норм. Правозащитники развернули кампанию в парламенте и печати, которая вела к ослаблению позиций действующего президента. Отмечалось, что Франция проявляет пассивность, не поддерживает «арабскую весну» и тем самым подрывает свои международные позиции. Внешнеполитические промахи главы МИД М. Альо-Мари бросали тень не только на самого президента, но и в целом на внешнюю политику страны, стремящейся обновить отношения с арабскими режимами. Результатом стало решение Н.Саркози об отставке министра иностранных дел и назначении на этот пост А. Жюппе, в прошлом ее политического соперника.

Затем последовали инициативы Н.Саркози по Ливии. Режим Каддафи был выбран для этих целей не случайно. Во

Франции лидер Ливийской Джамахирии имеет устойчивую репутацию одиозного, экстравагантного диктатора. Действия ливийского диктатора, направленные на подавление народных волнений, оказались для французского руководства благоприятным поводом для того, чтобы показать новую роль Франции на международной арене. Политика Саркози в отношении Ливии позволила замедлить, но не остановить падение рейтинга действующего французского президента.

Многими экспертами утверждается, что в основе его политики лежит стремление получить контроль над нефтяными и газовыми месторождениями Ливии, для того чтобы добиться снижения цен на нефть, что весьма актуально в посткризисной Франции, а также обеспечить интересы французского капитала в этой стране.

Нельзя отрицать, что особый интерес Парижа к Ливии был связан с тем, что она обладает самыми крупными в Северной Африке доказанными резервами нефти и газа. В последние годы, несмотря на то что поставки нефтепродуктов из Ливии на французский рынок были сравнительно невелики, наблюдалась тенденция к относительному увеличению их доли в общем объеме ввозимой во Францию нефти. Количество нефти, получаемой Францией из Норвегии, снижалось, а поставки из Ливии росли. В 2008 году Ливия перешла с шестого на пятое место среди поставщиков нефти во Францию, опередив Иран. Если в 2000 году Ливия поставляла почти в десять раз меньше нефти, чем Норвегия – лидер энергопоставок во Францию, – то в 2008 году разрыв сократился до двух раз. Причем 70% всей экспортируемой нефти производилось на востоке страны, где и вспыхнуло восстание.

До начала беспорядков в Ливии Франция получала не только нефть, но и газ через ливийско-итальянский газопровод «Зеленый поток». К разработкам ливийских газовых месторождений имел отношение французский энергетический гигант

«Газ де Франс – Суэц». По данным печати, в 2008 – 2010 годах взаимоотношения между Каддафи и основными западными фирмами, представленными на ливийском энергетическом рынке, обострились.

В 2004 – 2008 годах условия ведения бизнеса в Ливии, создаваемые правительством страны для иностранных фирм, становились все более и более жесткими. Это были годы роста мирового спроса на энергоносители, спровоцированного быстрым развитием Китая и ряда других стран. В этих условиях западные компании соглашались на все ограничения, которые в любом случае должны были окупиться. Другая ситуация сложилась с началом финансово-экономического кризиса. Спрос на энергоносители начал падать, как и прибыль западных компаний. Перед Каддафи был поставлен вопрос о снижении давления на европейский бизнес. В ответ ливийский лидер потребовал пересмотра действующих контрактов, с тем чтобы резко увеличить долю государства в существующих предприятиях по добыче энергоносителей. Это вполне законное требование, однако, ставило под вопрос рентабельность нефте- и газоразработок, и западные фирмы отказались выполнять эти требования. Нельзя исключать, что ужесточение правил ведения бизнеса, инициированное Каддафи, превратилось в определенную угрозу интересам в том числе и французских компаний, участвующих в энергоразработках.

На позицию французского президента по вопросу о Ливии могло повлиять и то, что Каддафи «обманул ожидания» самого Саркози и руководителей французской промышленности, рассчитывавших на особое отношение к ним со стороны ливийского лидера в первое время сразу после прихода к власти Саркози. В 2007 году был подписан ряд двусторонних договоров, в том числе о сотрудничестве в создании АЭС, закупках самолета «Рафаль». Парламентскую группу франко-ливийской дружбы, созданную еще в 2003 году, возглавил Оливье Дассо,

глава компании «Дассо», производящей эти самолеты. Французская фирма «Альстом» заключила контракты на создание телекоммуникационных сетей. М.Каддафи проявил интерес и к закупкам аэробусов. Речь шла о масштабной сделке – Джамахирия планировала закупить 41 самолет. В октябре 2010 года, во время визита французского министра промышленности в Ливию, была сделана попытка придать новый импульс двусторонним торгово-экономическим отношениям. Однако, по свидетельству «Монд», большинство договоренностей так и остались на бумаге. Все это могло подтолкнуть Саркози к радикальным решениям по ливийскому вопросу.

Тем не менее, следует отметить, что Франция не являлась первостепенным торговым партнером Ливии. Хотя по поставкам нефти на французский рынок из стран Африки и региона Ближнего Востока Ливия занимала второе место после Саудовской Аравии, основные поставки «черного золота» шли во Францию из Норвегии, России, Казахстана. Энергетическая зависимость Франции от Ливии никогда не была значительной, и Ливия не входила в число основных поставщиков газа во Францию. В целом торгово-экономические связи Парижа и Триполи никогда не были объемными.

Все это заставляет предположить, что «экономический аргумент» является важной, но не единственной причиной, по которой Н.Саркози начал свой «поход против Каддафи». Развитие событий показывает, что участие Парижа в ливийском конфликте пока не привело к разрешению сложных экономических и финансовых проблем, с которыми сталкивается французское общество. Скорее наоборот, беспорядки на Ближнем Востоке и военные действия в Ливии повлекли за собой повышение цен на нефть.

Учитывая, что экономика Еврозоны еще не вышла на докризисные уровни 2007 года, новый всплеск цен на нефть может заморозить ее восстановление, что больно ударит и по

Франции. Вместе с тем нельзя исключать, что в перспективе в Ливии для французских энергогигантов будут созданы более благоприятные условия. Это, однако, возможно только после победы оппозиции и сил «коалиции желающих», а также после восстановления разрушенных войной скважин, нефтеперегонных заводов и портов, что, по оценкам специалистов, потребует серьезных финансовых вливаний.

Изучая причины, подтолкнувшие Францию к решительным действиям на ливийском направлении, специалисты задаются вопросом, не отражает ли «поход Саркози против Каддафи» долгосрочные тенденции во внешней политике страны, связанные с продолжающейся трансформацией международной системы. Речь идет об отношениях с США и НАТО, о политике Франции в ЕС, а также непосредственно о средиземноморском направлении французского внешнеполитического курса.

Можно также встретить предположения о том, что Париж намерен прочно и надолго утвердиться в районе Южного Средиземноморья, в том числе и в качестве влиятельной военно-политической силы. США, стремясь «уйти с первой линии», как будто готовы предоставить Франции в союзе с Великобританией эту роль. Возможно, что Вашингтон, измотанный войнами в Ираке и Афганистане, дал Парижу временный карт-бланш на руководство действиями в регионе, косвенным образом признав ответственность Франции и других европейских стран за демократизацию региона Средиземноморья. Как известно, воздушные операции в Ливии были переведены под эгиду НАТО. Однако французское руководство подчеркивает, что приоритет имеет не альянс, а «коалиция желающих» и ее руководящий орган – контактная группа.

К концу июня 2011 г. французские военные подтвердили в СМИ информацию о поставках ливийским повстанцам французского оружия. Французские военно-воздушные силы сбросили повстанцам большое количество стрелкового оружия,

противотанковые ракеты и реактивные пусковые установки. Некоторые источники говорят о передаче повстанцам легких танков и строительстве двух посадочных полос для приема французских военных самолетов на территории Ливии. Как и многие другие действия Франции во время операции в Ливии, поставки вооружений были осуществлены без консультаций с союзниками.

Таким образом, французы стремятся несколько преуменьшить роль альянса, представив дело так, как будто НАТО играет в конфликте не основную, а вспомогательную роль, а всю полноту ответственности несет созданная при активном участии Франции коалиция и ее легитимный орган – контактная группа. Особый интерес Парижа к развитию отношений с государствами Южного и Восточного Средиземноморья обусловлен рядом факторов. Для Франции это своеобразные ворота в арабский мир и плацдарм для дальнейшего продвижения на африканский континент.

Страны региона являются соседями Франции, ее экономическими и торговыми партнерами. Во многих из них население говорит на французском языке. Большое значение имеют вопросы обеспечения безопасности и борьбы с терроризмом в ближайшем к Европе регионе. Франция стремится утвердить здесь свое влияние в противовес другим мощным международным игрокам. Особенность и сложность ситуации для Н.Саркози сегодня заключается в том, что взаимоотношения с арабским миром являются не только внешнеполитической, но и насущной внутривнутриполитической проблемой Франции. Проживающая там мусульманская диаспора – около 10% от населения страны – наиболее многочисленная в процентном отношении из всех стран ЕС, что представляет собой большую проблему для французского общества.

Цель активной средиземноморской политики Франции, подведенной под крышу Европейского союза в виде проекта

«Союз для Средиземноморья» (СДС), – более эффективно контролировать процесс миграции рабочей силы и поставить заслон нелегальному въезду в ЕС. В центре проекта – идея развития стран региона и создания там благоприятной для бизнеса экономической и социальной среды, что должно сократить потоки желающих покинуть свои страны жителей региона. Можно предположить, что часть ответственности за неудачу проекта в Париже возлагают на Каддафи.*

Наконец, режим Каддафи, по-видимому, являлся определенным препятствием для реализации целей Франции в отношении борьбы с терроризмом. Ливийский лидер контактировал с некоторыми террористическими группировками в Сахаре и частично контролировал радикальные исламские движения, чьи базы были расположены на востоке Ливии. В последние годы режим Каддафи попытался наладить с ними новые отношения. Многие освобожденные террористы впоследствии поддержали режим, и это могло бы стать для Запада проблемой.

Возможно, Каддафи в определенной степени представлял проблему и для французской политики в соседнем с Ливией Алжире, являющемся важнейшим поставщиком газа во Францию, а также в отношении ряда других африканских стран, где влияние лидера Джамахирии было значительным. Париж стремится укрепить свои позиции в Чаде, где расположена крупная военная база – гордость и опора французского влияния на континенте.

Таким образом, стремление Н.Саркози избавиться от М. Каддафи выглядит вполне логично. Однако очевидно, что Н.Саркози не удалось добиться от ЕС поддержки его политики

* Когда в июле 2008 года в Париже с большой помпой было объявлено о создании Союза для Средиземноморья, Ливия стала единственным (из 43 стран – участниц СДС) государством, отказавшимся принять участие в проекте Саркози.

в регионе Средиземноморья. Точки зрения отдельных членов Евросоюза по вопросу о применении силы в Ливии расходятся. Осудив ливийского диктатора, Брюссель вместе с тем не поддержал военный «поход против Каддафи». Германия воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН за резолюцию 1973.

Именно в Европе появилось такое понятие, как «мягкая сила», успешно служившая ЕС для продвижения европейских интересов на международной арене. Принципы «мягкой силы» были заложены в Европейскую политику соседства, важным элементом которой стал проект «Союз для Средиземноморья». Именно «мягкий» характер воздействия остается главным условием успеха этой политики по отдельным направлениям. Один из ключевых «игроков» ЕС – Париж вознамерился «дополнить» эту политику «жесткой» силой, что может решающим образом изменить саму ее суть и повлечь за собой непредсказуемые последствия – не усилить, а, наоборот, ослабить внешнеполитический инструментарий Евросоюза.

Во-вторых, вступая в конфликт, руководители коалиции недооценили военные возможности режима М. Каддафи. Война затягивалась, и это осложняло ситуацию. В случае победы над Каддафи было неясно, как будут складываться взаимоотношения стран коалиции с ливийской оппозицией. Многие политологи подчеркивали, что военные операции против лидера Джамахирии были начаты без четкого понимания, кого на самом деле поддерживает объединенная оппозиция, и каких взглядов придерживаются руководители оппозиционных сил. Еще сложнее было предвидеть, как эти силы могут повести себя, придя к власти. Сигналы, поступавшие из Бенгази, говорили о том, что на данном этапе основной идеей, объединявшей восставших, являлось стремление прогнать Каддафи и захватить власть. Пестрый и разношерстный состав оппозиции – своеобразного «объединения против» – не позволял дать четкого ответа, за что

она выступала. Декларируемая приверженность представителей ливийской оппозиции западным ценностям не выглядела чем-то глубоко осмысленным и укорененным.

В-третьих, Парижу пока не удалось решить проблему незаконной иммиграции, скорее наоборот, она обостряется день ото дня. Не были созданы единый арабский или единый африканский фронты против Каддафи под руководством Франции.

Таким образом, на позицию Франции по вопросу о кризисе в Ливии повлиял целый комплекс факторов. Это был как раз тот случай, когда экономические, внутривосточные и внешнеполитические факторы сошлись вместе и не только не противоречили друг другу, а, наоборот, подталкивали Париж к однозначным и на первый взгляд простым решениям. Вместе с тем эту политику пока сложно квалифицировать как долгосрочный тренд.

По-видимому, решение внутривосточных и экономических проблем Франции мало зависело от ее действий в Ливии и лежало в иной плоскости. Последнее развитие событий показало, что воинственная позиция Парижа по отношению к режиму Каддафи и бомбардировки Ливии могли не облегчить, а, наоборот, осложнить реализацию многих долгосрочных французских внешнеполитических целей.* Тем не менее, Париж добился своего: в конце концов Каддафи был свергнут (не без помощи спецназа стран НАТО), бежал, схвачен и был убит.

* Однако во второй половине июля в позиции Франции наметились подвижки. Министр обороны этой страны признал бесперспективность инициированной Парижем военной операции и заявил, что противоборствующим сторонам необходимо искать решение конфликта за столом переговоров. Было заявлено, что Франция готова рассматривать вариант, при котором «Каддафи останется в Ливии, в другом крыле своего дворца, в другом качестве».

Париж поддерживал повстанцев в обмен на условие, что новое переходное правительство подпишет с Францией ряд контрактов. Речь идет о контрактах на поставку истребителей Рафаль, а также о контрактах нефтегазовой компании Тоталь.

Позиция России

Во время противостояния сторон в Египте Москва соблюдала нейтралитет. Отношения с режимом Мубарака строились на равноправной, взаимовыгодной основе, что отразил подписанный в июне 2009 года Договор о стратегическом партнерстве. Египет заинтересован в экономическом сотрудничестве с Россией, в первую очередь в области туризма, в ее активном участии в поисках ближневосточного урегулирования.*

Будущее российско-египетских отношений обсуждалось во время визита в Каир 20–21 марта 2011 г. министра иностранных дел Сергея Лаврова. Выразив поддержку новому руководству Египта, он заявил после переговоров со своим египетским коллегой Набилем аль-Араби, что все планы двустороннего торгово-экономического сотрудничества остаются в силе.

В связи с событиями в Ливии в российских политических кругах (и по-видимому, в высшем руководстве страны) мнения разделились. Часть экспертов посчитала, что России при голосовании следовало применить право «вето», а другая часть заявляла, что, исходя из национальных интересов, было принято правильное решение воздержаться от голосования в СБ ООН по резолюции 1973. 21 марта Президент России был вынужден разъяснить: «Мы пошли на это осознанно, таковы были мои инструкции Министерству иностранных дел». При этом Премьер-министр В. Путин занимал более критичную позицию в отношении интервенции Запада в ливийские события.

Однако вслед за этим последовали события, которые повлияли на изменение позиции России. После заявления глав внешнеполитических ведомств Франции, Англии и США со стороны России последовал ряд официальных заявлений.

* См.: Касаев Э. *Арабский вектор российской политики последних лет* // *Вестник аналитики (ИСОА)*. 2011. № 1. С. 54-58.

Вначале официальный представитель МИД РФ, а потом и сам Сергей Лавров заявили, что резолюция 1973 была «принята поспешно», а «расширительное толкование» ее текста западными странами – и в особенности неоправданные размеры вооруженного вмешательства в ливийские дела – неприемлемо. В виде разъяснения новой позиции российская дипломатия выдвинула два аргумента. Во-первых, разрешения на бомбардировку ливийской территории в тексте резолюции 1973 не содержалось. А во-вторых, было констатировано, что в Ливии идет гражданская война. В этой ситуации, осуществляя массированную бомбардировку ливийских правительственных войск, коалиция западных государств де-факто встала на сторону только одной из противоборствующих в Ливии сил, что противоречит международному праву.

25 марта синхронно с позицией МИД РФ обозначил свою позицию и Китай. Постоянный представитель КНР при ООН Ли Баодун заявил, что Китай выступает «за уважение суверенитета, независимости, единства и территориальной целостности Ливии», за то, что «государственные дела и будущее Ливии должны быть решены самим ливийским народом». 5 апреля 2011 года Россия и КНР выступили с совместным заявлением. На сайте МИД РФ в этот день появилось сообщение о том, что в Москве на встрече заместителя министра иностранных дел РФ Александра Салтанова и посла КНР в России Ли Хуэйя была выражена «серьезная обеспокоенность» в связи с продолжающимися в Ливии боевыми действиями, ведущими к гибели мирных граждан, и подчеркнута «настоятельная необходимость незамедлительного прекращения огня и кровопролития».

Расширенное толкование резолюции 1973 и последовавшие вслед за этим действия коалиции западных государств поднимают вопрос не столько о Ливии и происходящих на ее территории событиях, сколько о проблеме адекватности роли

ООН реальной ситуации в сфере изменяющейся международной обстановки.

В мае 2011 г. Москва сделала шаг в сторону признания растущего влияния Бенгази, ставшего оплотом оппозиции полковнику Муаммару Каддафи. После саммита Б-8 в Довиле официально посредниками вокруг ливийского кризиса пока выступают Африканский союз и Россия, объявившая о своей миротворческой миссии. Тогда президенты США Барак Обама и Франции Никола Саркози попросили российского лидера Дмитрия Медведева посодействовать в урегулировании зашедшего в тупик противостояния, поскольку Москва сохранила отношения и с Триполи, и с Бенгази. Спецпредставитель президента РФ М.Маргелов провел в Ливии несколько встреч с руководителями противоборствующих сторон (кроме самого Муамара Каддафи) и даже подыскал место для будущих мирных переговоров на тунисском острове Джерба, после чего объявил о прорыве в урегулировании. Однако официальные переговоры между Бенгази и Триполи на этой стадии не начались.

По мнению многих российских и западных экспертов, в ливийской ситуации коалиция западных стран сама себя загнала в правовую ловушку. Париж, Вашингтон и Лондон громогласно заявили, что Каддафи должен быть устранен с должности лидера Ливийской Джамахирии, объявлен международным преступником, а между тем никаких правовых оснований к этому предъявлено не было. Что бы ни говорили в оправдание своих военных действий руководители западных держав, никто из них не опровергал того факта, что М. Каддафи являлся легитимным главой государства. Поэтому Западу пришлось давать задний ход и начать уговаривать Каддафи добровольно покинуть Ливию. Но ловушка, в которую они себя загнали, продолжает диктовать им ту логику поведения, которую они добровольно выбрали.

Тем не менее, Москва, оказывая дипломатическую поддержку Западу в Ливии, руководствовалась стремлением помочь ему «сохранить лицо».

Реакция Израиля

После событий в Египте израильское руководство было обеспокоено и на всякий случай начало перебрасывать войска с северной границы на южную. В первые дни выступлений на Тахрире, когда их исход был неясен, израильтяне чувствовали себя очень неуютно.

Надо учитывать, что некоторые арабские лидеры, именно потому что им не хватало легитимности, поддерживали ненависть населения к Израилю, тайно с ним сотрудничая. Если бы Израиль мог договориться с палестинцами, то обнаружил бы в демократизирующемся арабском мире своих партнеров. Но, к сожалению, израильское крайне правое руководство идет своим путем, углубляя ненависть к себе палестинцев, откусывая кусок за куском их территорию.

Перед лицом народных восстаний США и их западные союзники, а также Израиль оказались в замешательстве. Как премьер-министр Израиля Натаньяху, так и некоторые арабские правители напрямую звонили президенту США Обаме, требуя оказать поддержку Мубараку. Из Вашингтона на первом этапе поступали противоречивые заявления.

После начала революции в арабском мире Израиль столкнулся со следующими вопросами: будут ли соблюдать и в какой степени мирные договоры с Израилем Египет и Иордания; не потребует ли новое правительство Египта в какой-то степени пересмотра договора; сохранят ли новые власти Египта эту блокаду Палестины.*

* См.: Карасова Т.А. Израиль и арабские революции // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 6. С. 17-22.

Опасения Израиля насчет того, что в результате массовых выступлений мирный договор может оказаться под угрозой, ослабли, когда в одном из своих первых коммюнике Высший совет вооруженных сил заявил, что намерен соблюдать все международные обязательства Египта.

В связи с событиями в Сирии израильские официальные лица говорили, что Асад устал быть на содержании у Ирана и дал принципиальное согласие на заключение с Израилем мирного договора. Сторонам нужно лишь согласовать статус Голанских высот, соответствующие переговоры уже идут. Свержение режима Асада и приход к власти «народных лидеров» снова превратит Сирию в ярого противника Израиля.

Следует отметить неосторожные высказывания министра иностранных дел Израиля Авигдора Либермана. Так, 24 марта он заявил, что в отношениях с Сирией и Ираном Западу следует использовать те же принципы и методы, что и в случае с Ливией. По словам Либермана, Тегеран и Дамаск представляют для мира более серьезную опасность, нежели Триполи.

Среди новых политических лидеров Египта сильны антиизраильские настроения. Так, видный либеральный деятель и один из кандидатов на пост президента Айман Нур (он уже выставлял свою кандидатуру в 2005 г. и занял второе, после Мубарака, место) заявил 12 февраля по каирскому радио: «С Кэмп-Дэвидом покончено. Египет должен, как минимум, добиться изменения его условий». Критикой политики Израиля завоевал популярность в арабском мире Амр Муса. Что касается двусторонних отношений, то тут давно уже главный объект неприязни – поставки египетского газа Израилю. Еще пару лет назад в печать просочились сведения о том, что эти поставки осуществляются по «специальным» ценам.

Речь Обамы в госдепе 19 мая 2011 г. вызвала самую настоящую дипломатическую сенсацию, поставив американо-израильские отношения на очень опасную грань. Самым не-

обычным в выступлении Обамы перед работниками Госдепа явился момент, касающийся окончательного урегулирования затяжного палестино-израильского конфликта. В частности, он заявил, что США выступают за провозглашение палестинского государства и поддерживают установление границ между Израилем и Палестиной по линии, существующей до войны 1967 года. Фактически, нынешний хозяин Белого дома стал едва ли не первым президентом США, кто публично поднял этот вопрос с высокой трибуны.

Безусловно, для Тель-Авива заявление Обамы в части, касающейся окончательного палестино-израильского размежевания, выглядело очень неожиданно. Фактически американский президент предложил Израилю отдать оставшиеся территории, которые он получил в результате Шестидневной войны в июне 1967 года и оказался доминирующей военной силой региона. Но больше всего и палестинцев и израильтян беспокоит тот факт, что Обама предлагает оставить на потом решение двух самых сложных и острых вопросов, имеющих принципиальное значение для двух государств, – это статус Иерусалима и будущее палестинских беженцев. По этому поводу американский президент не выдвинул никаких инициатив, поставив их решение в зависимость от мирного палестино-израильского процесса.

Израиль пока выжидает и готовится к войне, дистанцируясь от происходящих в регионе событий, чтобы не провоцировать конфликт.* Руководство страны осознает, что ситуация с безопасностью в случае ослабления режимов в Каире и Аммане, поддерживающих с Иерусалимом дипломатические отношения, вернется к временам, которые предшествовали Шестидневной войне. Любая эволюция власти в Египте и Иордании возможна

* События на Голанских высотах, в ходе которых Израиль дал жесткий отпор сирийцам, показали, что Израиль готов к решительным действиям.

только за счет охлаждения отношений с Израилем, поскольку на протяжении десятилетий главным требованием «арабской улицы» в этих странах был разрыв дипломатических и экономических отношений с еврейским государством. Этот лозунг используют все организованные оппозиционные группы, от «Братьев-мусульман» до профсоюзов и светских либералов.*

Роль Ирана

Иран наряду с Турцией, является ведущим военно-политическим игроком современного исламского мира, успешно соперничающим за влияние с такими его традиционными лидерами, как Египет, Саудовская Аравия и Марокко. При этом непосредственную опасность Исламская Республика Иран (ИРИ) представляет исключительно для своих соседей по Персидскому заливу и Израиля, который официальный Тегеран последовательно обещает уничтожить.

Иран является единственным мусульманским государством, в котором распространение исламской революции является внешнеполитической доктриной. Исламские принципы пронизывают всю внутреннюю политику государства и социально-экономическую жизнь иранского общества. Однако в последние полтора десятилетия внешняя политика ИРИ испытала трансформацию в сторону роста иранского (шиитского) национализма и прагматизма на международной арене. Ислам все еще остается важным элементом внешнеполитической риторики Тегерана, но на практике иранское руководство действует, исходя из национальных интересов своей страны, прибегая в то же время к манипулированию исламским фактором, особенно на Ближнем Востоке.

* См. также: Эпштейн А. Когда «сбываются» мечты: Израиль на другом «новом Ближнем Востоке» // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 83-94.

В целом, Иран намерен играть и уже фактически играет роль крупной и влиятельной региональной державы. В мировой политике последнего десятилетия основным фактором международного положения Ирана является его атомная программа.

Особое беспокойство у иранских руководителей вызывают вопросы ближневосточного урегулирования, дестабилизации положения в регионе, а также в Ираке, Афганистане, Персидском заливе, где находятся американские военные силы. Приход к власти новой администрации в США может изменить политическую обстановку на Ближнем Востоке, однако ей вряд ли удастся без определенной поддержки Ирана осуществить вывод своих войск из Ирака и Афганистана. Поэтому в ближайшем будущем вполне возможно налаживание ирано-американских отношений.

Для Ирана и с логистической, и с военно-политической точки зрения важно закрепиться в секторе Газа. Израильские политики уверены, что Тегеран стремится превратить Газу в иранский порт в Средиземноморье. Тем не менее, Ирану удалось (хотя и ненадолго) переключить внимание арабских стран со своей ядерной программы, а также с освоения Ираном частей арабского мира – на Турцию.

Важным фактором международных отношений и внешней политики ИРИ является ядерная программа Тегерана. Основной вопрос состоит в том, действительно ли Иран стремится овладеть ядерным оружием. В этом случае неизбежен широко-масштабный конфликт США (возможно, с участием Израиля и некоторых членов НАТО) с Ираном. Атомная программы ИРИ вызывает серьезное беспокойство со стороны ряда арабских государств, прежде всего Саудовской Аравии и других монархий Персидского залива.

В начале мая 2010 г. в Персидском заливе проводились крупные военные маневры. Как известно (и это подтверждают

западные военные эксперты), Иран, которому принадлежит северный берег Ормузского пролива, в состоянии блокировать эти ворота в Персидский залив, где сосредоточено 40 % транспортных артерий всего мирового нефтяного экспорта. Вашингтон в таком случае, безусловно, попытается снять блокаду с пролива, используя размещенный в этом районе 7-й американский флот. Но тогда операция наверняка выйдет за рамки воздушных бомбардировок.

У Ирана есть и другие возможности ответных действий. Уже довольно давно Тегеран последовательно активизирует свою роль посредника в Ираке. Цель этих действий – ускорить вывод американских войск из прилегающих к Ирану районов. После мартовских выборов в Ираке Тегеран играет там роль посредника во внутреннем политическом торге по формированию коалиционного правительства. Но от него можно ожидать и прямо противоположных действий, направленных на то, чтобы американцы увязли еще больше. То же происходит и в другом граничащем с Ираном государстве – Афганистане.

События в арабском мире зимой и весной 2011 г. заставили вновь обратить внимание на происходящее в Исламской Республике Иран (ИРИ). Беспорядки, которые произошли в ряде иранских городов на волне энтузиазма по поводу «арабской весны», а также серия скандалов, связанных с острой борьбой внутри иранской элиты, создают впечатление, что страна действительно стоит на пороге неожиданных изменений.

Происходящее в Иране не связано напрямую с «арабским пробуждением» и имеет свою логику, однако события в исламской республике интересным образом вписываются в общую тенденцию, которую знаменуют потрясения в Северной Африке и на Ближнем Востоке. На начальном этапе «революций» многие опасались стремительной исламизации протестов, того, что народное недовольство возглавят радикальные исламские группы, которые постараются реализовать в арабских

странах нечто подобное иранской модели эпохи Хомейни. Однако довольно быстро выяснилось, что протесты направлены на другое – доминирует скорее националистическая повестка, требования обновления национальных государств, преодоления авторитарной стагнации и придания динамики развитию.

В феврале 2011 г. лидеры иранской оппозиции Мирхосейн Мусави и Мехди Карруби распространили заявление о проведении митинга в поддержку падения режимов в Тунисе и Египте. Но власти отклонили запрос и усилили меры безопасности в крупных населенных пунктах. Самих Мусави и Карруби посадили под домашний арест. Но их сторонники вышли на улицы Тегерана, Исфахана, Шираза, Мешхеда и Решта. По подсчетам оппозиционеров, в акциях приняло участие до 30 тысяч человек – это была самая крупная акция протеста со времен демонстраций «Зеленого движения» после президентских выборов 2009 года.

По мнению западных наблюдателей, хотя в результате этих событий в Иране могут ожидать более уверенную и независимую политику ведущих арабских государств, она не примет агрессивно антиамериканскую и антиизраильскую форму. То есть речь пойдет о переформатировании партнерства с США, а не об отказе от него. Более того, новый политический дух в ряде арабских государств способен нейтрализовать привлекательность радикальных идей иранской исламской революции, призывающих к установлению социальной справедливости и отношений равноправия между всеми странами. Все это может оказать влияние и на Иран, стимулировав процесс переосмысления исламской государственности и переноса акцента с религиозного на националистический компонент.

Суть иранской внешней политики состоит в стремлении к формированию многополярного мирового порядка под эгидой ООН с Ираном и другими мусульманскими странами в качестве одного из таких полюсов. В то же время Тегеран избегает

прямых конфликтов с противниками, предпочитая «войны по доверенности», которые ведут его сателлиты.

К началу 2011 года элиты многих арабских стран так или иначе согласились присоединиться к антииранской коалиции, которую составили США, их европейские союзники и Израиль. Вашингтону удалось склонить на свою сторону даже Россию и Китай, а монархии Персидского залива неоднократно давали понять, что готовы предоставить свое воздушное пространство не только для самолетов западной коалиции, но и Израилю. Единственным элементом из всей стройной системы, чье поведение оставалось непредсказуемым, это была так называемая «арабская улица». США и их ближневосточные союзники не могли точно прогнозировать, как в целом отреагирует население Ближнего Востока на возможный конфликт с Ираном.

Одна реакция уже известна: Саудовская Аравия обзаведется ядерным оружием, если таковое появится у Ирана. Это предупреждение, по информации британской печати, сделал Западу в июле 2011 г. принц Турки аль-Фейсал, который считается претендентом на пост министра иностранных дел. Аль-Фейсал дал понять высокопоставленным военным собеседникам из Североатлантического альянса, что в случае получения Ираном атомной бомбы в регионе может вспыхнуть ядерный конфликт.

На фоне революционных потрясений в Ближневосточном регионе Вашингтону будет легче оказывать давление на иранский режим, помогая его внутренним противникам из числа разнообразной оппозиции.

Влияние Турции

В политике турецкого правительства регионы Ближнего Востока и Северной Африки играют большую роль. Выступления в арабских странах бросили вызов внешней политике

Турции, которая базируется на концепции «нулевых проблем с соседями». Самой важной задачей для Турции является определение ее роли в «новом арабском мире» в качестве умеренной региональной силы. Более того, Анкара стоит перед лицом рисков и дилемм в окружении нестабильного соседства, которое простирается от Ближнего Востока до Средиземноморья. Таким образом, «арабская весна» принуждает Турцию пересмотреть свою внешнюю политику, для того чтобы правильно ориентироваться в новом геополитическом региональном мире.

В последние годы Турция проводит более дружественный политический курс по отношению к странам Ближнего Востока, укрепляя связи с Сирией, Ираном и Ливией. Позиция турецкого правительства, сформированная на основе доктрины «нулевых проблем с соседями», определяет часто независимый от Соединенных Штатов и враждебный к Израилю внешнеполитический курс страны. Анкара нацелена на построение тесных отношений с арабскими лидерами мусульманских государств. По мнению А. Давутоглу, Турция должна главным образом ориентироваться на Балканы, Ближний Восток и Центральную Азию – регионы с общей культурой и историческими связями. Став естественной наследницей Оттоманской империи, она могла бы играть стратегическую роль в качестве мусульманской региональной силы. Основные цели доктрины внешней политики А. Давутоглу можно было бы суммировать следующим образом: перемены в мире после окончания холодной войны в самой Турции; Турция находится в центре нового мирового порядка; Турция занимает уникальное стратегическое положение, поскольку она расположена в нескольких географических регионах и бассейнах морей; региональные кризисы могли бы создавать предварительные условия для эффективной турецкой дипломатии; демократия как величайшее достижение Турции.

После прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. Турция добилась значительных успехов в укреплении статуса региональной державы. После относительной пассивности в регионе Ближнего Востока Анкара начала проявлять себя здесь как важный дипломатический актор. На внешнеполитическом фронте Турция активно развивает конструктивные отношения с большинством арабских стран, среди которых Египет, Сирия, Иордания, Кувейт, Тунис, Марокко, Ливия, Оман, Катар и Бахрейн. Турецкий президент А.Гюль, премьер-министр Р.Эрдоган и министры его кабинета часто посещают арабские страны с целью укрепления политических и экономических отношений.

Турецкое руководство, взяв курс на построение «новой Османской империи», опередило события, приступив к постепенной исламизации политической и общественной жизни в стране. Оттесняя армию от власти под лозунгами демократии и борьбы с коррупцией, правящая партия провела необходимые конституционные изменения парламентским путем, подавив в зародыше очередную военный путч. Экономические успехи Турции позволяют ей действовать без оглядки на Европейский союз и Соединенные Штаты. А участие в НАТО в качестве второй по мощи армии этого блока дает свободу маневра, в том числе в иракском Курдистане и в отношениях с Израилем, значительно охладившихся после инцидента в 2010 г. с «Флотилией свободы».

При этом страна расколота по национальному признаку (курдский вопрос по-прежнему актуален), светская оппозиция правящей Партии справедливости и развития сильна, а в руководстве армии продолжается брожение. Однако, какие бы факторы (или их сочетание) ни спровоцировали антиправительственные волнения, триумvirат премьера, президента и министра иностранных дел сохраняет достаточный ресурс для реализации планов экономической и дипломатической

экспансии в Африке, исламском мире и Восточной Европе. Турция с большим основанием, чем Иран, претендует на статус региональной сверхдержавы, имея для этого необходимый потенциал, не отягощенный, в отличие от ИРИ, внешними конфликтами.

2011-й год в этом плане начался достаточно активно. Сразу же после окончания конференции послов, которая проходила 3 – 9 января в Анкаре, президент Турции посетил Йемен, а премьер-министр – Кувейт и Катар. В официальные делегации входили представители деловых кругов Турции. Визиты турецких лидеров вызвали большой интерес не только в регионе, но и за его пределами. Особое внимание привлекли весьма резкие высказывания первых лиц государства и инициированные ими проекты. Среди них самый большой резонанс вызвали предложения Турции в связи с ядерной программой Ирана и обострение отношений с Израилем из-за блокады сектора Газа.

Международный интерес, вызванный этими визитами, подогревается и тезисом «мудрой страны», выдвинутым министром иностранных дел Турции Ахметом Давутоглу (этот термин впервые прозвучал в его выступлении на январской конференции послов), который подразумевает «более активные и ориентированные на результат шаги» Турции, направленные на упрочение двусторонних отношений в регионе.

В первые дни событий в Анкаре господствовали «политика молчания» и подход «поживем-увидим». Изначальные заявления Р. Эрдогана и министра иностранных дел А. Давутоглу были направлены на необходимость развития демократии в регионе, а это означало, что Турция заняла нейтральную позицию, исходя из принципа невмешательства во внутренние дела государства.

После того, как сопротивление египетского народа на центральной площади ат-Тахрир в Каире усилилось, премьер-министр Эрдоган во время визита в Киргизию (в начале февраля)

сделал заявление, подчеркнув, что необходимо прислушаться к голосу египетского народа, а победить должна демократия. Он не сказал, что Мубарак и его команда должны уйти, как того хотели протестующие, но и не стал защищать режим Мубарака. Как отметил министр иностранных дел А.Давутоглу, в Египте или в любой другой стране нельзя допустить краха государственного порядка.

В начале событий позицию Анкары в отношении Египта можно было охарактеризовать как проведение «реформ в условиях стабильности». Среди этих реформ, считали в Анкаре, следующие: президент Мубарак достойным образом покинет свой пост; в стране будет создано временное правительство, в котором представлены все слои народа; будет разработана новая Конституция; в сентябре 2011 г., по истечении срока президентства Мубарака, состоятся выборы; а далее – начнется процесс развития демократического общества и проведения кардинальных реформ с целью разрешения социально-экономических проблем.

Египет после Мубарака создает большие проблемы для внешней политики Турции, которая намерена играть важную роль на обновленном Ближнем Востоке. Когда в Египте начались народные выступления против режима Хосни Мубарака, Турция первоначально воздерживалась от выступлений в ожидании реакции мировой общественности. И только тогда, когда американский Президент Барак Обама уже был готов призвать Мубарака уйти в отставку, Эрдоган обратился к Мубараку, чтобы тот сложил свои полномочия. Турция и Египет при правлении Мубарака были двумя антагонистическими региональными державами, стремящимися к завоеванию влияния на Ближнем Востоке. Мубарака настораживала популярность Эрдогана среди арабского населения, его резкая критика в адрес израильской политики и возрастание роли Турции в качестве умеренной силы.

Падение Мубарака создало новые дипломатические возможности для Анкары на новой политической арене Египта. Однако всё это не означало, что Анкара полностью оказалась вне происходящих событий. Турецкие лидеры, учитывая риск негативного отражения событий в собственной стране, косвенными путями прилагали усилия в целях осуществления «реформ в атмосфере стабильности» в странах Ближнего Востока, охваченных волнениями. По данному поводу премьер-министр Эрдоган несколько раз беседовал с президентом США Б. Обамой, а министр иностранных дел А. Давутоглу провел с Х. Клинтон переговоры по телефону и встречу в формате «один на один». С другой стороны, египетские «Братья-мусульмане» были в постоянном взаимодействии со своими сторонниками в Турции.

Вскоре после отставки президента Х. Мубарака и перехода власти к Высшему совету вооруженных сил (ВСВС) президент Турции А. Гюль 3 марта посетил Каир с однодневным рабочим визитом. Согласно заявлению Гюля, цель визита заключалась в том, чтобы выразить поддержку народу Египта, вступившему в новый этап своей истории. Таким образом, президент Турции продемонстрировал солидарность с египетским народом и выразил поддержку Высшему совету вооруженных сил. Самой важной стороной визита была встреча АГюля с председателем ВСВС Египта М. Х. Тантауи и лидерами главных оппозиционных групп.

Турция затеяла хитрую коммуникационную игру во время гражданской войны в Ливии с целью достижения геостратегических дивидендов в Средиземноморье. Премьер-министр Эрдоган резко отреагировал на введение зон, запрещающих полеты самолетов для защиты повстанцев, сражающихся против армии полковника Муаммара Каддафи. В конце концов Анкара дала свое согласие в обмен на контроль над морской территорией между островом Крит и Ливией и южной частью исключительно

экономической зоны (ИЭЗ) Греции. Главной целью Анкары является участие в нефтяном секторе Ливии после падения режима Каддафи и разработках запасов углеводородов в юго-восточной части Средиземного моря. Турции удается до сих пор контролировать прибрежную территорию (используя береговую охрану), которая выходит за пределы ее территориальных границ. Эта зона расположена южнее греческого острова Кастелоризо и доходит до ливийских территориальных вод.

После того, как Ливия оказалась перед угрозой хаоса и раздела, премьер-министр Турции Р.Эрдоган подчеркнул, что Турция не может оставаться безучастной в отношении народных движений в арабских странах, и обвинил при этом Запад в том, что он демонстрирует свое безучастие, отдавая предпочтение «нефти и рынкам». С другой стороны, он выступил против «внешней» интервенции в Ливию. Р. Эрдоган в телефонном разговоре с М. Каддафи и его сыном пытался давать им советы, но не получил никаких результатов.

Турция выразила поддержку резолюции СБ ООН и призвала к прекращению насилия против мирных жителей. Но в целом Турция заняла колеблющуюся позицию. Выступая против иностранной интервенции, Анкара поддержала резолюцию СБ ООН. Но поскольку в глазах мирового общественного мнения Турция рассматривается как сторонница Каддафи, она не была приглашена на парижский саммит, хотя, как правило, она приглашалась на различные встречи ЕС.

В дальнейшем Турция заняла достаточно рискованную, но изменившуюся и при этом конкретную позицию. Турция против использования в Ливии оружия; Турция выступает за прекращение военной интервенции в регионе; Турция против возможной оккупационной операции; в рамках НАТО Турция готова участвовать в оказании гуманитарной помощи. Подобная позиция, не удовлетворит ни западную коалицию, ни поможет сыграть сколько-либо влиятельную роль в ливийской войне.

До кризиса Турция активно поддерживала тесные взаимоотношения с режимом Каддафи. Десятки тысяч турецких рабочих проживали в Ливии, миллиарды долларов инвестировались турецкими компаниями в ливийскую экономику. Исламская правящая Партия справедливости и развития первоначально поддерживала Каддафи, поскольку падение его режима нанесло бы вред национальным интересам Турции. Позднее правительство Анкары, следуя политике Запада, направленной против Ливии, полностью поменяло свой политический курс. Анкара решила отречься от Каддафи и привести свою политику в отношении Ливии в соответствие с новым мировым порядком.

Анкара дала согласие на передачу НАТО командования зонами и контроля над ними, где были запрещены полеты самолетов, и послала свои корабли для патрулирования ливийских территориальных вод с целью обеспечения эмбарго ООН на поставку оружия Ливии. Премьер-министр Эрдоган дал ясно понять Муаммару Каддафи, чтобы тот покинул свой пост.

Наиболее критичной арабской страной для Анкары является Сирия, которая также стала ареной кровавых событий. Выступления против режима сирийского Президента Башара аль-Асада создают значительные проблемы для внешней политики Турции. Первоначально Анкара пыталась убедить аль-Асада провести радикальные реформы, но насильственные подавления демонстраций изменили позицию Турции. Турецкий премьер-министр Эрдоган подверг критике аль-Асада, обвиняя его в кардинальном пересмотре своей политики по отношению к Анкаре. Турция внимательно следила за ситуацией в Сирии. Премьер-министр Р. Эрдоган провел телефонные переговоры с Б.Асадом, министр иностранных дел А. Давутоглу по дипломатическим каналам и через СМИ выразил необходимость проведения в Сирии эффективных реформ для мирного преобразования страны. Поездка главы

турецкой нацразведки в Дамаск получила освещение в СМИ.

Для Турции очень важно как проведение реформ в Сирии, так и сохранение стабильности, т.е. сохранение правления Б. Асада. В противном случае: 1) могут быть подорваны двусторонние отношения, развивавшиеся за последние годы; 2) нарушение стабильности в Сирии приведет региональный баланс в полный беспорядок; 3) может всколыхнуть сепаратистские чувства курдов на Севере страны.

Турецкие эксперты были уверены, что если Асад избавится от паранойи старой команды и прислушается к советам Анкары, он укрепит свои позиции. И премьер-министр Эрдоган желает ему удачи». Глава МИД Турции А. Давутоглу 6 апреля 2011 г. совершил визит в Дамаск, где встречался с президентом Сирии Б. Асадом и министром иностранных дел В. Муаллимом. На встречах А. Давутоглу, напомнил, что для Турции Сирия является ключевой страной на Ближнем Востоке.

Перед визитом в Сирию А. Давутоглу посетил Бахрейн, где встречался с премьер-министром принцем Халифой бен Салманом, министром иностранных дел шейхом Халидом бен Ахмедом и представителями оппозиции. В ходе переговоров были обсуждены последние события на Ближнем Востоке и в Бахрейне. В заявлении, сделанном после переговоров, А. Давутоглу указал: «Мы поддерживаем реформы в Бахрейне, которые сделают его более сильным. Мы против каких-либо религиозных разногласий здесь. Если религиозные разногласия становятся предметом политики, это порождает серьезные проблемы. Религия должна объединять, а не разделять людей. Мы придаем большое значение целостности, стабильности и процветанию Бахрейна».

Тем не менее, восстания в мусульманских странах меняют геополитическую платформу Ближнего Востока и Северной Африки, что не может не влиять на внешнюю политику Турции. Нестабильность в регионе и борьба мусульманского на-

селения за демократию и гражданские права также бросают вызов доктрине «нулевых проблем». Турецкая региональная и международная политика должна быть пересмотрена в силу кардинальных перемен в таких исламских государствах, как Ливия, Египет и Тунис. В связи с этим Анкара вынуждена по-новому взглянуть на свои старые и новые союзы и определиться с бывшими друзьями и врагами.

Египет может преподнести множество рисков и ловушек для турецкой внешней политики, если его голос станет в арабском мире решающим в урегулировании политических вопросов и проблем безопасности на Ближнем Востоке. В этом случае статус Турции как политического лидера региона будет принижен.

Гражданская война в Ливии предоставила возможность Турции в очередной раз выступить в роли посредника и закрепить мирное соглашение. Политика Турции базируется на двух ключевых факторах: во-первых, Турция является единственной мусульманской страной в НАТО и, во-вторых, поддерживает отношения со странами Африки и Ближнего Востока.

Нестабильность в Сирии имеет прямое воздействие на Турцию, которая становится уязвимой, а конфронтация между сирийским президентом и протестантами зашла в тупик, не давая видимых надежд на скорый выход из него. Политическая неустойчивость по ту сторону границы могла бы перекинуться и на Турцию. Тысячи сирийских беженцев бежали в Турцию, чтобы избежать продолжающегося силового подавления антиправительственных выступлений. Гуманитарный кризис мог бы осложнить ситуацию с потоком беженцев и заставить еще больше сирийских курдов пересечь турецко-сирийскую границу. В то же время Турция озабочена тем, что потенциальный раскол в Сирии может привести к курдскому восстанию. Тем не менее, выступления в Сирии несут в настоящее время угрозу Турции. Если протесты возрастут, а аль-Асад и далее

продолжит убивать демонстрантов, то правительственные институты Сирии смогут развалиться, что приведет к гражданской войне между суннитами и алавитами, составляющими меньшинство, и страна начнет погружаться в хаос.

И наконец, вопрос о «турецкой модели» для арабских стран и о том, может ли она стать образцом для демократических движений в арабских странах, активно обсуждается в дипломатических и академических кругах Турции и в прессе.

Волнения в арабском мире вскрыли давний дефицит демократии и потребность народа в радикальных переменах. Турецкий умеренный политический ислам изучается учеными в качестве модели для стран, проводящих реформы. Турецкая модель характеризуется двумя главными факторами: во-первых, перевернутой связью с исламом и его революционной интерпретацией и, во-вторых – особой связью с экономикой. В то же время политические движения и группы на Ближнем Востоке и в Северной Африке не имеют общего мнения относительно того, что представляет собой турецкая модель.

Авторитарная светская элита рассматривает Турцию как пример контролируемой модернизации под началом военных и интеграции исламских деятелей в политическую систему. Эта группа доказывает, что народы Ближнего Востока недостаточны зрелы, чтобы сразу признать демократию, и поэтому военные должны руководить переходным периодом.

Ведущие исламистские движения видят в Турции, где осуществляются перемены под руководством Партии справедливости и развития, пример демократического государства. Эта группа полагает, что ПСР пришла к власти в результате демократических выборов и сумела соединить успешное взаимодействие ислама с демократическим правлением, основанным на законе и экономическом развитии. Исламские движения относятся к Турции как к независимой и важной силе, учитывая ее критику Израиля.

Народные массы воодушевлены турецким умеренным исламом и хотят иметь схожую модель у себя в стране. По мнению некоторых аналитиков, турецкая модель имеет свои особые черты, которые не могут быть применимы к движениям и волнениям на улицах ближневосточных городов. Таким образом, Ближний Восток не может так легко скопировать турецкую модель из-за наличия многочисленных различий на историческом, политическом и социальном уровнях.

К действительно главным достижениям Турции можно отнести ее умение балансировать между авторитаризмом, милитаризмом, государственным централизмом, религиозным фундаментализмом и национализмом, от которых Турция страдала десятилетиями и которые до сих пор являются «чумой Ближнего Востока». В действительности Турция не может служить приемлемой моделью для многих мусульман, которые не в состоянии примирить псевдодемократические практики со своими ожиданиями от демократического режима. Ближний Восток не в состоянии легко адаптироваться к турецкой модели из-за различий в политической культуре и социальном опыте.*

Народные выступления в арабском мире подрывают турецкую политику «нулевых проблем» со своими соседями. Долгосрочные интересы Турции на Ближнем Востоке и в Северной Африке должны подстраиваться под нынешние региональные перемены и учитывать особенности каждой страны. Связи Турции с мусульманскими странами дают определенные преимущества внешней политике Анкары. Стабильность этого региона воспринимается турецкими политиками как необходимое условие для достижения геополитических устремлений. Волнения в Сирии несут прямую угрозу внутренним и между-

* Протопапас Дж. Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // *Международная жизнь* (МИД РФ). 2011. № 10.

народным интересам Турции. Для Анкары большую важность представляет урегулирование этого кризиса и устранение необходимости внешнего вмешательства в дела Сирии. Турция понимает, что раскол страны и начало гражданской войны несут угрозу ее территориальной целостности.

Позиция Китая

Уже в первую неделю с начала вооруженных столкновений в Ливии 27 китайских служебных и жилых зданий подверглись нападениям мятежников и были разграблены, у работников отбирали строительную технику и офисное оборудование, деньги. 15 китайских рабочих были серьезно ранены. В этих условиях Пекин принял срочные меры по эвакуации своих граждан. В ходе этой самой крупной и сложной операции с момента создания КНР в 1949 г. из Ливии были вывезены 35860 человек.*

Только в мае 2011 г. Китай стал проявлять активность в связи событиями в Ливии. Пекин впервые официально объявил о миротворческих амбициях: до этих пор китайцы ограничивались осуждением бомбардировок Ливии и призывами к переговорам, однако никогда не говорили о намерении способствовать этому процессу. В Пекин прибыл один из лидеров ливийских повстанцев Махмуд Джабриль. Китайская сторона принимала гостя на высоком уровне.

Дипломатические усилия Китая были связаны с желанием не потерять контракты в Ливии на сумму около 19 млрд. долл. Причем пока по уровню контактов с Триполи и Бенгази Пекин, не объявлявший себя посредником в ливийском конфликте, обходит остальные мировые державы, включая официально-

* Дейч Т.Л. Ливийский кризис в свете интересов России, Китая и Африки // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 6-13.

го посредника – Россию. Ближайшая задача Китая, как она была сформулирована официально, способствовать мирным переговорам.

Интерес Китая к переговорам объясняется, похоже, не столько миротворческими амбициями, сколько желанием избежать финансовых потерь. За последние годы Пекин вложил в полсотни проектов в Ливии 18,8 млрд. долл., в стране работают 13 крупнейших госкомпаний КНР. О масштабах китайского присутствия свидетельствует тот факт, что в первые дни конфликта Пекин эвакуировал из Ливии 35 тыс. своих граждан. Проекты с китайским участием распределены по всей территории страны. Например, единственный принадлежащий китайской КННК крупный проект в сфере добычи нефти – шельфовый блок 17-4 находится на западе, подконтрольном войскам Муамара Каддафи. А ряд инфраструктурных проектов с китайским участием расположены в восточной части Ливии, которую контролируют повстанцы. Именно поэтому Пекин начал активные переговоры с обеими сторонами. При этом китайцам явно есть что предложить: Муамару Каддафи они могут обещать поддержку в Совбезе ООН, а повстанцам — столь необходимые им финансы.

Пекин был на начальной стадии конфликта единственной мировой столицей, где побывали высокопоставленные функционеры и Бенгази, и Триполи. Не менее активно работают китайцы и в самой Ливии: они постоянно контактируют с властями в Триполи, а в мае несколько китайских дипломатов, работающих в Египте, побывали в Бенгази. Кроме того, посол КНР в Катаре Чжан Чжилян встречался в Дохе с главой национального переходного совета Мустафой Абдель-Джалилем.

Тем не менее, события в Ливии нанесли сильный удар по экономическим позициям КНР в этой стране. По статистике Министерства коммерции КНР, в страну инвестировали 75 китайских компаний (в т.ч. 13 государственных); реализо-

вывались 50 крупномасштабных проектов в сферах добычи нефти, железнодорожного и гражданского строительства, телекоммуникаций; были заняты почти 36 тыс. китайских рабочих. С началом вооруженных столкновений многие проекты были приостановлены. Государственная инженерно-строительная корпорация Китая заявила об угрозе срыва 20 строительных проектов, стоимостью 2,68 млрд. долл. (лишь половина проектов закончена), Корпорация железнодорожного строительства оставила незавершенными проекты стоимостью 4,24 млрд. долл. Государственная металлургическая компания также была вынуждена оставить незавершенными 2 проекта.

Следует заметить, что позиция, занятая Китаем при обсуждении резолюции СБ ООН 1973 (Китай вместе с Россией и Германией воздержался при голосовании), вольное толкование которой странами Запада способствовало эскалации насилия и привело к жертвам среди мирного населения, подверглась критике в Африке. С одной стороны, сторонники Каддафи выражали благодарность Китаю за то, что он не одобрил резолюцию. С другой стороны, они выражали сожаление по поводу того, что Китай не рискнул наложить вето на эту резолюцию, что помешало бы бомбардировкам Триполи силами НАТО.

Продолжавшиеся бомбардировки Триполи силами НАТО и рост числа жертв среди мирного населения побудили китайское руководство занять более решительную позицию в отношении действий Запада. Тем не менее, после очевидного крушения режима М.Каддафи Пекин (наряду с Москвой) пошел на официальное признание ПНС.

Руководство западных стран старательно не замечала негативной реакции на его действия Китая и России, что побуждало политологов высказывать мнение, что за борьбой НАТО с Каддафи стоит стремление США и их союзников вытеснить Китай и Россию из Средиземноморья.

Китайское руководство признало, что если 20 лет назад перемены в Африке мало отражались на Китае, сейчас ситуация изменилась. Китай стал крупным инвестором в страны Африки; по объему торговли с ними он опередил США. В силу растущей вовлеченности Китая в дела Африки события на континенте непосредственно затрагивают его интересы. Тем самым события в Ливии показали уязвимость позиции Китая. С одной стороны, они подтвердили наметившуюся в последние годы тенденцию поиска Китаем путей сотрудничества со странами Запада на Африканском континенте, сменившую период идеологического противоборства и взаимных нападок.

Официальная китайская позиция состоит в том, что соревнование между Китаем и Западом на международной арене является не столь серьезным, как о нем говорят, а китайско-европейская или китайско-американская конкуренция в некоторых регионах полностью отличается от той, которая имела место в прошлом между США, Европой и СССР.

События в Ливии и международное право

Народные революции и политические перевороты в странах Северной Африки и Ближнего Востока весной 2011 года, но в особенности события в Ливийской Арабской Джамахирии, привлекли активное внимание международной общественности к роли Организации Объединенных Наций в деле разрешения международных конфликтов. Центром дискуссий, в том числе и в Совете Безопасности ООН, стала проблема границ вмешательства мирового сообщества в политическую жизнь национальных государств, то есть проблема сохранения национального государственного суверенитета в современных международных условиях. Практически речь идет о судьбе принципов Вестфальской системы в отношениях между государствами.

Фактически, ливийские события оказали дезорганизующее воздействие на Организацию Объединенных Наций и в особенности на ее исполнительный орган – Совет Безопасности.*

Первыми по поводу «серьезных нарушений прав человека и международного гуманитарного права, которые совершались и совершаются в Ливийской Арабской Джамахирии», выступили такие мощные организации, как Лига арабских государств, Африканский союз и Организация Исламская конференция. 12 марта 2011 года Совет Лиги арабских государств принял решение обратиться в Совет Безопасности ООН с просьбой о введении бесполетной зоны для правительственной ливийской военной авиации, якобы уничтожающей мирное гражданское население страны.

Опираясь на этот документ, Франция выступила с инициативой рассмотрения ситуации в Ливии на заседании Совета Безопасности ООН, выставив требования о военном вмешательстве международного сообщества в ливийские события. Инициатива Франции была активно поддержана правительством США и Англии, у которых были свои собственные причины, толкавшие их на поддержку инициативы Парижа.

17 марта 2011 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1973 по Ливии. И хотя в преамбуле резолюции было подчеркнуто, что СБ ООН «вновь подтверждает свою твердую приверженность суверенитету, независимости, территориальной целостности и национальному единству Ливийской Арабской Джамахирии», а в пункте 4 резолюции было особо оговорено, что «при этом исключается возможность пребывания иностранных оккупационных сил в любой форме на любой части ливийской территории», пункты 6 и 8

* См.: Кузнечевский В. Казус Ливии и проблема государственного суверенитета // *Международная жизнь* (МИД РФ). 2011. № 5. С. 53-62. Скидельски Р. Парадоксы гуманитарной войны: ливийский случай и странности международного права // *Россия в глобальной политике* (Москва). 2011. Т.9. № 2.

уполномочивали «государства – члены ООН... принимать все необходимые меры для обеспечения соблюдения запрета на полеты в воздушном пространстве Ливийской Арабской Джамахирии, чтобы помочь защитить гражданское население».

Словосочетание «необходимые меры» в тексте резолюции не расшифровывалось, но коалиция западных государств истолковала эту двусмысленность как возможность вооруженного вмешательства во внутренние дела суверенной Ливийской Арабской Джамахирии, поставив свои вооруженные силы на сторону одной из противоборствующих вооруженных групп в гражданской войне в Ливии, чем фактически было нарушено международное право, базирующееся на принципах Вестфальской системы.

Новая резолюция установила «обязанность прекращения огня». При этом не было указано, кто должен прекратить огонь. По логике и нормам международного права, это требование должно быть обязательным для всех сторон. Однако, как выяснилось уже на следующий день, это требование относится только к войскам Каддафи, которые, по заявлению Барака Обамы, должны выйти из захваченных оппозицией городов. Дальнейшие тезисы выступления Обамы не оставляли сомнений в том, что США и ряд европейских государств решили оказать помощь одной из сторон внутреннего конфликта. И этой стороной являются повстанцы, поднявшие вооруженный мятеж против легитимной власти, которой с подачи СБ ООН было отказано в праве защищать себя и суверенитет страны.

Акцент был сделан на пункте 4, который предоставлял право «любым желающим государствам-членам» предпринять «все необходимые меры» для защиты гражданского населения. А поскольку в этом пункте имеет место отсылка, прямо говорящая о возможности игнорирования пункта 9 резолюции №1970, вводящего эмбарго на поставки вооружений в Ливию, не исключалось, что «любые желающие» могут применить

вооруженную силу, включая бомбардировки с воздуха. Другими словами, резолюция №1973 фактически «уполномочила» любое государство – члена ООН использовать против Ливии военную силу, если оно сочтет это необходимым.

Еще циничнее звучали 6-8-й пункты резолюции. Пункт 6 устанавливает запрет на воздушные полеты над территорией Ливии, пункт 7, делает исключение для полетов в «гуманитарных целях», а также в целях, обозначенных в пункте 4, и других полетов, «которые будут сочтены необходимыми для блага ливийского народа государствами, действующими в рамках полномочий, предоставленных в пункте 8». А пункт 8 разрешает всем государствам, кроме Ливии, «принимать все необходимые меры» для обеспечения запрета на полеты. Если перевести все это с дипломатического языка на обычный, то СБ ООН разрешает всем сбивать ливийские самолеты над собственной территорией Ливии, запрещая Ливии противодействовать этим действиям.

Логика резолюции в качестве пострадавшей стороны рассматривает не легитимную власть или большинство лояльного или нейтрально относящегося к конфликту населения, а вооруженных боевиков, действия которых с точки зрения внутреннего законодательства любого государства уголовно наказуемы. При этом ссылки на «эскалацию насилия», «пытки» и «массовые казни», инкриминируемые Каддафи, не убеждают, поскольку доказательства таковых отсутствуют.

Без всякого преувеличения можно констатировать, что это несанкционированное Советом Безопасности ООН вооруженное вмешательство в дела Ливии повергло в шок мировое общественное мнение. В ФРГ это привело к тому, что она отказалась участвовать в бомбардировках ливийской территории. К резолюции № 1973 есть обоснованные претензии. Де-факто западная коалиция встала на сторону повстанцев, которых, по сути, нельзя считать чисто гражданским населением – они были вооружены.

Россия и Китай, не решившиеся наложить вето на резолюцию СБ № 1973, пытались сделать шаг назад, чтобы сохранить популярность и поддержку в исламском мире. По мнению экспертов, в резолюции содержался ряд странных формулировок, даже с юридической точки зрения, и было понятно, что страны ЕС заранее решили, что будут действовать жестко.

Есть угроза, что после свержения Каддафи Ливия пойдет путем, с которого в Судане в конце концов удалось сойти – бесконечная племенная рознь, замешанная на деньгах, этнической неоднородности и религии. Если коалиция сумеет привести к власти в Триполи лояльное правительство, оно тут же погрузится в поиски мучительного компромисса по дележу нефти между племенами. А с востока грянет новое наступление, теперь уже подкрепленное силами «Аль-Каиды» и не гнушающееся откровенно террористическими методами. И тогда вмешиваться в ливийские дела извне придется вновь и вновь, а поток беженцев начнет захлестывать Европу.

Как отмечают наблюдатели, победа оппозиции стала в Ливии в конце лета 2011 г. возможной благодаря прямому иностранному военному вмешательству. Так, английские военные принимали участие в штурме Триполи, причем как ветераны Афганистана и Ирака, перешедшие в частные военные компании, так и кадровые спецназовцы, состоящие на действительной военной службе. Министр обороны Великобритании Лиам Фокс признал, что повстанцы получили доступ к разведанным британской разведки. Параллельно стало известно об участии в наземных операциях против Каддафи военнослужащих еще как минимум трех стран — Франции, Катара и Иордании.

Во время окончательной ликвидации базы М.Каддафи в разгроме его сил приняла участие французская авиация. Благодаря помощи сил НАТО бывший ливийский лидер был взят в плен и казнен отрядами переходного правительства.

Вмешательство стран Запада и НАТО в ливийский конфликт вызвало резко отрицательную реакцию в большинстве стран Африки. В откликах на события в Ливии говорилось, что речь может идти о стремлении участников военной акции разделить территорию страны, чтобы обеспечить себе доступ к обширным нефтяным ресурсам; причем в роли застрельщика этого курса выступили французские военные, политики и истеблишмент, не только первыми признавшие переходное правительство в Бенгази, но и настойчиво продолжавшие военные действия даже перед лицом оппозиции со стороны других членов НАТО, таких, как Германия, Греция, Испания, Турция.

Характер арабских революций и степень внешнего вмешательства

Ряд политологов, экспертов и наблюдателей разделяют точку зрения, что все происходящее в арабском мире, является частью крупномасштабной геополитической стратегии США и Запада, также именуемой теорией «управляемого хаоса». Суть ее сводится к следующему.*

В недавней волне революционных событий, прокатившихся по Северной Африке и успешно демонтировавших целый набор политических режимов, казавшихся ранее абсолютно стабильными и незыблемыми, обращает на себя внимание ряд особенностей.

Во-первых, все они развивались по одному и тому же сценарию, или «революционному» шаблону, очень похожему на сценарии «цветных революций».

* См.: Демиденко С., Штойк М. Ближний Восток в огне // Вестник аналитики (Москва). 2011. № 2. С. 30-37. Манойло А. «Финиковые революции»: стихия или «управляемый хаос»? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 5. С. 63-78.

Во-вторых, «революции» в различных государствах Северной Африки вспыхнули практически одновременно, что почти всегда исключает любой элемент случайности и предполагает высокий уровень координации (по времени) из зарубежного «революционного центра» либо факт проведения тщательно спланированной внешними силами специальной операции.

Несмотря на довольно распространенное мнение в отношении стран Магриба, утверждающее, что эти государства являются своеобразной калькой друг с друга, явное сходство между ними наблюдается только в формах политических режимов и времени пребывания их лидеров у власти. В остальном же (в уровне социальной напряженности, степени разрешения социальных проблем, уровне жизни и экономической стабильности) они довольно заметно различаются. Вот почему игра на общих проблемах социально-экономического характера не может стать причиной одновременного взрыва политической ситуации во всех указанных странах. Но ее вполне достаточно для маскировки истинных причин «финиковых революций» и объяснения происходящего (разумеется, в определенном свете) внешним наблюдателям – ООН, европейскому сообществу, оставшейся части арабского мира и др.

В-третьих, причиной «пожара», погрузившего в политический хаос самую стабильную и «европейскую» страну Тунис, стал совсем частный случай: самосожжение местного жителя. Тем не менее это сразу послужило сигналом для начала вооруженного мятежа, в считанные дни охватившего всю страну.

Вместе с тем организация мятежа практически невозможна без тщательной предварительной подготовки, вербовки боевиков и сплочения их в боевые группы, четкой системы координации, материального обеспечения и, самое главное, – аккумуляирования в зоне будущего конфликта значительных финансовых средств, предназначенных для подпитки «революционной борьбы». Последние невозможно доставить в зону

конфликта мгновенно и уж тем более, если мятеж уже начался. Без внешней финансовой поддержки ни одна из современных «революций» не имеет ни шанса против законной власти.

В-четвертых, «пламя революции» охватило государства Северной Африки по очереди, строго в определенном порядке, что также наводит на мысли: к примеру, в природе лесной или степной пожар распространяется круговой волной, захватывая все прилегающие территории, если, конечно, его никто специально не направляет в нужную сторону. Здесь же налицо явная избирательность: Тунис – Египет – Ливия – Сирия – Бахрейн – Йемен и т.д. При этом в стороне остались Алжир, Марокко и другие северо-африканские страны, имеющие сходные социальные проблемы и отличающиеся таким же «консерватизмом» политических режимов.

На языке специалистов по психологическим операциям и технологов «цветных революций» это явление называется «контролируемой цепной реакцией» и является обязательным элементом любой современной технологии «цветных революций». В этой технологии любые промежуточные результаты «революционного подъема народных масс» в одной стране становятся иницирующим поводом, запускающим маховик «революции» (или вооруженного мятежа) в последующей стране из заранее намеченного зарубежными «революционерами» (истинными авторами «революции») списка. При этом очередность следования «вспыхивающих» стран в контролируемой цепной реакции строго соблюдается: ведь иницирующий импульс пробуждает не гражданскую позицию общества, подавленную очередным авторитарным режимом, а «домашние заготовки» политтехнологов, готовивших эту «революцию» в течение долгого времени и внедрявших соответствующую идеологию в массовое сознание населения. А для каждой конкретной страны эти «заготовки» – свои.

Выдает в этих процессах технологию не только порядок, в котором вспыхивают страны, но и высокая скорость распространения такой цепной реакции: это возможно только при высокой степени внешней координации происходящих событий. Только в этом случае они в своей массе перестают быть отдельными случайными фрагментами мозаичной картины и приобретают характер сценария, в котором все эпизоды взаимосвязаны в рамках одного плана, имеющего вполне конкретные цели, задачи и последовательность их осуществления.

В-пятых, в «революциях» в Северной Африке и на Ближнем Востоке наблюдается еще один ключевой элемент технологии «цветных революций»: это механизм обратной связи, обязательно присутствующий в любой специальной операции. Суть его такова: первоначальный сценарий «революции» обкатывается на примере одной страны, затем корректируется (с помощью механизма обратной связи) и в виде очередной итерации запускается в отношении следующей по списку страны. Затем процедура коррекции повторяется снова. При этом соблюдение очередности в применении технологий «революций» к избранным странам обязательно – такой прием позволяет вовремя учитывать и исправлять ошибки в исходном сценарии, оперативно адаптировать его под тонкую специфику региона, которая проявляется, как правило, уже в процессе реализации исходного замысла.

В этом – гибкость современных технологий «цветных революций» и одновременно их главный демаскирующий признак.*

И наконец, во всех «революциях» в странах Северной Африки настораживает один факт: странное отсутствие обязательно-го компонента любой революции – революционной идеологии.

* Одной из самых удивительных особенностей революций стало нарочитое избегание религиозной, классовой или внешнеполитической повестки дня; в восстаниях почти незаметно влияние исламистских или джихадистских элементов. Полностью отсутствуют лозунги в духе панарабизма.

Между тем настоящие революционеры – идеалисты: в основе их революционной борьбы лежат либо высокие идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), либо идеи национально-освободительных движений. Тем не менее, ничего подобного в арабских «революциях» нет и в помине: есть разношерстное протестное движение, которое быстро превращается в «политическую толпу», основная цель которой – свержение действующей законной власти в лице ее конкретных представителей, с одной стороны, и погромы – с другой.

При этом «революционная» толпа не выдвигает никакой альтернативной политической программы – народный гнев носит сугубо персонифицированный характер и ничего не имеет против самой политической системы. Цель такой «революции» сводится к тому, чтобы на основательно «подогретой» волне народного гнева к власти пришли новые лица, которые, возможно, ничем не лучше предыдущих, но обладают романтическим ореолом «революционеров». Обладая этим ореолом, эти люди могут не иметь ни известного прошлого, ни заслуг перед страной и вообще вынырнуть из политического хаоса в самый последний момент. Для любых мировых лидеров, интересы которых лежат в данном регионе, этот момент является самым лучшим для приведения к власти своих ставленников.*

Отсутствие революционной идеологии, как ни странно, выдает в событиях в Северной Африке почерк, характерный для англосаксов и проводимых ими специальных психологических операций. Так, технологии «цветных революций» хорошо известны и обкатаны на примере нескольких десятков стран, в том числе государств Центральной Азии. Хорошо известна предпринятая недавно британцами и американцами попытка организации «зеленой революции» в Иране. Однако в отличие

* Музыкантский А.И. Предельная форма симулякра: арабские революции как пример манихейского переворота // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 76-82.

от стран, ориентирующихся на западные либеральные ценности и психологию индивидуализма, шаблонная идеология «цветных революций» не работает в традиционных восточных обществах: на Востоке, где сохранился общинный и родовой уклад жизни, интересы отдельной личности – ничто, а интересы общины – все.

Англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее, своего оппонента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «психологическая война»).*

* Для сравнения: Восточноазиатская модель исходит из цели разрешения конфликтной ситуации в постепенном, длительном встраивании (интеграции) политических систем и ценностей конфликтующих сторон, оппонентов в собственную систему политических отношений (например, тайваньская проблема, «возвращение» Гонконга: «одна страна – две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников. Известно исчезновение целых народов, этнических групп в Китае в результате длительной ассимиляции.

Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламской идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который включает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру.

Романо-германская модель, основанная на своей цивилизационной, политической этике, по мнению ряда авторов, отягощена стереотипами, набором «общепринятых» или общеобязательных этических представлений, не всегда совпадающих с представлениями других цивилизаций.

Англосаксонская модель реализуется в политике в виде проводимых США и их союзниками психологических операций, в которых применение прямой вооруженной силы рассматривается в качестве сервиса по отношению к технологиям информационно-психологического управления массовым и индивидуальным сознанием населения как непосредственно в зонах международных конфликтов, так и вне их. Модель такой операции состоит из следующей последовательности фаз: политической стратификации общества, политической поляризации стратов, контролируемой поведенческой реакции (на базе известных в психологии техник «якорения») и психологической коррекции политического поведения групп населения и целевых аудиторий, основанной на принципе обратной связи.

Использование психологических «якорных» техник становится особенно опасным в условиях этнополитических конфликтов: многие разновидности массовых психологических состояний, сформировавшихся в течение исторического периода развития национального самосознания, включая состояния пограничные и агрессивные, уже заложены в этнической памяти и практически в неизменном виде, неосознанно (то есть на уровне коллективного подсознания) передаются из поколения в поколение. Их не нужно специально формировать под конкретную психологическую операцию.

Технологии «финиковых и фисташковых революций» имеют несомненное сходство с «цветными революциями», используя все тот же арсенал психологических и организационных приемов, шаблонов и схем, но смещая при этом ударение на методы, способные расколоть сплоченность традиционных восточных обществ на мелкие фрагменты, с тем чтобы вырвать отдельные личности из состава родовых и племенных кланов, дезориентировать их в политической обстановке с помощью технологий управления массовым сознанием и соз-

дать из этих дезориентированных граждан главный таранный инструмент любой «цветной революции» – «политическую толпу». Методы и технологии, позволяющие расколоть сплоченные традиционные общества на отдельные фрагменты, погружая общество в состояние распада и политический хаос, подчиняющийся своим законам, носят название технологий «управляемого хаоса». След применения именно этих технологий в Северной Африке и на Ближнем Востоке усматривают сегодня многие эксперты и обозреватели.*

Этот результат сравнительно несложно обеспечить в западных либеральных обществах, где каждый гражданин – индивидуалист. В традиционных обществах с коллективной субъектностью все иначе. Там отдельная личность, глубоко интегрированная в общество, клан, род или племя, защищена этим обществом от любого внешнего негативного психологического воздействия, даже самого мощного. Для этого необходимо разрушить внешний рубеж обороны – саму традиционную структуру построения общества – и погрузить общество в политический хаос, который лишает любого попавшего в его водоворот человека коллективной поддержки. В результате разрушения традиционного уклада и девальвации ценностей возникнет идеологический вакуум, который сразу же должен быть заполнен специально разработанной режиссерами «революций» идеологией.

Происходящая в этом процессе смена системы ценностей в обществе обеспечивает добровольную подчиняемость всех его членов и превращает общество в послушный инструмент реализации внешнеполитических интересов иностранного

* Цель любой специальной психологической операции – обеспечить добровольную подчиняемость представляющего интерес человека, с тем чтобы впоследствии свободно и без каких-либо ограничений использовать его в своих целях – в качестве неодушевленного инструмента, ресурса, расходного материала.

государства. Хаос становится управляемым. Теория хаоса прилагается к динамическим системам с очень большим количеством подвижных компонентов и представляет собой, по сути, новое нелинейное планирование событий в сложных системах.

В соответствии с этой теорией для обеспечения добровольной подчиняемости стран Северной Африки интересам внешнего государства объединяющие их население кланы и общины должны перемешаться, то есть нынешнее, традиционное социальное устройство, которое в Северной Африке существует до сих пор, должно быть разрушено и перемешано. Именно это и происходит сейчас в государствах, ставших жертвами «новой революционной волны».

На возможных заказчиков, авторов и организаторов «фининовых революций» указывают некоторые характерные высказывания и заявления авторов технологий «цветных революций», «управляемого хаоса» и концепции «Большой Ближний Восток». Все они – граждане США.

Так, один из авторов концепции «Большой Ближний Восток» неоконсервативный теоретик Майкл Ледин утверждает, что «современный исламский мир – это новое издание фашизма», но «фашизм играет без правил», следовательно, победить «фашизм» (т.е. исламский мир) можно только с помощью аналогичного фашизма – крайне жестких и агрессивных действий, попирающих – ради «благих» целей – некоторые основополагающие нормы демократии». В качестве ядра исламского мира, из которого исходит угроза остальному демократическому миру, он прямо указывает на те самые страны Северной Африки и Ближнего Востока, где происходят сегодня события «фининовых революций».

В том виде, в котором существуют эти государства, они не готовы для принятия американских ценностей ввиду того, что их социальное устройство представляет собой общин-

ное, клановое, родовое устройство, с сильно доминирующим этническим фактором. На этом фоне в большинстве из этих стран были выстроены светские политические режимы с авторитарным несменяемым лидером во главе, жесткой иерархией и зачастую режимом чрезвычайного положения, опорой на армию и спецслужбы в качестве основных гарантов соблюдения порядка и единой идеологической стройности. По своей политической форме это национальные государства с авторитарной жесткой вертикалью власти и четкой идеологической базой.

Политические авторитарные режимы, внешне демонстрировавшие лояльность США, не давали полностью открыться окружающему миру подконтрольным им территориям, что необходимо для подключения их к глобальной социальной сети. Все это затрудняло действия американских институтов развития гражданского общества в этих странах, а формальная лояльность многих политических режимов накладывала дополнительные ограничения, заставлявшие считаться с их позицией и мнением.

То, что процесс погружения Северной Африки и части Ближнего Востока начался именно сейчас, говорит о том, что время пересмотра прежних соглашений правительств ряда арабских государств с такими мировыми лидерами, как США (являющимися авторами указанных технологий), видимо, пришло. Если за «фисташковыми революциями» стоит именно Вашингтон, то переформатирование им карты Северной Африки и Ближнего Востока может преследовать две основные цели.

Истинные цели «фисташковых революций» в странах Северной Африки и Ближнего Востока лежат несомненно глубже, чем просто смена политических режимов и замена, в общем-то, лояльных, но малоуправляемых (в силу своей бессменности) авторитарных лидеров арабских государств на

марионеток, постоянно зависимых от внешней политической поддержки. Эти «революции» необходимо рассматривать не в узком смысле как рядовые внутригражданские конфликты, а в системе координат глобальной политики. В этой системе координат регион Магриба является точкой, в которой сегодня сходятся интересы крупнейших мировых политических сил, сделавших Северную Африку своеобразным полигоном и плацдармом для приближающейся схватки за весь африканский континент, крупнейшей после получения бывшими колониями своей независимости. Эта схватка, по мнению многих аналитиков, станет для Черного континента новым территориальным и энергетическим переделом.

Для Вашингтона страны Магриба – ключевой регион на карте мира, установление контроля над которым позволяет управлять глобальным транзитом углеводородов и других видов стратегического сырья для крупнейших развивающихся экономик (прежде всего Китая).

Но существуют и отличные оценки роли США в арабских событиях. Так, А.Подцероб пишет касательно воздействия на события внешнего фактора, что в какой-то мере влияние на настроения в арабском мире оказали американские идеи реформирования «Расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», пропаганда американцами демократических ценностей, критика ими авторитаризма. Вместе с тем вряд ли правомерна точка зрения, в соответствии с которой Вашингтон является непосредственным организатором нынешнего хаоса. Другое дело, что американцы сумели быстро разобраться в обстановке. Свидетельство тому – их отказ от поддержки Х. Мубарака. Но при этом исключение составляет Ливия, где целенаправленное вмешательство явно было налицо.

Заметную роль играет внешний фактор и в разжигании беспорядков в Сирии. Мятежники получают поддержку со стороны Саудовской Аравии и других стран Персидского

залива, считающих, что падение дружественного Тегерану режима Президента Башара аль-Асада ослабит влияние Ирана на Ближнем Востоке. Аналогичной точки зрения придерживаются и западные державы, наращивающие политическое и экономическое давление на Дамаск. Сирийская оппозиция рассчитывает со своей стороны, что стремление заполучить сирийскую нефть подтолкнет европейцев и американцев к более жесткому вмешательству в события в САР.*

* Подцероб А. Восстания арабов в XXI веке: что дальше? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

IV. Вероятные сценарии развития ситуации в регионе

Дальнейшее развитие политических процессов в арабских странах, переживших революционную смену власти, предполагает реализацию одного (или нескольких в последовательности) из трех основных сценариев. Эти сценарии следующие: 1) установление (восстановление) авторитарных режимов при центральной роли армии; 2) приход к власти умеренных (или радикальных) исламистов; 3) развитие по либерально-демократическому пути, создание парламентской демократии.

На данном этапе предсказать, по какому из сценариев будут развиваться события в арабских государствах, переживших смены политических режимов, сложно. Социальные проблемы не решены. Растут цены на продовольствие, безработица. Тысячи людей бегут из охваченных хаосом арабских стран в Европу, которая страшится наплыва нелегальных иммигрантов.

На всем Большом Ближнем Востоке идет широкомасштабный процесс реформатирования региона, его хаотизация, формирование из этих частей нового Ближнего Востока.*

Роль армии

В отношении Египта в последние годы утвердились два стойких стереотипа. Один из них – что это бедная страна. Отсюда многие эксперты делали вывод, что главная причина недавних событий – социальная. Второй стереотип – что альтернативой режиму Мубарака могут быть только исламисты. Однако в реальности ситуация выглядит сложнее.

* См.: Высоцкий А.М. Ближний Восток: на пути к новому «балансу сил»? // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7. С. 10-14. Дергачев В. Геополитическая перезагрузка Арабского Востока // Вестник аналитики (Москва). 2011. № 2. С. 21-30.

Важную роль в дальнейшем развитии событий на Арабском Востоке может сыграть армия, в отличие от органов внутренних дел, формально не замаранная участием в репрессиях. Кроме того, египтяне боятся распада Египта на несколько частей, а это может произойти, если армии не удастся удержать статус-кво.

Важная особенность ситуации в Египте заключается в той роли, которую играет там институт армии. Она традиционно является не только военной организацией, но и политической корпорацией, источником верховной власти, пользуется авторитетом в народе как гарант национального суверенитета. Многие генералы в отставке возглавляют государственные и частные компании, правительственные агентства, местные органы власти, образуя своего рода «внутренний круг», который гораздо шире, чем непосредственное окружение президента. От того, как поведет себя армия, во многом зависит дальнейшее развитие событий, особенно теперь, когда они вышли за конституционные рамки.

Сейчас в Египте армейское руководство понимает, что перемены и реформы в стране необходимы. Армия, возможно, будет отодвинута с первых ролей в политике, но останется гарантом дальнейшего развития и попытается сохранить свои привилегии. При этом не стоит забывать, что высшее руководство армии, все без исключения, было подобрано Хосни Мубараком из людей, преданных лично ему. При продвижении по службе личная преданность ценилась выше военного профессионализма.*

* Характерно, что египетские политики, рассуждая о роли армии, ссылаются на пример Турции. Их аргументация сводится к тому, что в Турции именно военные еще в 1950-х годах приняли решение начать продвижение к демократии, и именно армия руководила там процессом демократизации. Военные стремились гарантировать, что демократизация не обернется расколом, хаосом, приходом к власти радикальных партий. Аналогичная озабоченность существует в Египте и Тунисе.

Армия – неотъемлемая часть режима, того самого, протестуя против которого, сотни тысяч людей вышли на площадь Тахрир. Фактический глава государства маршал Хусейн Тантауи больше двух десятилетий занимает пост министра обороны. Генералы из Высшего совета вооруженных сил – тоже креатура Мубарака. Как очевидно, они не заинтересованы в полном демонтаже режима. К тому же у армии есть собственные корпоративные интересы, которые всю историю республиканского Египта защищал президент-офицер. Армейская верхушка хотела бы сохранить президентскую форму правления, поставив у руля если не собственного кандидата (возможность его выдвижения генералы публично отрицают), то по крайней мере человека, которому они доверяют. Тем более что глава государства является и верховным главнокомандующим.

Референдум по поправкам в Конституцию выявил и еще один конфликт интересов – участников выступлений на Тахрире и т.н. «молчаливого большинства». Последнее заинтересовано в первую очередь в стабилизации обстановки, в возвращении к нормальной жизни. Бурные события начала года больно ударили по скромному достатку миллионов людей. Большинство предприятий и учреждений не работало, часть иностранных инвесторов покинула страну, поток туристов резко сократился.

Таким образом, в Тунисе и Египте власть де-факто находится в руках армии. Многие демократы из числа среднего класса чувствуют себя обманутыми: никаких «завоеваний», кроме отставки президентов-долгожителей, они не видят. Еще хуже положение большинства населения. Экономический рост последних лет сменяется спадом, рост цен на нефть ведет к тотальному подорожанию продуктов питания, индустрия туризма простаивает. Одна революция еще не началась, как подступает другая. Высока вероятность того, что исламисты могут прийти к власти на волне радикализма. В этих условиях их может остановить только армия.

Угроза исламизма

Но сохраняется вероятность и того, что исламисты, позиционирующие себя в качестве главных противников режима и имеющие достаточно широкую социальную базу, могут извлечь из сегодняшней нестабильности максимум выгоды.

Так, в Египте вторая сила, которая будет участвовать в формировании нового политического курса и структуры страны, – это «Братья-мусульмане», наиболее организованная и массовая социально-политическая организация. Эта организация проповедовала возвращение к «истинно исламским ценностям», к следованию законам шариата. «Братья» широко развернули сеть благотворительных учреждений – больницы, школ, приютов.*

Лидер партии «Братья-мусульмане» Рашад аль-Байюми заявил, что если его партия придет к власти, то мирный договор между Израилем и Египтом может быть аннулирован. Безусловно, армия будет мешать исламистам осуществлять столь резкие внутри- и внешнеполитические перемены. Однако никто не хочет и повторения алжирского сценария.

Исламская оппозиция, объединенная главным образом в полулегальной ассоциации «Братья-мусульмане», поначалу не принимала участия в выступлениях, а ее крайнее крыло, фундаменталисты-салафиты, вообще осудило их, поскольку «протесты означают хаос». Причина такой позиции руководства «Братьев» состояла в том, что оно прекрасно понимало:

* Демократические выборы в Египте вполне могут закончиться победой исламистов, чьи идеи пользуются колоссальной популярностью у населения. Не случайно на прошедших митингах транспаранты на английском языке требуют свободы, а на арабском в основном содержат исламистские воззвания. Согласно опросам общественного мнения, проведенным Pew в июне 2010 года, идеи исламистов разделяют 59% египтян, а модернизаторов лишь 27%. В целом более 95% всех респондентов заявили, что поддерживают усиление влияния исламских идей на политический процесс в стране. По всей видимости, большинство из опрошенных имеют в виду введение норм шариата.

после разгона демонстраций репрессии обрушатся в первую очередь на членов ассоциации. Однако давление «улицы», решимость манифестантов идти до конца, до отстранения от власти Президента Мубарака, вынудили руководство «Братьев» изменить позицию.

Руководство «братьев-мусульман» не участвовало в первые дни в волнениях, но оно позволило своей молодежной организации выйти на улицы вместе со всем народом. Мало того, именно молодые «братья-мусульмане», как оказалось, действовали наиболее дисциплинированно. В ходе нападения сторонников режима, в основном нанятых хулиганов и бандитов, на антиправительственных демонстрантов именно «братья» помогли разделить восставших на три части: одни стояли на баррикадах, забрасывая камнями нападавших, другие – подносили эти камни, а третьи – выламывали их из мостовой. Они же посылали из разных провинций на площадь Ат-Тахрир своих членов, устроив для них двухдневную ротацию.

На площади Ат-Тахрир «братья-мусульмане» все время говорили о своей преданности к неконфессиональному характеру Египта. «Братья-мусульмане» уже участвовали в первых переговорах с представителями власти. В комитет юристов по созданию новой конституции был включен и правовец, представляющий эту организацию. Хотя внутри армии деятельность «братьев-мусульман» и любых других религиозных организаций запрещена, среди рядовых и офицеров всегда было и остается немало их сторонников.

Философия «Братьев-мусульман» «базируется на концепции «шумулия» (всеобщности). Это делает их не столько политической, сколько религиозной, социальной и экономической организацией. Противоречие между политикой и религией сделало это движение неуместным в восстании, главный дух которого был политическим. Руководство «Братьев» также утверждает, что не намерено выдвигать собственного кандидата

на пост президента страны. Зато оно планирует сформировать собственную политическую партию. Она будет называться «Партия свободы и справедливости».

С другой стороны, и оппозиции не удалось быстро заполнить политический вакуум. Она также оказалась застигнутой врасплох силой и размахом народного недовольства. Опасения в Израиле и на Западе насчет вероятности прихода к власти организации «Братья-мусульмане» вполне понятны, хотя и представляются несколько преувеличенными. С самого начала исламские лозунги на улице полностью отсутствовали, а сама организация египетских исламистов переживает период раскола на почве разногласий в отношении тактики поведения после парламентских выборов в ноябре 2010 года.

В этих условиях руководство «Братьев-мусульман» предпочло действовать совместно со светскими партиями, присоединившись к образованной ими коалиции оппозиционных сил. Шансы этого объединения выступить единым фронтом на переговорах с официальными властями представляются малозначительными, особенно когда энергия народного гнева начнет сходить на нет. Другое дело, что исламисты со временем обязательно попытаются оседлать волну антирежимных настроений, используя опыт организационной работы в массах и спекулируя на антиамериканских чувствах, широко распространенных в Египте (по последним опросам, рейтинг доверия к США не превышает 30%). Но и в этом случае «Братья-мусульмане», по прогнозам египетских политологов, могут рассчитывать только на 20% голосов избирателей.

Эксперты не исключают, что прошедшие изменения нанесут мощный удар по религиозным меньшинствам в исламском мире, прежде всего по христианам. Усилятся позиции радикального исламизма. К власти, особенно в суннитском мире, начнут приходить люди, типажом похожие на вождя иранской революции 1978 года аятоллу Хомейни.

Таким образом, формируются, предпосылки для усиления влияния исламистов. Встает, однако, вопрос, каких именно исламистов. В Тунисе ведущей интегрристской организацией является «Ан-Нахда», перешедшая еще десять лет назад на умеренные позиции: на состоявшемся в 2001 году в Лондоне конгрессе этой организации было объявлено об отказе от силовых методов борьбы и приверженности демократии.

Руководство египетской Ассоциации «Братья-мусульмане» с 1977 года взяло курс на превращение ее в политическую партию. «Ихваны» пришли к выводу, что терроризм ведет религию к духовному самоубийству, и начали осуждать вылазки экстремистов. Ассоциация стала считать парламентскую, более того, многопартийную систему соответствующей исламским принципам. Отказались «Братья» и от деления мусульман на истинных и не следующих предписаниям ислама. В настоящее время АБМ пользуется поддержкой уважаемых «мусульманских» банков и компаний, для которых следование религиозным нормам является оружием в конкурентной борьбе.

Стремление «исламского капитала» к сотрудничеству с перешедшими на умеренные позиции «Ихванами» объясняется и надеждами на то, что те могут стать заслоном против роста влияния радикальных исламистов. «Но в Египте существуют и экстремистские группировки, такие как, например, «Аль-Гамаа аль-исламийя», но значительным влиянием они пока не пользуются и число их приверженцев невелико. В свете вышеизложенного приход к власти «Ан-Нахды» в Тунисе либо «Братьев» в АРЕ (даже если такое произойдет) вряд ли приведет к превращению этих государств в некое подобие «Исламского эмирата Афганистан».

Иной выглядит ситуация в Йемене, где сторонники шариата и «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове установили контроль над тремя городами на юге страны. Так же складывалась

ситуация и в Ливии, где на стороне повстанцев сражались боевики Ливийской исламской боевой группы (возглавлявший ее в 1990-х годах Абд аль-Хаким биль-Хадж стал верховным командующим Военного совета Триполи), а также организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба и собственно «Аль-Каиды» (бойцы которой прибыли в Ливию из Афганистана). Активизировались исламисты и в Сирии, где баасистам противостоят «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида».*

Складывающаяся ситуация вызывает обеспокоенность, в частности, в соседнем с Ливией Алжире, где развязанная религиозными экстремистами в 1990-х годах гражданская война унесла 200 тыс. жизней. Приход фундаменталистов к власти в Сирии, Ливии или Йемене повлек бы за собой превращение этих стран в рассадник религиозного экстремизма со всеми вытекающими из этого опасными последствиями для Арабского Востока.

Либерально-демократическая модель

Не исключено, что либерально-демократические силы, ориентированные на связи с Францией и США, в какой-то мере укрепят свои позиции, особенно если западные страны окажут стране помощь, экономическую и медийную. В Тунисе больше надежд на функционирующую демократию, с сильной исламистской окраской. Однако маловероятно, что политический процесс приведет к демократизации Туниса. В стране фактически не оказалось второго эшелона лидеров, способных взять на себя управление толпой и возглавить государство. В результате у власти остались прежние лидеры.

* См.: Подцероб А. Восстания арабов в XXI веке: что дальше? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

К египетской молодежи, которая проявила себя ударной силой революции, примыкают довольно слабые оппозиционные партии, будь то либерально-демократические «Кифая» (что означает «Довольно, хватит»), партия «Аль-Гад» («Завтра»), партия «Молодежное движение 6 апреля», группа, объединенная вокруг Мохаммеда аль-Барадея, нобелевского лауреата, бывшего главы МАГАТЭ, у которого проявились политические амбиции.

Независимо от того, какая судьба ожидает демократию в этих странах, арабские правительства, включая те, что избежали беспорядков или пережили их, теперь будут более уважительно относиться к волеизъявлению граждан. В результате следует ожидать подъема исламских настроений в той или иной форме. Для многих мусульман легитимность правителей измеряется тем, в какой мере они олицетворяют нравственные устои, управляя «уммой» или сообществом правоверных.

Повсюду в арабском мире могут быть созданы новые мусульманско-демократические партии наподобие христианско-демократических партий Европы в конце XIX – начале XX веков. Этот процесс еще больше отодвинет «Аль-Каиду» на обочину мусульманской цивилизации.

Арабская молодежь остается лояльной своим государствам, одновременно принимая активное участие в жизни виртуального пространства стран Ближнего Востока и Магриба. Местные лидеры, игнорирующие настоятельную потребность в реформе, больше не могут чувствовать себя в безопасности. Через год или два ни одна страна этого региона не будет проводить ту внутреннюю и внешнюю политику, которую проводит сегодня.

Если Египту повезет, то будущая система страны может оказаться чем-то похожим на турецкую: демократия с сильной исламистской партией и с развивающейся экономикой и с военными на заднем плане. Но проблема заключается в том, что

любая революция приводит сначала к экономическим потерям, крупным или мелким, к приостановке развития, может быть, к падению экономики, к ухудшению положения масс. Если это наложится на массовую бедность несытого населения, может произойти очередной непредсказуемый социальный взрыв.

Если развитие Египта пойдет в плохом направлении, то страна больше будет походить на Пакистан: масса бедняков, нефункционирующая демократия, разорванная между фундаменталистами, светскими деятелями и могущественными военными, сохранение всеобщей коррупции.

Так, если египтяне изберут эффективных лидеров, они снова будут играть ключевую роль в политике своего региона. В их силах выработать идеологию, способную завоевать популярность в арабском мире и за его пределами. Почти наверняка следует ожидать возрождения египетской дипломатии, которая отражала бы мнение и ценности рядовых граждан, а не отдельных политических деятелей. В результате ни Соединенные Штаты, ни Израиль не смогут рассчитывать на сотрудничество Египта по поддержке той политики, которая ненавистна «арабской улице».

Воспрянувший Египет уравнивает влияние Ирана. Освободившись от бремени тесного сотрудничества с Госдепартаментом США, Каир, скорее всего, преуспеет в сдерживании Тегерана гораздо больше, чем в прошедшее десятилетие. Теперь Египет почти наверняка восстановит утраченные позиции грозного конкурента Ирана за лидерство в арабском и мусульманском мире, что повлечет за собой корректировку во внутриарабских отношениях.

Завершение ливийского кризиса

В начале сентября 2011 г. ливийская оппозиция фактически взяла под контроль (при массовой помощи Великобрита-

нии и других стран НАТО, а также некоторых арабских государств) большую часть территории страны, включая столицу Триполи. В октябре пал последний оплот М.Каддафи; сам бывший лидер был взят в плен и жестоко казнен.

Основная проблема – что будет с Ливией в ближайшей и среднесрочной перспективе. Наиболее очевидная перспектива – дальнейшая дестабилизация экономики страны и политический хаос. Серьезные племенные и региональные различия, отсутствие общенациональных институтов делают сохранение целостности Ливии проблематичным. Реализация лозунгов свободы и демократии будет делом еще более трудным, чем в Ираке и Афганистане. И в этом смысле, если вернуться к истокам внутреннего конфликта, перед нами действительно контрреволюция, возвращающая Ливию в то полуколониальное состояние, в котором она находилась до прихода Каддафи к власти.

Это означало, что, во-первых, Ливия прекращает свое существование как источник поставок на мировой рынок углеводородного сырья. Во-вторых, идея африканского и арабского единства уходит в небытие. В-третьих, политический хаос приводит к власти радикальные (не исключено, что исламистские) силы. В-четвертых, меняется вся структура регионального лидерства. Наконец, открывается широкая дверь для миграции в Европу не только арабов, но и африканцев.

Другая проблема – кризис ООН и вообще международных структур обеспечения безопасности. Действия стран коалиции в Ливии вышли далеко за пределы мандата, предоставленного резолюцией №1973. Это означает, что, во-первых, веры в резолюции СБ ООН и вообще в эту организацию больше нет. Во-вторых, в перспективе вряд ли можно рассчитывать на автоматизм «дружного голосования». Наконец, нет уверенности и в том, что в очередной раз ООН не санкционирует нарушение другого основополагающего принципа международного права.

Еще одна проблема выразилась в том, что победу в борьбе норм международного права и права силы одержало второе. Причем, речь даже не о том, что коалиция стран просвещенной демократии в очередной раз сделала попытку свергнуть неудобного, но, тем не менее, легитимного государственного лидера. Речь о том, что это стало возможным лишь потому, что Муамар Каддафи в свое время пошел на уступки Западу, отказавшись от разработок ядерного оружия. Для КНДР, Ирана и других «пороговых государств» с неудобными для Запада политическими режимами это сигнал. Причем сигнал, подтверждающий правоту их действий.

Пятая проблема – будущее Европы. Здесь речь о нескольких аспектах. Во-первых, Европе что-то нужно будет делать с растущим потоком мигрантов из Африки и арабских стран. Уже сегодня эта проблема балансирует на грани гуманитарной катастрофы. Что будет завтра, предсказать весьма затруднительно, но грядущий конфликт гарантирован. Во-вторых, новые мигранты, в отличие от их предшественников, не столь толерантны и еще в меньшей степени подготовлены к адаптации к европейским нормам жизни. Реакция коренного населения в таких условиях будет естественной – это, по меньшей мере, требования ограничить поток мигрантов, убрать их, отправить на родину. В реальности – рост не столько антимигранционных, сколько расистских настроений, что уже сегодня можно наблюдать во Франции и Италии. А это – прямой путь к возрождению нацистских и фашистских взглядов.

До падения режима М.Каддафи в конце лета 2011 г. в политических кругах и СМИ Запада рассматривались три возможных сценария развития обстановки в Ливии.

Первый сценарий: силы Каддафи под ударами НАТО дрогнут, начнется массовое дезертирство военных, зона контроля власти Триполи будет сужаться за счет продвижения мятежников и захвата других городов, вплоть до Триполи,

и падения режима. Такой вариант соответствовал целям Лондона, Вашингтона, Парижа и Брюсселя. Но и такой исход вряд ли бы означал легкое установление власти Бенгази во всей стране, повстанцы могли столкнуться с подпольным сопротивлением каддафистов, что чревато вспышками насилия по типу кровавых эксцессов в Ираке после начала войны в 2003 году.

Один из острых вопросов – о будущей роли исламистов. По оценке компетентных экспертов, ливийский компонент «Аль-Каиды» был всегда заметен. Эксперты были насторожены: не получают ли радикальные исламисты, если придут к власти под сенью мятежников, свободу рук на территории Ливии и в соседних районах.

Второй вариант был связан с надеждами на внутренний переворот на территории Ливии, подконтрольной Каддафи, его свержение и дальнейший торг заговорщиков с повстанцами по поводу их места в будущих структурах страны. На такой вариант рассчитывал НАТО и практически открыто делал все, чтобы разложить внутренний лагерь, способствовать его ослаблению, вызвать панику. Эти силы создавали впечатление некой предрешенности судьбы ливийского лидера.

Третий вариант – фактический раздел Ливии на две части, по факту нынешнего статус-кво: запад (исторически называемый Триполитанией) – бастион Каддафи, и восток (Киренаика). Это могло бы на время приостановить кровопролитие, охладить страсти и непримиримость оппонентов, сохранить жизни многим соотечественникам, привлечь внимание к поиску политических способов разрешения конфликта. Но этот вариант не устраивал Запад, который был настроен на устранение режима, продолжение его существования было равноценно срыву его целей. Да и сами противоборствующие стороны, обвиняющие друг друга в желании расколоть страну, вряд ли сразу согласились бы с таким вариантом.

Самым неприятным для Европы сценарием могло стать быстрое свертывание операции. При определенном раскладе европейские компании могли даже не потерять свои ливийские инвестиции (если бы договорились с Каддафи о том, что он сохранит европейские активы в обмен на прекращение интервенции), однако политический ущерб для Европы был бы огромен. На амбициозных внешнеполитических проектах ЕС будет поставлен крест.

На начало сентября 2011 г. ситуация в Ливии выглядела следующим образом: весь юго-запад страны – сразу несколько провинций исторической области Феццан с центром в Сабахе (область компактного проживания ливийских туарегов) – контролировался силами режима. В целом в руках каддафистов было от трети до половины территории Ливии, и борьба за эти регионы развернулась в сентябре-октябре 2011 г. вплоть до смерти М.Каддафи в конце октября.

Несомненный интерес представляет в этой связи заявление заместителя министра финансов США при президенте Рейгане, республиканца Пола К.Робертса о том, что попытки США свергнуть Каддафи в Ливии и Асада в Сирии якобы продиктованы их желанием вытеснить Россию и Китай из Средиземноморья. Ссылаясь на прогноз МВФ, согласно которому в ближайшие 5 лет китайская экономика обгонит американскую, поскольку ВВП Китая составит к тому времени 19 трлн. долл., а ВВП США – 18,8 трлн., бывший министр полагает, что Вашингтон пытается использовать свои военно-стратегические возможности якобы для того, чтобы затормозить развитие китайской экономики. Что же касается Сирии, то у России здесь имеется военно-морская база, а значит, события в Сирии направлены и против нее. Вероятно, самый большой риск, причем риск игнорируемый, это отношение Китая, считает Роберте. Китайские компании теряют сотни миллионов долларов в результате этой интервенции. Китай четко воспринимает вмешательство как акт агрессии против него.

В результате политических потрясений добыча нефти в Ливии сократилась с 1,6 до 0,5-1 млн. б/д⁶. Не снята с повестки дня угроза превращения Ливии в новый плацдарм в Северной Африке для распространения радикального исламизма. Независимо от того, какие политические силы придут к власти в Ливии, принципиальный вопрос о будущем страны был решен после смерти М.Каддафи. Глава ПНС Мустафа Абдель Джалиль объявил, что отныне страна будет жить по законам шариата.

Захват Триполи повстанцами в августе 2011 г. стал поворотным пунктом в гражданской войне. Успех Переходного национального совета укрепил позиции в Ливии стран Запада, прежде всего Франции и Великобритании. Но новым властям придется налаживать отношения и с африканскими государствами, и с Китаем, и с Россией.

Йемен как источник конфликтов

В Йемене армия, приведшая к власти Али Абдаллу Салеха, также может сыграть роль страховочного инструмента от сильных потрясений в условиях политического вакуума. Чисто местная особенность выражается здесь в сохраняющейся племенной структуре общества. Президент Салех поспешил объявить о том, что он отказывается выдвигаться на очередной срок. До сих пор ему удавалось лавировать между запросами племен в попытках, не всегда успешных, удовлетворить интересы поглощенной им южной части Йемена и северян, завязанных больше на Саудовскую Аравию, а также поддерживать внешние атрибуты современной государственности. Со временем делать это будет гораздо труднее.

В отличие от того же Туниса или Ливии, позиции «Аль-Каиды» и других религиозно-террористических организаций в Йемене очень сильны. Йемен обладает для них колоссальным вербовочным потенциалом, поскольку безработица в этой

бедной стране (одной из беднейших стран арабского мира) составляет почти 35%, 40% населения проживает менее чем на 2 доллара в сутки, треть страдает от хронического недоедания. Сомнительно, что новые власти смогут быстро трудоустроить безработное население – скорее, наоборот, уровень жизни населения после революции еще больше упадет (как это сейчас происходит в Египте). Учитывая близость Йемена к крупнейшей стране – экспортеру нефти (Саудовская Аравия), а также к важнейшему торговому пути – Красному морю, радикализация Йемена и переход его под власть исламистских террористических организаций серьезно скажется на мировой экономике. Весьма вероятно, что при самом плохом варианте развития ситуации в Йемен придется вводить войска.

Йемен – первая страна БСВ, которая способна развязать с соседней Саудовской Аравией «водную войну». В ближайшее время Сана рискует стать первой столицей мира с нулевым водным балансом, тем более что ряд исторических йеменских провинций был аннексирован саудовцами в начале XX века. Дополнительным фактором риска является нищета поголовно вооруженного населения, которое находится под постоянным воздействием местного наркотика «кат». Не стоит гадать, смогут ли 25,7 млн. саудовцев, большая часть которых в жизни не брала в руки оружия, противостоять 23,5 млн. йеменцев, большинство которых на протяжении всей жизни оружия из рук не выпускало. Способность саудовской элиты, правящая верхушка которой по возрасту напоминает советское Политбюро 1980-х гг., контролировать ситуацию иначе, чем через подкуп воинственных племен на южных границах и радикалов из «заблудшей секты» внутри страны, сомнительна.

С учетом значения пролива Баб-эль-Мандеб воздействие потенциального конфликта между Йеменом и Королевством Саудовская Аравия или гражданской войны в Йемене на мировой рынок энергоносителей сравнимо с перекрытием Суэцкого

канала. В отсутствие на президентском посту человека, способного сменить генерала Салеха, а такого человека в Йемене, в отличие от Египта, нет, страна рискует стать такой же пиратской территорией, как Сомали, тем более что сотни тысяч сомалийских беженцев и так уже живут на его территории.

Какие последствия обрушение правящего режима в Йемене вызовет в ибадитском Омане, где правящий страной с 1970 г. султан Кабус бен Саид не имеет наследников, и в малых монархиях Персидского залива, предсказать трудно. Балансируя между Соединенными Штатами (военные базы в Кувейте, Катаре и на Бахрейне), Великобританией (присутствие в Омане) и Францией (анонсировавшей строительство военной базы в ОАЭ), с одной стороны, Ираном (конфликт с ОАЭ и Бахрейном), с другой, и Саудовской Аравией – с третьей, все эти страны на случай возможной войны наладили неофициальные отношения с Израилем. Израильские опреснительные установки, агрокомплексы и системы обеспечения безопасности стратегических объектов, без указания страны-производителя или с указанием зарубежных филиалов израильских фирм – столь же обычное явление на южном берегу залива, как иранские суда в местных портах, иранские счета в банках и иранцы в деловых центрах. Оман пребывает в самоизоляции, усиленной раскрытием исламистского заговора, в организации которого Маскат обвинил ОАЭ.

Под предлогом протеста против массового насилия в отношении «мирных демонстрантов» на сторону противников президента Салеха переметнулось уже свыше 70% командного состава армии и полиции. Давление на президента Салеха постоянно усиливается и со стороны мирового сообщества, в первую очередь США. В июле советник президента США Барака Обамы по национальной безопасности Джон Бреннан попытался лично убедить йеменского лидера в опасности попыток удержаться у власти во что бы то ни стало.

На сегодняшний день ситуация в Йемене может пойти по двум сценариям. В лучшем случае повторится тунисский вариант, когда элита публично отошла от президента, принесла его в жертву толпе и за счет этого сохранила свои властные полномочия. Новым лидером страны может стать кто-то из прежней обоймы, вероятно, высокопоставленный генерал. Однако реализация такого варианта может столкнуться с серьезными трудностями. В отличие от Туниса, Йемен полон внутренних противоречий: столкновения между шиитской и суннитской частями населения, конфликт между севером и югом страны. Существует опасность, что нынешняя революция в Йемене станет катализатором для всех этих конфликтов, переведет их в горячую стадию. И в Йемене возобновится гражданская война.

Этот сценарий чреват превращением Йемена в серьезный дестабилизирующий фактор в регионе и превращением этой страны в логово международных террористических организаций. Либерализация в Северной Африке сталкивается с двумя вызовами: угрозой джихадизма и беспорядком этнических и религиозных меньшинств. Власть пытается сохранить равновесие между сдерживанием исламистов и противодействием джихадистам, с одной стороны, и замедлением демократических реформ – с другой.

Последствия революционных событий в других арабских странах

Возможные варианты развития событий после операции НАТО против Ливии и «эффекта домино» в соседних арабских государствах (в частности, против Сирии).*

* См.: Петров Н.И. Эхо арабских революций // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 5. С. 2-5.

Если в Тунисе, Египте, Ливии и в некоторых других странах произойдет смена режимов, вряд ли они станут прозападными, скорее наоборот – их политика в отношении западных стран станет более жесткой.

На Египте, этой первой арабской стране, заключившей мирный договор с Израилем, покоится вся, пока еще шаткая, система региональной безопасности. Также велика его роль в сдерживании исламского экстремизма и великодержавных амбиций Ирана.

Если демократические реформы в Египте примут обваль- ный характер, то такой оборот событий повысит градус на- пряжения в арабских странах – экспортерах нефти и газа с непредсказуемыми последствиями для мировой экономики и финансов. В любом случае обширный регион Ближнего Вос- тока и Северной Африки ожидает время болезненных пере- мен. По прогнозам Генерального секретаря Лиги арабских государств, этот волатильный период продлится от двух до пяти лет. Арабские правители, получившие столь тревожный сигнал снизу, уже вряд ли смогут управлять прежними метода- ми. Другое дело, какой характер примут внутривосточные преобразования, насильственный или мирный, как они отраз- ятся на перспективах урегулирования арабо-израильского кон- фликта и архитектуре международной безопасности в целом.

Можно наметить некоторые сценарии развития ситуации. Худший из них состоял бы в исламизации Египта. Речь идет не о создании исламской республики, а об уже упоминавшейся «ползучей исламизации». Вероятен соответствующий поворот во внешней политике. Возможным стало бы вхождение Египта в новый арабский «фронт сопротивления».

Если бы такого рода война стала реальностью, от Егип- та потребовалось бы оказывать помощь ХАМАС, который исторически возник как палестинский филиал египетских «Братьев-мусульман». Все это означало бы кардинальное из-

менение конфигурации сил на всем Ближнем Востоке, ведь Египет – один из трех краеугольных камней американской политики в арабском мире (два других – Саудовская Аравия и Иордания).

Безусловно, и в этом случае нашлись бы противодействующие факторы: зависимость Египта от помощи США (почти 1,5 млрд. долларов в год), общая проамериканская ориентация командного состава египетской армии, вражда между суннитскими странами (Египет, Иордания, Саудовская Аравия) и шиитским Ираном. Но именно для того, чтобы противостоять «шиитскому полумесяцу», арабские исламисты – сунниты постарались бы вырвать из рук шиитов знамя «борьбы с сионизмом».

Если же власть в Египте будет контролироваться умеренными силами, то многое будет зависеть от развития палестинского конфликта, от урегулирования международного кризиса вокруг иранской ядерной программы, от стабилизации в Ираке, от войны НАТО в Афганистане.

Сирия стала полем битвы между двумя извечными врагами — шиитским Ираном и суннитской Саудовской Аравией. Если сирийский режим не удержит ситуацию под контролем, страна может развалиться на те части, из которых ее формировали французы в 1930-х годах.

От ситуации в Сирии сейчас во многом зависят баланс сил и стабильность на всем Ближнем Востоке. И если режим Асадов падет, то этой стабильности не будет. Так, Иран весьма жестко отреагирует на создание саудовцами «сирийской плотины», поскольку она лишит иранцев львиной доли козырей на ближневосточном политическом поле («Хезболла», «Хамас», Ливан). Если Иран не решится на введение войск в Сирию «для спасения легитимного режима» (сделать это сложно, поскольку у государств нет общей границы), то Тегерану придется искать новые козыри. И весьма вероятно, что в попытке нанести ответный удар по саудовским интересам

иранцы активизируют и радикализуют свою деятельность в Ираке, а также в Бахрейне и Омане. Но наиболее опасным в данном случае может быть иранский контрудар в Йемене, создание иранского плацдарма в этой стране.

Ситуация в Сирии, вновь обострившаяся осенью 2011 г., носит по своим возможным последствиям в большей степени не внутривосточный, а международный и даже геополитический характер. Башар Асад признал ошибки на начальной стадии военной операции по подавлению вспыхнувших в марте беспорядков. Однако реакция сирийских властей коренным образом отличалась от мер, принимаемых в других странах, затронутых массовыми выступлениями. Реформы, начатые в стране, убедили людей в необходимости поддержки правительства. Дамаск настаивает, что он не должен ограничивать действия сирийской армии, которая подавляет протесты в стране. Меры этой борьбы активно осуждаются странами Запада и Лигой арабских государств.*

Смена режима в Сирии станет источником головной боли и для Турции. В Анкаре были бы не прочь видеть у власти в Дамаске умеренных суннитских исламистов, которые возьмут за пример правящую в Турции Партию справедливости и развития. Однако более вероятен другой вариант: новые сирийские власти попадут под прямое влияние Саудовской Аравии, а их репрессии в отношении национальных меньшинств лишь обострят курдскую проблему.

В начале ноября 2011 г. в Сирии приступила к работе специальная комиссия, которой поручено разработать новую

* 4 октября Россия и Китай использовали право вето в Совете безопасности ООН для блокирования резолюции по Сирии. В ответ на это по стране прокатилась волна антироссийских выступлений. Столкновения правительственных сил с демонстрантами, требующими политических реформ и отставки президента страны Башара Асада, продолжаются в Сирии с марта 2011 года. За это время, по данным ООН, их жертвами стали более 3 тыс. человек.

Конституцию страны. Она должна сменить старую, написанную еще в 1970-е годы и закрепляющую монополию на власть Партии арабского социалистического возрождения (БААС). Предполагается, что работа над новым текстом займет четыре месяца, а в феврале 2012 г. уже состоятся первые за много десятилетий многопартийные выборы в парламент.

Бурный период по-разному сказался на шести странах – членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Речь идет о Бахрейне, Кувейте, Омане, Катаре, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. За исключением Бахрейна перечисленные государства отделались легким испугом, поскольку волна народного возмущения их по большому счету не затронула. Однако долгосрочные последствия событий будут весьма масштабными.

Нефтяная, а в последнее время и газовая рента тоже влияют на процесс заключения и выполнения социального контракта и на распределительные механизмы, определяющие политическое устройство стран Персидского залива. Доходы от экспорта нефти преобразили политэкономия, однако привели к перекосам в духе психологии рантье. Четыре десятилетия стремительного роста населения породили численный перевес молодежи, которая уже пару десятилетий озабочена поисками своего места в обществе.*

Согласно прогнозам, при сохранении темпов производства на уровне 2006 г. и при условии, что не будут открыты новые месторождения, Бахрейн и Оман истощат имеющиеся у них запасы нефти к 2025 году. Ситуация в других странах Персидского залива не столь драматична, хотя неумеренное потре-

* См. Ульрихсен К.К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? Арабские монархии перед лицом экономических и политических катаклизмов // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 5.

бление ресурсов ставит под угрозу и их более внушительные запасы. Даже в сравнительно благополучных государствах острота проблем, связанных с истощением недр, отнюдь не одинакова. Катар и Абу-Даби (эмират ОАЭ) извлекают выгоду из удачного сочетания небольшой численности населения и колоссальных запасов. Кувейт при своих огромных резервах нефти страдает от периодически возникающих политических кризисов, которые наносят ущерб планам диверсификации и развития. Огромное ресурсное достояние Саудовской Аравии и ОАЭ не выглядит столь впечатляющим на фоне высокой плотности населения Королевства и крайне неравномерного распределения природных ресурсов в Эмиратах, где 93% общего объема сосредоточено в Абу-Даби, тогда как другие шесть эмиратов сравнительно бедны углеводородами.

Как и более густонаселенные страны Северной Африки, не располагающие запасами нефти, сравнительно богатые государства Персидского залива отчаянно пытаются создать достаточное количество рабочих мест, чтобы справиться с естественным приростом населения и не допустить дальнейшего повышения и без того высокого уровня безработицы. По оценке консалтинговых компаний (ноябрь 2007 г.), реальная безработица в Бахрейне, Омане и Саудовской Аравии превышает 15%, а среди лиц в возрасте от 16 до 24 лет она составляет 35%, хотя официальная статистика существенно занижает цифры. Перегруженный государственный сектор уже не в состоянии справиться с трудоустройством молодежи.

Политическое руководство эмирата Дубай в ОАЭ ускоренными темпами разработало грандиозный план развития, стремясь найти новую нишу для эмирата как мирового центра услуг и логистики. Это самая радикальная попытка осуществить быстрый переход к постнефтяной экономике. К 2006 г. эмирату удалось снизить вклад нефтяной отрасли в ВВП до 5,1%.

События 2011 г. придали новый импульс необходимости реформирования монархий Персидского залива. Когда стало ясно, что протесты и требования демократизации грозят перерасти в общественные движения за коренные перемены, власти ответили репрессиями. Сужение политического пространства и каналов, по которым могла действовать оппозиция, стало причиной поляризации общества на приверженцев реформ и сторонников подавления. В марте 2011 г. в Саудовской Аравии арестованы пятеро интеллектуалов, пытавшихся создать первую в истории Королевства политическую партию (исламскую партию «Умма»). Эта мера стала лишь частью более широкого наступления на политическую оппозицию.

В остальном правительства стран Персидского залива ограничились, в общем-то, скромными мерами – прямой раздачей денег (Кувейт, Бахрейн и ОАЭ), созданием рабочих мест в государственном секторе, уже и так предельно раздутом (Саудовская Аравия, Бахрейн и Оман) и повышением зарплат и пособий (Саудовская Аравия и Оман). Все государства региона рано или поздно столкнутся с проблемой истощения недр, но их действия во время недавних волнений свидетельствуют о том, что краткосрочные стратегии выживания берут верх над долгосрочными планами коренных реформ.

На региональном уровне увеличится пропасть между энергетически богатыми и бедными территориями. Бахрейну, Оману и шести эмиратам, за исключением Абу-Даби, уже пришлось испытать относительную нехватку ресурсов. В результате возникли новые виды экономической и политической зависимости, изменившие характер отношений. Макроэкономические сдвиги в структуре мирового производства, торговли и финансов влекут за собой формирование крупных (не западных) центров влияния. Страны Персидского залива играют видную роль в этом широком изменении мирового баланса сил. Экономические и политические связи с Китаем,

Индией и Россией в последние годы заметно укрепились. Появились новые игроки, стратегические интересы которых требуют дальнейшего развития региона.

В 2008 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил, что Индия рассматривает этот регион как неотъемлемую часть своей орбиты. Кроме соглашений с Катаром и Оманом в сфере военного сотрудничества для обеспечения безопасности на море Индия также подписала Эр-Риядскую декларацию с Саудовской Аравией (февраль 2010 года). Двусторонние отношения переросли в стратегическое партнерство. Заключить подобное соглашение Саудовскую Аравию отчасти побудила стратегическая переоценка региональных связей и угроза стабильности, исходящая от событий в Йемене, Афганистане и Пакистане. У КНР имеется стратегическая база в Аравийском море, всего в 400 км от входа в Ормузский пролив. С ее помощью Китай сможет защищать свои жизненно важные интересы энергетической безопасности и наблюдать за морскими перевозками. Россия также начала расширять политические и экономические связи со странами Персидского залива в целом и, в частности, укрепила отношения с Катаром и Саудовской Аравией – коллегами по добывающему цеху.

Ливан после падения правительства Саада Харири переживает собственный кризис, вызванный противостоянием сирийского и саудовского лобби (последнее, поставив на конфронтацию с Дамаском, проиграло). Не исключено постепенное сползание в гражданскую войну, в качестве ведущей силы в которой будет выступать «Хезболла» шейха Насраллы. Роль детонатора конфликта могут, как и в 1975–1978 гг., сыграть заключенные в лагеря палестинские беженцы (более 400 тыс.).

Сирия и Ливан тесно связаны с этнической точки зрения, поэтому этноконфессиональный конфликт из одной страны неизбежно перекинется во вторую, только-только начавшую отходить от многолетней гражданской войны. Кроме того,

создание сирийской плотины между Ливаном и Ираном неизбежно вызовет радикализацию «Хезболлы». При этом активизация «Хезболлы» будет далеко не единственной проблемой, с которой столкнется Израиль после падения режима Асада.

В Иордании бунтующая молодежь требовала отставки премьер-министра, прекращения политических репрессий, проведения реформ. Требования молодых оппозиционеров такие же, как в соседних странах – борьба с коррупцией и безработицей, принятие закона о выборах, упразднение марионеточного парламента и секретной службы. Премьер аль-Бакит был назначен на этот пост недавно. Ему-то король Абдалла II и поручил провести реформы. Но аль-Бакит уже был главой правительства в 2005–2007 гг., и оппозиция не видит в нем проводника обновления. В результате король все-таки был вынужден отправить правительство в отставку, что позволило существенно разрядить обстановку.

Кувейт не оправился от последствий иракской оккупации 1990–1991 годов. Влияние Бахрейна ограничено нелояльностью шиитского большинства населения суннитской династии. Экономический кризис ослабил ОАЭ, особенно Дубай, обрушив «пирамиду недвижимости», на которой в последние годы было основано его благополучие.

Свое политическое влияние укрепляет лишь умеренно ваххабитский **Катар**, обладатель третьего в мире газового запаса. В качестве медиатора региональных конфликтов он успешно соперничает с такими гигантами арабского мира, как Египет и Саудовская Аравия. Главное оружие катарского эмира в борьбе за доминирование на межарабской политической арене – «Аль-Джазира», эффективность которой доказывает ее запрет в Египте, где телеканал в немалой мере способствовал «раскачиванию лодки». Но этот инструмент может оказаться бесполезным в случае перенесения беспорядков на территорию самого Катара. При этом главным фактором нестабильности в

монархиях Персидского залива, включая Саудовскую Аравию, могут стать иностранные рабочие, в ряде стран многократно превосходящие их граждан по численности.

Йемен находится в состоянии перманентной гражданской войны. Точнее, не одной, а нескольких войн, идущих одновременно. Самая ожесточенная война идет в рамках одного племенного союза хашим, к которому принадлежит и сам президент Салех. Суть конфликта проста: шейх хашима требует сохранения за кланом привилегий в ущерб другим племенным союзам. Салех же как президент старается учитывать интересы не только родного клана, но и всех остальных.

Вторая гражданская война в стране идет между суннитами, составляющими 52% населения, и шиитами (46%). Шиитов поддерживает Тегеран, который оказывает антиправительственным группировкам военную и финансовую помощь. Тем самым иранцы укрепляют свои позиции на Аравийском полуострове, создавая стратегический плацдарм и обходя с юга геополитического оппонента – Саудовскую Аравию. Падение режима Салеха неизбежно ослабит суннитские группировки, которые примутся делить власть, и этим наверняка воспользуются шииты.

Третий конфликт связан с вмешательством США в противостояние между суннитами и шиитами в Йемене, как они вмешались в конфликт, который сегодня в стране: правительственные силы сражаются с исламистскими группировками, которые открыто заявляют о принадлежности к «Аль-Каиде».* И наконец, четвертая потенциальная гражданская война – за

* Последователи Осамы бен Ладена действуют на юге страны и, по оценке экспертов, фактически контролируют 5 из 21 провинции. В свое время Али Адбалла Салех умело использовал «террористическую угрозу», чтобы добиваться от США увеличения объемов помощи. Финансовыми вливаниями Вашингтон не ограничивался – периодически сообщалось о «точечных ударах» американских беспилотников по лидерам йеменской «Аль-Каиды».

отделение юга страны. Эта война пока не идет, но может начаться в любой момент. Особенно если после отставки Салеха центральная власть в Санае еще более ослабнет. Эксперты опасаются, что в результате четырех гражданских войн Йемен перестанет существовать как единое государство – превратится в некое подобие Сомали. В стратегически важном регионе, где пролегают важнейшие пути транспортировки нефти, может возникнуть вакуум власти, которым не преминут воспользоваться экстремистские группировки, действующие в исламском мире.

Наблюдатели отмечают, что йеменский лидер прибегает к той же тактике, которую он использовал в 1994 году во время гражданской войны с сепаратистами на юге страны. Тогда Сана на всех международных площадках изъясняла готовность к переговорам, но при этом правительственные войска продолжали наступление. Салех регулярно обещает подписать мирный план, уйти в отставку, объявляет о прекращении огня, а его сторонники всеми силами пытаются подавить сопротивление оппозиции.

Монархические режимы в **Иордании и Марокко** имеют свои глубоко укоренившиеся династические традиции, восходящие к пророку Мухаммеду. Эти страны в отличие от большинства монархий Аравийского полуострова далеко продвинулись по пути политической модернизации. Поэтому можно полагать, что устои этих режимов менее уязвимы, хотя сами верховные руководители, судя по всему, восприняли происходящее в высшей степени серьезно.

Волнения в Тунисе и Египте грозят сказаться на ситуации в **Алжире**, вялотекущая гражданская война в котором идет с 1992 года. Президент Абдулазиз Бутефлика стар, конфликт арабов с берберами так же актуален, как и десятилетия назад, а исламисты никуда не делись. Под угрозой стабильность в Марокко, на территории которого еврейские и христианские

святыни являются для «Аль-Каиды» Магриба столь же легитимными объектами атаки, как и иностранные туристы. Мавритания, где число рабов, по некоторым оценкам, достигает 800 тыс., находится в полосе военных путчей и восприимчива к любым революционным призывам.

В Алжире сохраняется вероятность нового взрыва. Оружия там не меньше, чем в Ливии, а исламисты уже побеждали на демократических выборах в 1991 г. и вели кровопролитную войну против военно-бюрократического режима. Новая междоусобица грозит вовлечением в нее Марокко. Ведь проблема спорной Западной Сахары не решена, а бойцы фронта ПОЛИСАРИО штыков в землю не воткнули. Боевые действия могут пересечь границы стран зоны Сахеля: Мали, Чада, Нигера, а есть еще и беспокойные районы Судана. Власти Алжира укрепляют границы с Ливией, откуда, по их мнению, просачиваются боевики «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба. Они известны как похитители европейцев, но их может привлечь и шанс отомстить за поверженных когда-то братьев по идеологии. Тогда в Алжире главной действующей силой окажутся откровенные радикалы-исламисты.

Ливийская кампания, как и всякая локальная война, была весьма непрозрачна. Например, только спустя несколько недель после начала событий более или менее прояснились основные группировки внутри повстанцев. Среди них – исламисты, в том числе боевики «Аль-Каиды» и регионалисты. Эти силы первоначально шокировали своих французских покровителей антисемитскими лозунгами. Третьей силой эксперты считают ливийских берберов, претензии которых на собственную этничность Каддафи не признавал. На самом деле они составляют чуть ли не десятую часть всего населения и относились к числу наиболее непримиримых противников полковника.

По крайней мере в двух странах государственная (панарабская) идеология по-прежнему отвергает полную эмансипацию

этнических меньшинств. Иллюстрацией может служить состояние меньшинств в Алжире и Египте, а также проблема рабства в Мавритании.* Сложность ситуации в Алжире состоит в том, что там существуют три враждующих полюса: правительство, джихадисты и кабилы. Кабилы обвиняют режим в том, что он препятствует признанию самобытности берберов.

Иранская модель «теократической демократии» – это скорее шиитский феномен, она вряд ли способна стать притягательным примером для арабских государств с преобладанием ислама более мягкого суннитского толка. Вместе с тем противопоставление современного развития национальным и религиозным традициям – гарантия неудачи. Политические реформы в большинстве мусульманских стран не будут успешными, если они осуществляются как альтернатива исламу и, следовательно, воспринимаются мусульманским сообществом в качестве угрозы религиозным ценностям. Линия на искусственную демократизацию и переориентацию традиционного мусульманского общества с целью внедрения либеральных ценностей несет опасность дестабилизации и играет на руку исламским экстремистам.

На сегодняшний день никто не знает, какими будут новые режимы Ближнего Востока. 75-летний Мохаммед Хуссейн Тантауи, возглавивший Египет после ухода Хосни Мубарака, едва ли может рассматриваться в качестве долгосрочного президента. Ключевыми фигурами в диалоге между политическими элитами Египта и Израиля со стороны Каира на протяжении многих лет были Осама эль-Баз, ближайший советник Мубарака, и глава Службы общей разведки в 1993–2011 гг. Омар Сулейман. В конце января он был назначен вице-прези-

* Наряду с коптами в Египте, берберы являются старейшими жителями Северной Африки. Арабские националисты, большинство из которых являются социалистами и сторонниками авторитарных режимов, отвергают право берберов на самоопределение.

дентом, но уже в день отставки Мубарака 11 февраля 2011 г., о которой он же и объявил, потерял этот пост и с тех пор не появлялся на публике. Все эти люди – очень пожилые. Назначен 59-летний инженер Эссам Абдель-Азиз Шараф, который до этого лишь однажды на протяжении полутора лет работал в правительстве в должности министра транспорта, а с декабря 2005 г. не входил в руководство страны. Нарботанных контактов с ним ни у кого на Западе (равно как и в Израиле) нет, непонятно, сколько он продержится на посту, каков будет круг его полномочий и есть ли у него президентские амбиции и перспективы.

Наблюдателям было сложно прогнозировать и кто именно придет к власти в Тунисе. И.о. президента Фуад Мебаза и премьер-министр Каид Эс-Себси в силу возраста не могли на это претендовать (первому – 78 лет, второму – 85). Легальные оппозиционные организации – Партия народного единства, Прогрессивная демократическая партия, «Ат-Тадждид», Демократический форум за труд и свободы и другие массовой поддержки не имели. В Тунисе было весьма вероятно существенное увеличение представительства исламистов в высших органах власти, что и показали выборы в ноябре.*

Как отмечал известный советский/российский востоковед Г.Мирский, один из важнейших выводов, которые можно сделать при анализе арабской революции, таков: показала свою несостоятельность концепция «авторитарной стабильности», получившая распространение среди западных (и части российских) политиков. Ее суть в том, что следует поддерживать авторитарные, не подконтрольные общественности и презирающие права человека режимы, поскольку они, во-первых, лояльны по отношению к союзной с ними великой державе

* До 40% мест в Конституционной ассамблее Туниса получили умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда» во главе с Абдельхамид Джласси.

и, во-вторых, пресекают экстремизм. В США эта концепция фактически уже при Дж. Буше-мл. заменила идею внедрения демократии в странах Востока.*

В целом на Ближнем Востоке возникает своего рода замкнутый круг, когда исламисты в любом случае усиливаются если не в краткосрочной, то в средне- и долгосрочной перспективе. «Братья-мусульмане» станут влиятельной легальной силой, они не будут требовать денонсации мирного договора с Израилем и примут этот договор как политическую реальность.

Ряд аналитиков опасается, что под прикрытием лозунгов о демократизации значительная часть арабских стран Персидского залива перейдет под фактический контроль Ирана. Под лозунгами освобождения от гнета диктаторов радикальный ислам возьмет под контроль значительную часть арабских стран. Мир между Израилем и палестинцами, между Израилем и Сирией станет невозможным. Мирные соглашения с Иорданией и Египтом постепенно сойдут на нет. Исламистские, неонасеристские и неоосманские силы будут формировать облик Ближнего Востока.

Таким образом, арабские государства стоят перед набором опций дальнейшего политического развития, к которым относятся: 1) сохранение авторитарных режимов; 2) турецкая модель умеренной и светской мусульманской демократии; 3) иранская модель теократической демократии; 4) победа исламистских режимов.**

Значительное повышение роли исламского фактора является еще одним важным вектором влияния событий в арабском мире на трансформацию глобальной международной системы. Естественно, что это непосредственно затронет государства

* Мирский Г.И. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся // Международные процессы. 2011. Т.11. № 1. С. 101.

** См.: События в Северной Африке и на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2011. № 7. С. 11-25.

Евросоюза, поскольку еще больше подхлестнет миграцию с Ближнего Востока и из Северной Африки.

Не исключено, что в арабском мире возникнет своего рода дихотомия традиционных авторитарных монархий и новых, по ценностям близких Западу (хотя и не обязательно во всем ему дружественных) демократических режимов. Здесь, очевидно, развернется противоборство между двумя тенденциями развития – к секуляризму (с исламским лицом) и исламскому «клерикализму».

Вот пока предварительные итоги событий 2011 года в контексте формирования контуров будущих политических режимов. В Тунисе планируется избрать Национальную учредительную ассамблею, которая разработает новую Конституцию. В Сирии отменено чрезвычайное положение, приняты декреты о введении многопартийности, об условиях и порядке выборов в Народный совет и местные советы, о местном самоуправлении и свободе печати. С согласия властей были проведены две конференции оппозиционных сил, в феврале 2012 года должны состояться парламентские выборы.

В Саудовской Аравии оппозиция требует выборов в Консультативный совет (который сейчас назначается королем) и преобразования страны в конституционную монархию. В Бахрейне радикальные шиитские организации добиваются провозглашения республики, а умеренные – принятия новой Конституции, в соответствии с которой министры будут избираться, а не назначаться королем. В Алжире предполагается изменить законы, регулирующие избирательный процесс и деятельность политических партий. В Марокко король Мухаммед VI принял решение о разработке новой Конституции, которая будет предусматривать выдвижение премьер-министра от победившей на парламентских выборах партии вместо назначения его монархом по своему усмотрению.

По-иному обстоит дело в Ливии, где в соответствии с подготовленной Переходным национальным советом (ПНС) декларацией предполагается в течение двухлетнего переходного периода принять Конституцию и подготовить всеобщие выборы, а целью проводимых преобразований будет, по словам председателя ПНС Мустафы Абд-аль-Джалили, создание «исламского государства».

Таким образом, следствием народных выступлений станет, видимо, некоторая либерализация существующих политических систем, произойдет расширение политического представительства на плюралистической основе. Масштабы либерализации во многом будут зависеть от того, что будут представлять собой новые конституции государств региона, и от того, как будут организованы и каковы будут результаты парламентских и президентских выборов.

Но при этом было бы преждевременно рассчитывать на превращение арабских стран, где гражданское общество только еще формируется, в демократии западного образца (что наглядно продемонстрировал пример Ирака). В данном контексте может представлять интерес мнение Б. Скоукрофта, бывшего помощника по национальной безопасности Президента США, считающего, что «последние события в мире, в частности на Ближнем Востоке, – это не демократия как таковая».*

Новым властям придется столкнуться с немалыми сложностями. Только прямые потери в результате восстаний достигли 6,3 млрд. долларов в Египте и 2,6 млрд. евро в Тунисе. На это наслаивается угроза снижения прибылей от туризма, обеспечивающих 11% доходов АРЕ и формирующих 50% бюджета Туниса. Ливии, по словам главы ведомства по реконструкции экономики ПНС Ахмеда Джахани, потребуется

* Цит. по: Подцероб А. Восстания арабов в XXI веке: что дальше? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

десять лет, чтобы ликвидировать ущерб, нанесенный народному хозяйству страны гражданской войной, который достиг в сентябре (по оценке Франко-ливийской торговой палаты) 200 млрд. долларов.

Согласно прогнозу Международного валютного фонда, валовой внутренний продукт Сирии сократится в 2011 году на 2%, а Египта – на 1,2% (в 2010 г. рост ВВП в этих странах составил 3,2 и 5,1% соответственно). Арабским странам придется решать и такие задачи, как ликвидация нищеты (бедняки составляют 41,8% населения Йемена, 22,6% – Алжира, 19% – Марокко) и трудоустройство молодежи (безработица среди молодежи достигает 42,8% в Египте, 30,4% – в Тунисе, 24,4% – в Сирии). Для решения только этих проблем потребуются годы.

Как заключает Г.Мирский, эпоха временной стабильности в огромном регионе от Марокко до Пакистана закончилась. Фактически, замороженная авторитарными режимами колоссальная общественная энергия вырвалась наружу. Важнейшее обстоятельство: по подсчетам экономистов, чтобы покончить с безработицей, надо в течение 10 лет создать в регионе 100 миллионов рабочих мест. Это задача явно невыполнима, что предвещает новые потрясения. К этому надо добавить рост исламизма в самых различных его проявлениях. Нельзя исключить конфронтации мусульманских фундаментализмов – шиитского с центром в Тегеране и суннитского с центром в Эр-Рияде. Гораздо менее вероятны конфликты в регионе между великими державами.

Геополитические и международные последствия событий в арабском мире

Массовые выступления в арабских странах Ближнего Востока дают отдельным наблюдателям почву для предположений об управляемом характере происходящего. Среди

заинтересованных внешних участников ситуации чаще других указывают на Вашингтон. Полагают, что администрация США вовлечена в события непосредственно и, опираясь на содействие информационных кампаний, неявно направляет события в выгодном для себя русле.

В действительности политика США в регионе дает пример кризисного реагирования в ситуации неопределенности. Отдельные американские эксперты признают, что уход Мубарака и тунисского президента Бен Али влечет потерю стратегических активов США в регионе. На фоне волнений в Бахрейне, в портах которого базируется американский флот в Персидском заливе, эксперты анализируют возможность усиления регионального влияния Ирана. Ощущения, что ближневосточные волнения походят на исламскую революцию 1979 года, будоражат Вашингтон. В довершение ко всему гражданская война в Ливии привела к срыву поставок ливийской нефти на мировой рынок, что дало рост цен на энергоносители.*

Можно с уверенностью утверждать, что свержение египетского, тунисского и йеменского режимов шло вразрез с региональными интересами безопасности США. В одночасье Вашингтон лишился нескольких своих основных союзников, положение остальных также стало крайне шатким. Тем не менее, Соединенные Штаты были не в состоянии реально повлиять на ход событий. Вашингтон озабочен проблемой снижения издержек от революционных событий на Ближнем Востоке. В целях сохранения своего влияния США в первую очередь заинтересованы в поддержании связей с военной элитой стран, получавших на протяжении трех десятилетий американскую помощь. Продолжая сотрудничество с военными, Вашингтон стремится не потерять авторитет среди

* См.: Сушенцов А.А. США и волнения на Арабском Востоке // Международные процессы. 2011. № 1. С. 106-110.

лидеров арабских революций. США нацелены на сотрудничество с любой политической силой, которая придет к власти по итогам революции.

Соединенным Штатам будет непросто так резко изменить свою стратегию, поскольку это сопряжено с определенными рисками. Традиционные союзники, чувствуя себя брошенными, могут утратить доверие к Вашингтону или восстать против него, тогда как новые партнеры, сознавая слабость США, окажутся ненадежными. Вероятными последствиями в этом случае будут углубление раскола в регионе, растущая напряженность и повышение вероятности вооруженного противостояния.

Для США привлекательная альтернатива – выступить в роли дирижера, координирующего ансамбль разных стран при сохранении привилегированных связей с Израилем и другими акторами. Например, Египет и Саудовская Аравия вместе с Катаром и Турцией могли бы способствовать национальному примирению в Палестине в рамках мирного процесса под руководством США. Анкара, исходящая из того, что необходимо восстановить связь с Израилем и сохранить вновь обретенное доверие арабских стран, могла бы послужить посредником в мирном диалоге Сирии и ХАМАСом или в переговорах по ядерной проблематике Ирана.

Проблема Ближнего Востока в условиях американского «самоустранения» – это отсутствие в регионе самостоятельных центров силы, способных «взять на себя» высвобождающийся «ресурс влияния». Исламский фундаментализм получает шанс на время стать для региона альтернативой хаосу примитивной демократии. При этом способность военных или либеральных сил, заставивших уйти режимы Мубарака и Бен Али, составить конкуренцию оппонентам по неизбежной внутривосточной борьбе, находится под сомнением.

Арабские соседи Ирака и Иран могли бы под эгидой Соединенных Штатов достичь минимального согласия о будущем

Ирака, чтобы сохранить его территориальную целостность и арабскую идентичность, защитить права курдского меньшинства и обеспечить здоровые сбалансированные отношения между Багдадом и Тегераном. Вашингтону следует активизировать попытки возобновления и завершения мирных переговоров между Израилем и Сирией, которые гораздо эффективнее повлияли бы на Иран, чем новые санкции ООН. Сирия могла бы также быть полезной в умиротворении остаточных очагов вооруженного суннитского сопротивления в Ираке.

В связи с данными событиями встает главный вопрос: насколько у США получится ограничить сетевой эффект только теми странами, режимы которых США приняли решение менять на данном историческом этапе. Наблюдалась жесткие попытки американцев и саудовцев не допустить сетевых революций в Бахрейне, Катаре и в самой Саудовской Аравии.

Противоречивые и важные сами по себе процессы на Ближнем Востоке имеют явно различимую самостоятельную динамику. Они не инспирированы США, хотя Вашингтон не снижает интенсивности участия в делах региона.

Главная опасность происходящего на Ближнем Востоке состоит не во многом гипотетической победе исламских экстремистов, а в том, что власти арабских стран стремятся отвлечь массы от проблем и трудностей собственных стран, канализировав их политическую энергию против Израиля. Сегодня просматривается сценарий развития событий, завершающийся новой войной между Израилем и арабами.

Власти арабских государств воспользуются нарастанием напряженности для того, чтобы направить революционный энтузиазм возбужденных масс против извечного врага арабских народов. Нельзя исключать не только новой интифады, но и попыток прорыва палестинцев через израильские границы. Завершится все это может крупномасштабным столкновением между израильской и арабскими армиями. Но даже если

до этого дело не дойдет, ситуация на Ближнем Востоке обострится до крайности.

Тель-Авив давно убедился, что палестинская государственность не состоялась. Если там проводить свободные выборы, о которых так много говорят американцы, то к власти придет ХАМАС. Тот снесет Иорданию как государство. После этого Израилю вновь придется наводить порядок, но уже на большей территории. Израиль в принципе готов к тому, что новые власти Египта могут пересмотреть Кэмп-Дэвидские соглашения, на которых зиждется весь нынешний расклад сил на Ближнем Востоке. Израиль готов вести новую войну, если она случится, готов даже к ситуации, когда его подведут американцы и придется воевать без поддержки США. Израиль готов и к внутренним бунтам, которые могут исходить с палестинской территории, и к предательству арабских депутатов кнессета.

Если говорить об Ираке и суннитских протестах, то может быть реализован план создания на Ближнем Востоке Хашимитского королевства на землях, где ранее правили короли династии хашимитов. В это королевство вошли бы современная Иордания, суннитская часть Ирака (там было Хашимитское королевство до 1958 года). Туда же может войти Западный берег Иордана и часть Саудовской Аравии, которая была захвачена ею в 1928 году, а до того принадлежала хашимитам. В частности, это территория Мекки.

Практически во всех государствах Ближнего Востока США выделяют «полезные» и «бесполезные» части. «Полезные» имеют углеводороды и пути их транспортировки. Остальные районы – «бесполезные» зоны. Например, «бесполезная» – город Триполи. Не исключено, что разрешение этого конфликта будет идти по этой линии: всяческая поддержка Западом королевства Бенгази. США будут контролировать «полезные» зоны, а безопасность в остальных будет поддерживаться местными военными.

Саудовская Аравия может распасться на несколько государственных образований. Американцы, возможно, поддержат отделение от Саудовской Аравии восточной нефтяной провинции эль-Хаса и присоединение ее к Ирану, но только в том случае, если в Иране поменяется режим.

Ближайшими последствиями беспорядков станут растущие и нестабильные цены на углеводороды, затормозившееся экономическое восстановление Америки и еще более медленное – Европы и Японии. Ускорится смещение мирового богатства к усиливающимся державам на Востоке и Юге Азии, а также к странам – поставщикам энергоресурсов в Западной Азии.

По мнению австрийского эксперта А. Бажректаревича, события в арабском мире могут стимулировать и ускорить переговоры по вопросам глобальной энергетики в первую очередь между ЕС, Японией и США (крупнейшим экономическим и потребительским блоком в мире). К этим вопросам относятся такие основополагающие как энергетическая безопасность и эффективность (в том числе диверсификация происхождения и состава ПЭР – первичных энергоресурсов); сокращение зависимостей, создание потенциала защиты и диверсификации транспортных маршрутов и мегапроекты, связанные с газом и нефтью (газопроводы или сжиженный газ), для/через ЕС, русскоговорящую Азию/Арктику и Восток – Дальний Восток; декарбонизация и программа по уменьшению зависимости от ядерной энергетики.*

Следует ожидать следующие последствия трансформации арабского мира:

- более либеральная и самостоятельная национальная политика арабских государств в сочетании с экономической самодостаточностью и большей независимостью в сфере региональной политики;

* Бажректаревич А. Геополитика энергии: «арабская весна» // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

- заметное сокращение возможностей внешних держав – в первую очередь, Соединенных Штатов – определять тенденции и события в Западной Азии и Северной Африке;

- углубление изоляции Израиля.

- возрождение Каира, Багдада и Дамаска в качестве ведущих игроков на политической авансцене арабского Востока, выступающих в этой роли наравне с Эр-Риядом;

- утрата Ираном недавно приобретенных преимуществ в виде роста престижа и влияния в арабском мире – в связи со всплеском активности в арабских странах;

- возможное усиление Турции благодаря новому для нее статусу регионального лидера;

- ускоренное сближение между арабскими странами и государствами Востока и Юга Азии (и, возможно, Россией), чтобы избавиться от былой зависимости от США, Великобритании и Франции.

- ослабление джихадистской угрозы арабским обществам в связи с тем, что более мягкие формы ислама будут играть все более заметную роль в политическом руководстве арабских стран;

- возможное формирование новых моделей консультационного управления в арабском мире, которые распространятся и на неарабские страны мусульманского сообщества;

- сохраняется угроза т.н. «ползучей исламизации», о феномене, который имел место в Пакистане в период правления Зия уль-Хака и в Судане. Это – усиление исламских (а затем и исламистских) тенденций в общественной жизни и законодательной сфере;

- но помимо исламистской угрозы, есть и другая перспектива: установление достаточно долговременной военной диктатуры.

По-видимому, в отсутствии США любая коалиция, созданная для обеспечения безопасности в данном регионе, будет вынуждена опираться на военную силу близлежащих стран,

не имеющих превосходящей военной мощи – Турцию, Египет, Пакистан и государства Персидского залива. Но создание подобной коалиции, весьма громоздкой и поэтому не особенно эффективной, потребует больших усилий, затрат времени и денежных средств.

Главная опасность нынешних событий на Арабском Востоке для мирового сообщества состоит в возможности формирования сплошного пояса государств от Мавритании до Судана, находящихся в той или иной форме зависимости от сил политического ислама.

Пакистан мог бы быть особенно полезен для обеспечения ядерного сдерживания Ирана и Израиля, но его интересы всегда будут скорее направлены в сторону Индии, Кашмира и Афганистана, нежели Персидского залива.

На Ближнем Востоке **Китай** еще пока не играет «на равных» с США, и говорить об их противостоянии в этом регионе рано. На взгляд многих экспертов, противостояние между Вашингтоном и Пекином начнется не раньше 2020 г., и соперничество, с учетом наличия в Северной Африке огромных запасов углеводородов, может быть очень острым. Сейчас же Китай осваивает, в основном, Африку южнее Сахары, где не встречает серьезного отпора со стороны США.

События в Северной Африке почти наверняка замедлят выход из мирового финансово-экономического кризиса. Шансы на приход здесь к власти исламистов все же велики, и государствам Европы и США придется тратить дополнительные ресурсы на противодействие радикализму и терроризму, а также на поддержку умеренных режимов, и, соответственно, вкладывать меньше средств на развитие собственных экономик и на оказание гуманитарной помощи бедным государствам. Не обойтись без предоставления кредитов и странам, по которым прокатилась волна народного недовольства.

Арабский кризис заложил своего рода «мины замедленного действия», которые могут «взорваться» в будущем в виде новых кризисов и народных волнений. Протестный потенциал в малообеспеченных кварталах городов Азии, Африки и Латинской Америки очень высок, и с этим нельзя не считаться.

В ближнесрочной перспективе региональное потрясение основ ничем не угрожает Ираку, Афганистану или Пакистану. Первые два давно уже не столько государства, сколько территории. Последнему с исламистами в Северо-Западной провинции и Пенджабе, пуштунскими талибами в зоне племен, сепаратистами Белуджистана и Синда и противостоянием правительства, армии и судебной власти, для развала достаточно и одного Афганистана.

Падающее воздействие великих держав создает политический вакуум на Ближнем и Среднем Востоке. Часть его заполнит Индия (в Афганистане), но в основном – на всей территории – усилится Китай. С учетом роста влияния Турции и Ирана состав игроков этого огромного региона и распределение сил будет в XXI веке уже иным.

Если попытаться проанализировать ближневосточные события через призму возможных геополитических последствий и новых долгосрочных тенденций, то можно прийти к выводу о беспрецедентных изменениях глобального нефтегазового рынка в ближайшие десять лет.

Есть основания полагать, что вне зависимости от развития внутривосточной ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке цены на нефть и в меньшей степени на газ будут продолжать умеренно расти. И это будет происходить не столько под воздействием нарастающих региональных геополитических рисков, сколько вследствие роста спроса на нефть и газ в мире.

Политическая нестабильность на Ближнем Востоке может стать катализатором процесса радикальной реорганизации

сферы энергопотребления, той «последней каплей», которая окончательно перевесит чашу весов, в сторону принятия ведущими странами-потребителями энергоресурсов, прежде всего США и Китаем, дополнительных, ускоренных и масштабных мер по повышению собственной энергетической безопасности и снижению зависимости от импорта энергоносителей. Наряду с уже относительно широко применяемыми инструментами такого повышения, как нетрадиционная энергетика и энергоэффективность, новым ключевым инструментом может стать ускоренное развитие собственной добычи, и особенно, нетрадиционных углеводородов, таких, как сланцевый газ и сланцевая нефть.

Приток новых инвестиций, очевидно, придаст мощный импульс отработке и дальнейшему развитию новейших технологий добычи всего спектра углеводородов из нетрадиционных источников. Если крупнейшие игроки вкладывают огромные деньги в новые сферы, то они будут добиваться своей цели по всем направлениям, в том числе, лоббируя свои интересы в законодательных органах. Поэтому, вполне вероятно, можно ожидать более благоприятного правового режима доступа к таким месторождениям в Китае и США.

Анализ этих относительно новых тенденций даёт основание прогнозировать ускоренную трансформацию глобального рынка нефти и газа в сторону снижения доли нефти, регионализации и снижения доли международной торговли. При этом можно ожидать в среднесрочной перспективе укрепление на рынке позиций покупателей и значительное снижение цен на традиционные углеводороды. Таким образом, ключевые игроки на мировом рынке энергетических ресурсов, прежде всего страны-поставщики, окажутся перед новым вызовом, и будут вынуждены вносить серьёзные коррективы в свои энергетические стратегии.

Предварительные выводы

Непрекращающиеся волнения в странах арабского мира в течение всего 2011-го года находятся в центре внимания всего мирового сообщества. Вместе с тем природа кризисных явлений у них общая. Это нерешенные внутренние проблемы: отсутствие легальных, принятых и одобренных обществом механизмов смены власти, экономический и политический застой, нищета (абсолютная или относительная) подавляющего большинства населения при огромных доходах, получаемых политической верхушкой, коррупция и безработица.

Следует отметить, что события в арабском мире, как это часто бывает в истории, носили драматический характер. Поражает метаморфозы судеб некогда всемогущих властителей и жестокость, с которой с ними расправились их политические противники: с Х.Мубараком в Египте в политическом плане, с М.Каддафи в Ливии – в физическом.

Большинство экспертов признает, что основные причины революций в Египте и Тунисе кроются в генерационном разрыве. В глазах молодых людей существующие несменяемые или династические режимы утратили либо быстро утрачивают легитимность, которую за ними признавали предыдущие поколения.

Отрыв местного правящего сословия, семей и кланов руководителей, практически приватизировавших национальные богатства, от народа столь велик, что говорить о каких-то общих целях бессмысленно. Североафриканские и ближневосточные элиты не поспевали за обстановкой, прозевали появление среднего класса. В странах региона под предлогом угрозы исламского экстремизма была уничтожена всякая системная оппозиция, отсутствовала социальная мобильность. Стабильность режимов Северной Африки и Ближнего Востока оказалась видимостью.

Однако оппозиция состоит не только из эмансипированных молодых людей. Противники режимов разношерстны,

и, скажем, волнения в Бахрейне и частично в Сирии имеют выраженный межрелигиозный характер. Среди тех, кто сражается против Каддафи, обнаружены боевики «Аль-Каиды». Революционные выступления в Тунисе и Египте, наиболее продвинутых государствах региона, стали предлогом для выяснения отношений с властью в других странах Африки и Ближнего Востока, где ситуация иная. Авторитарные режимы региона поражены кризисом, нуждаются в реформах, но разные группы оппозиционеров под прикрытием вполне демократических лозунгов могут преследовать и разные цели.

Как справедливо подчеркивают специалисты по данному региону, главной причиной массового протестного движения стали социальные проблемы: рост безработицы (особенно среди образованной молодежи), сокращение социальных лифтов, неудовлетворенность своим социальным положением, остро ощущаемое социальное неравенство, коррупция и т.д.

Были, безусловно, и причины специфичные для каждой страны. В Ливии это противоречия между восточной провинцией – Киренаикой и западной – Триполитанией, противоречия между различными племенами, в Йемене – различия между Севером и Югом, недовольство южан дискриминацией со стороны правящего режима и также межплеменные противоречия, на Бахрейне – недовольство шиитского большинства дискриминацией со стороны правящего суннитского режима и т.д. Однако и здесь основной движущей силой выступала молодежь, а главное требование носило политический характер – отстранение от власти правящих кланов.

По-видимому, как считает ряд экспертов, дальнейшее политическое развитие арабского мира во многом будет определяться эволюцией режима в Египте – крупнейшей стране региона.

Египетская и другие арабские революции произошли не потому, что появился Интернет, «Фейсбук» или «Твиттер», это была искра в куче сухого хвороста. Ее двигали те же

силы, которые не раз разжигали революции: ненависть к коррумпированной автократии и тайной полиции, отчаяние поднимающегося среднего класса, безнадежное положение бедных, неспособность «верхов» на реальные реформы. «Лицо» революции, поколение «Фейсбука», молодые образованные демонстранты, которые могут выразить свое мнение через Интернет, – это лишь один срез сложной социальной структуры арабского общества.

Необходимо помнить, что в Египте (и во многих других арабских странах) 44% неграмотных или полуграмотных, а 40% населения живет меньше, чем на два доллара в день. Низкие заработки и растущие цены на питание, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, означают, что в стране масса обездоленных людей, и их голос должен быть услышан в новой, более свободной обстановке.

В Египте и других арабских странах произошел более сильный взрыв народного гнева, эмоциональной революции, чем в Индонезии или Пакистане. Поэтому армия вынуждена вести себя более осторожно. Если египетские военные, то есть генералы и офицеры, сдержат свое обещание осуществить демократизацию и передать власть гражданским, то новый режим, может быть, начнет решать накопившиеся проблемы. За последние 30 лет население Египта практически удвоилось. Сейчас здесь 83 – 84 млн. человек. Это, в основном, уже страна городов, сосредоточенных на узкой полоске земли, точнее – сплошной город, от Александрии до Асуана, с пригородным сельским хозяйством. Остальная территория страны – пустыня. Нужно находить эффективную модель экономического и социального развития и создавать рабочие места.

В Египте события развиваются более благоприятно по сравнению с другими арабскими странами – гарантом плавных реформ выступает армия. Переходное правительство утвердило закон об уведомительном создании политических партий, но сохра-

няется запрет на партии, которые проводят дискриминацию по религиозному, этническому, половому или расовому признаку. Исламизации политики не заметно – глава Высшего военного совета заявил, что Египет не планирует разрывать мирный договор с Израилем, а операция в Ливии у Каира озабоченности не вызывал. В отношении видных представителей режима Мубарака и его семьи заведены коррупционные дела, его партия распущена.

По мнению многих комментаторов, для Египта (как и для Алжира) с сильными светскими традициями и стабилизирующей ролью армии более приемлема была бы турецкая модель. Насер, как и Кемаль Ататюрк, заложил традиции обновления сверху при сохранении консолидирующей роли армии, но ни при нем, ни при Анваре Садате и далее Мубараке не возникло гибкой политической системы, в которой институционально сочетались бы интересы широкого спектра сил, порожденных современным развитием.

Опыт Пакистана, Таиланда и Турции показывает, что образованный средний класс в городах и светски настроенные интеллектуалы часто разочарованы результатами демократических выборов, на которых менее образованное население голосует за партии отнюдь не прозападного или либерального характера.

Хотя в Тунисе и Египте имели место по форме государственные перевороты, и у власти остались представители тех же сил, которые реально доминировали и ранее, и эти государства должны пройти через неизбежную политическую реформу. С другим вариантом развития событий потерявшая страх «улица» не согласится.

Говоря о причинах революционных потрясений в арабском мире и степени внешнего вмешательства или воздействия на них, нельзя не сказать о теории «управляемого хаоса», за которой стоят интересы Соединенных Штатов.

Процессы, идущие сегодня в странах Северной Африки и Ближнего Востока – это не «бархатные революции» в Восточной

Европе. В Северной Африке и на Ближнем Востоке демократические лидеры не представляют из себя значимых политических фигур. В значительной степени это кризис авторитарных модернизаций в регионе, то есть такой политической модели.

Политика Вашингтона может выражаться в том, чтобы любой ценой удержать контроль над крупными запасами углеводородного сырья, воспрепятствовать его поставке в Китай и Европу и тем самым сдерживать их экономический рост. Один из методов достижения этой цели – использование национальных сепаратистских и экстремистских движений для дестабилизации неподконтрольных регионов – так называемый «управляемый хаос». Применение именно таких технологий и наблюдается сегодня в странах Северной Африки и Ближнего Востока, переживших или продолжающих переживать «финиковые революции».

Вторая основная цель Вашингтона может иметь отношение к приближающейся схватке за Африку и ее энергетические ресурсы в целом. Не исключено, что в самом ближайшем будущем на смену колониальным границам придет новое политическое устройство региона. В этом переустройстве США рассчитывают сыграть ключевую роль, выдвинув концепцию нового геополитического образования – «Большого Ближнего Востока». Цепочка «цветных революций» в странах Северной Африки и Ближнего Востока может стать первым практическим шагом на пути ее реализации.

Сейчас совершенно ясно, что проблемы Ближнего Востока отнюдь не сводятся исключительно к палестино-израильскому конфликту и его разрешение не приведет к успокоению региона. Ближний Восток перешел к новому геополитическому состоянию: никакая внешняя сила не сможет реально влиять на происходящее в регионе.

Соединенные Штаты, Европейский союз и Россия были застигнуты врасплох событиями в арабских странах. При этом

и в Египте, и в Тунисе с политической арены ушли светские и лояльные Западу режимы, и пока неясно, какие силы придут им на смену. Способность американского руководства воздействовать на происходящие процессы минимальна. Стало очевидно: ближневосточные походы Соединенных Штатов закончились в Афганистане и Ираке. Период, когда США пытались играть роль «мирового полицейского», завершился.

Далее, кризис в Ливии подтвердил, что решения о применении силы международным сообществом нуждаются в особой проработке и соответствующей подготовке мирового общественного мнения, которое должно быть уверено в том, что все возможные политические и экономические аргументы оказались неэффективны. Важнейшим условием является координация усилий всех заинтересованных сторон и более полноценное использование для предварительных согласований ООН, других международных организаций, а также механизмов двустороннего сотрудничества.

В обозримой перспективе можно ожидать сохранения, и даже усиления влияния ислама на международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. В условиях постоянного укрепления позиций исламистских сил в арабских странах, таких, как Египет, Алжир, Саудовская Аравия, Марокко, Ливан, Палестинская автономия, в среднесрочной перспективе может произойти радикализация их внешней политики на региональном уровне.

Это послужит исламистским силам примером для подражания в других арабских странах, ослабит позиции ныне действующих политических режимов и ускорит процесс формирования новых исламоориентированных элит. Осуществление такого сценария вызовет цепную реакцию, которая дойдет до Центральной Азии, Кавказа, Пакистана, где также сильно влияние и высока активность исламистских организаций и движений.

Положение, сложившееся в мусульманском мире, способствует усилению радикальных концепций исламизма, что никоим образом не свидетельствует о невозможности либерально-реформаторских интерпретаций исламских доктрин. Многие предполагают, что Египет может пойти по турецкому пути, когда к власти придут представители мусульманских фундаменталистов, но не экстремистов. Однако пока слишком много неизвестных, слишком много противоречий, а попытка перенести специфику одного общества на другое может исказить реальность.

Теперь уже ясно, что режимы, которые приходят к власти, будут менее прозападными, чем те, которые существовали ранее, и может быть, антизападными. Вероятно, экономические, социальные, культурные связи с Западом и Соединенными Штатами будут продолжать существовать. Но у власти будут не послушные Вашингтону диктаторы, которые могли бы игнорировать мнение своих собственных народов. Под вопросом становятся заключенные двумя арабскими странами – Египтом и Иорданией – мирные договоры с Израилем.

Таким образом, вероятность прихода к власти прозападных политиков не очень велика. Все-таки одной из составляющих протеста были антиамериканские настроения. Хотя и конфликт с Западом (возможно, за исключением Ливии) маловероятен. Не стоит забывать, что реальная политическая сила и в Тунисе, и в Египте – армия – живет в том числе и за счет дотаций от США. Скорее всего, новое руководство постарается достичь с Западом некоего компромисса, устраивающего, как обе стороны, так и арабскую «улицу».

Маловероятен и приход к власти исламистов, во всяком случае, в ближайшей перспективе. Их роль в событиях в странах Магриба была незначительна, и инициативу они так и не смогли перехватить. При этом нельзя исключить, что некоторые исламские партии и движения будут легализованы и примут активное участие в дальнейшем политическом процессе.

В среднесрочной перспективе эти партии и движения, безусловно, будут играть определенную, и видимо заметную, роль в новой системе власти; но это будет далеко не единственная группа во власти, и всякие ее попытки установить свою диктатуру будут блокироваться действиями конкурирующих групп.

Тем не менее, к концу 2011 года многие комментаторы заговорили о перерождении «арабской весны» в «исламскую зиму».* Повод для этого дали события в ряде арабских стран, переживших радикальную политическую трансформацию и приступивших к строительству новых политических режимов. К таким событиям следует отнести следующие: декларация о том, что Ливия теперь (после смерти Каддафи) свободна и будет строить новое государство, в котором шариат будет источником права и законом, и, наконец, победа исламистов на выборах в Конституционную ассамблею в Тунисе. В Тунисе, стране, с которой, собственно, и началась «арабская весна», прошли первые в ее истории свободные демократические выборы. Участвовало более ста партий. Победу одержала исламистская партия «Ан-Нахда» («Возрождение»), получившая 40% голосов избирателей.**

Победа «Братьев-мусульман» на египетских выборах в ноябре 2011 г. будет означать, что страна повторит иракский вариант. В Ираке после многих десятилетий баасистского режима

* Эпоха великих свержений // Журнал «Коммерсантъ Власть». №43 (947), 31.10.2011.

** Как утверждают многие эксперты, Тунис (вместе с Ливией) – типичный пример того, как прежние власти фактически сами создали исламистское «подполье», с которым потом и принялись бороться. После 11 сентября 2001 года многие правители арабских стран (и не только арабских), желавшие оградить себя от обвинений в авторитаризме и нарушениях прав человека, объясняли жесткое подавление оппозиции именно борьбой с исламистами. Партия «Ан-Нахда», практически прекратившая свое существование на территории Туниса и перебравшаяся на постоянное место жительства в Саудовскую Аравию, в конце концов принялась действовать. К моменту свержения президента Бен Али (которое случилось без всякого участия «Ан-Нахды») с успехом начала заполнять возникший политический вакуум.

к власти пришли исламистские партии, а проявление религиозной нетерпимости стало правилом хорошего тона. При этом борьба с христианами объединила и суннитов, и шиитов. В результате, по данным христианских благотворительных организаций, из страны бежала половина иракских христиан, то есть примерно 300 тыс. человек. Аналогичные события происходили осенью 2011 г. с египетскими коптами, подвергшимся погромам со стороны суннитского большинства.

Как считают многие эксперты, любое непосредственное применение в странах победившей или побеждающей «арабской весны» западных норм демократии лишь ускорит наступление «исламской зимы». «Исламская зима», если она наступит, станет именно продуктом демократии – выборов, референдумов, законов, принимаемых парламентами. Такие законы, установленные в полном соответствии с конституционной процедурой, будут использоваться для подавления инакомыслия или создания исламского государства.

События в Северной Африке показали, что в современных условиях народное недовольство вызывают не только и не столько всеобщая бедность и тяжелое экономическое положение населения (волнения вспыхнули, в том числе, и в более или менее благополучных в этом отношении странах). Крайне негативно воспринимается несправедливое распределение доходов между различными слоями населения. Это обстоятельство нужно учитывать политическим элитам многих государств.

После событий в Ливии некоторым государствам СНГ следует принимать во внимание более серьезный спектр угроз. Ливийская резолюция Совбеза ООН расширила рамки возможного иностранного вмешательства во внутренние дела суверенного государства под предлогом защиты гражданского населения от вооруженного насилия со стороны властей. Таким поводом способно оказаться любое межэтническое

столкновение. Вмешательство, кроме того, могут объявить необходимым для упреждения кровопролития еще до его начала.*

События 2011 года в арабском мире позволяют строить теории о том, что ливийская революция, как и прочие эпизоды «арабской весны», это часть западного заговора, например, в соответствии с теорией «управляемого хаоса» или со схемой вытеснения Китая из Африки. Очевидно, что у этих событий были и внутренние причины. Интересный момент заключается в том, что Запад закрыл глаза на форму устранения Каддафи.

После арабских событий многим стало очевидно, что постоянных друзей у Запада не бывает, и те, кто еще недавно имел хорошие отношения с Каддафи, ныне применяют против него военную силу. До ряда лидеров стран СНГ дошло понимание того факта, что в случае аналогичного кризиса никто не защитит их страны от гуманитарной интервенции и развития событий по ливийскому сценарию, кроме России.

Урок арабских революций состоит и в том, что у масс появилось новое оружие – Интернет, и это оружие вполне возможно может быть использовано не только в сравнительно отсталых или, используя другой термин, развивающихся странах, но и в развитых государствах.

Отличие событий в Северной Африке от «цветных революций» в том, что средствами мобилизации людей на массовые выступления стали современные системы и средства коммуникаций, в т.ч. социальные сети в Интернете. Правящие режимы в ближневосточных странах оказались не готовыми к такому развитию событий, скорость принятия решений оказалась недостаточной. В России, например, такими технологиями овладела, прежде всего, молодежь, в т.ч. организации радикального толка.

* Подобная ситуация может случиться, к примеру, если возникнет угроза повторения событий, подобных тем, что произошли в июне 2010 г. в Оше и Джалалабаде на юге Киргизии.

В Казахстане риски дестабилизации социально-экономической обстановки невелики. Чтобы гарантировать их абсолютную невозможность, необходимо активизировать поиск путей эффективного развития экономики. Чем устойчивей будет экономический рост, а с ним – и рост благосостояния населения, тем меньше шансов, что люди выйдут на площади и улицы с протестными лозунгами.

Кроме того, ситуация предполагает наращивание в Казахстане активности со стороны государства, его правоохранительных ведомств и спецслужб, СМИ, интеллигенции и общества в целом в практической и идеологической борьбе с религиозным и политическим экстремизмом.

В заключение следует отметить, что к моменту публикации данного исследования ситуация на Ближнем Востоке еще далеко не стабилизируется. Скорее всего, политическая нестабильность во многих странах региона будет носить перманентный характер на многие годы, и даже десятилетия вперед. Чего, впрочем, и добивались закулисные авторы арабских революций, если таковые действительно существуют.

Источники и литература

Агаев Р. Ближний Восток: лжереволуции // Вестник аналитики (Москва). 2011. № 2. С. 37-48.

Агапов А. «Союз для Средиземноморья»: проблемы и противоречия // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2010. № 9. С. 66-71.

Аксенёнок А. Восстание арабов // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 1. С. 8-15.

Алиев А.А. Ислам и национализм // Россия и современный мир (ИНИОН). 2009. № 2. С.187-204.

Аль-Хеляли М.С.А. Йеменская Республика на пути развития // Международная жизнь (МИД РФ). 2010. № 9. С. 22-25.

Ахмедов В.М. Армия и этнорелигиозные конфликты на Ближнем Востоке // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 9. С. 23-28.

Ахмедов В. Роль армии в общественно-политическом развитии арабских государств Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2009. № 11. С. 121-130.

Ахмедов В.М. Военный и политический ислам на Ближнем Востоке: рамки взаимоотношений и пределы сотрудничества стран // Восток-Oriens (ИВ РАН). 2010. № 3. С. 80-87.

Бажректаревич А. Геополитика энергии: «арабская весна» // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

Бартенев В.И. Ливийская проблема в международных отношениях (1969–2008 гг.). – Москва: Ленанд, 2009. – 448 с.

Белокриницкий В.Я. и др. Исламский фактор в истории и современности // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). 2009. № 2. С. 136-142.

Беляков В.В. Энергетика Египта: от нефти к атому // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3. С. 30-31.

Беляков В.В. Египет: пора обновления // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 4. С. 42-56.

Белоусова К. «Нефтяное оружие» в третьей и четвертой арабо-израильских войнах // Мировая экономика и международные отношения (ИМЭМО). 2010. № 2. С. 47-56.

Беляков В.В. Египет: плоды либерализации и мировой кризис развития // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 3. С. 10-13.

Ближний Восток и современность. – М.:ИВ РАН-ИБВ, 2008. – Вып.34 – 386 с.; Вып. 35 – 350 с.; Вып. 36 – 314 с.

Ближний Восток: вызовы XXI века. Сб. статей. Отв. ред.: Р. Г. Ланда, А. Б. Подцероб; ред.-сост. О. П. Бибикина, Н. Н. Цветкова. – М: Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Ближнего Востока, 2009. – 248 с.

- Борисов Д., Султанов Э. Ближневосточная шахматная доска: партия Вашингтона и Москвы // Вестник аналитики (ИСОА, Москва). 2010. № 1. С. 63-71.
- Брагин А.Н. История исламской цивилизации // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 8. С. 65-66.
- Вавилов А. Кризис американо-арабских отношений // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2009. № 12. С. 173-179.
- Вагабов М. Исламский фактор в современной геополитике // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2010. № 8. С. 141-151.
- Васильев А.М. Цунами революций // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 3. С. 2-18.
- Васильев А.М. Цунами революций не спадает // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 6. С. 2-9.
- Видясова М. Северная Африка: власть, ислам, политические игры // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 5. С. 121-128.
- Высоцкий А.М. Ближний Восток: на пути к новому «балансу сил»? // Азия и Африка сегодня. 2011. № 7. С. 10-14.
- Гаврилина Е., Семедов А. Общая характеристика политического ислама // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 9. С. 141-144.
- Гусаров В.И. Северная Африка: полвека независимого развития. – М.: ИА РАН, 2008. – 152 с.
- Дегтярев А., Черноус В. Исламизм: социологический дискурс // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2011. № 3. С. 166-176.
- Дейч Т.Л. Ливийский кризис в свете интересов России, Китая и Африки // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 6-13.
- Демиденко С., Штойк М. Ближний Восток в огне // Вестник аналитики (Москва). 2011. № 2. С. 30-37.
- Дергачев В. Геополитическая перезагрузка Арабского Востока // Вестник аналитики (Москва). 2011. № 2. С. 21-30.
- Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // Восток-Oriens (Москва, ИВ РАН). 2009. № 5. С. 89-100.
- Долгов Б. Радикальный исламизм в Алжире, Марокко и Тунисе // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 3. С. 156-170.
- Долгов Б. Исламистский вызов в странах Магриба // Азия и Африка сегодня (Москва). 2010. № 6. С. 41-48.
- Егорин А.З. Маумар Каддафи. – Москва: ИВ РАН, 2009. – 464 с.
- Ёвкочев Ш. Модернизация общества и проблема преемственности власти в мусульманских странах // Центральная Азия и Кавказ (Лулеа, Швеция). 2009. № 2. С. 19-28. (на рус. и англ. яз.)

Ержанов Т. Политическая ситуация в Ираке в контексте новой стратегии США // *Analytic* (КИСИ). 2009. № 4. С.46-51.

Жантиев Д. Роль семейства Ааль аш-Шейх в религиозно-политической жизни Саудовской Аравии // *Россия и мусульманский мир* (ИВ РАН). 2009. № 9. С. 167-175.

Зайферт А. Диалог с исламским миром как элемент евростратегии // *Вестник аналитики* (ИСОА, Москва). 2010. № 1. С. 77-82.

Засыпкин А. Безопасность в Персидском Заливе // *Международная жизнь* (Москва). 2009. № 1. С. 3-11.

Зверева Т. Саркози vs. Каддафи // *Международная жизнь* (МИД РФ). 2011. № 5. С. 79-94.

Зинин Ю. Война в Ливии: ход и сценарии будущего // *Международная жизнь* (Москва, МИД РФ). 2011. № 6. С.

Золотарев П. Исламский фактор и международный терроризм // *Россия и мусульманский мир* (ИВ РАН). 2009. № 7. С. 155-176.

Игнагенко А. Эпистемология исламского радикализма // *Россия и мусульманский мир* (ИНИОН, ИВ РАН). 2009. № 11. С. 130-150.

Исаев Л.М. Саммиты ЛАГ: (не)время для споров // *Азия и Африка сегодня* (Москва). 2010. № 9. С. 76-77.

Исламизация, исламизм и экстремизм // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 3. С. 11.

Исламский радикализм // *Международная жизнь* (Москва). 2009. № 1. С. 149-158.

К председательству Казахстана в Организации Исламская Конференция. – Астана: МИД РК, 2010. – Книга 1: Структура ОИК. – 292 с.; Книга 2: Государства – члены ОИК. – 576 с.

Каддафи М. Борьба продолжается! Краткое собрание сочинений. 2001 – 2008. – Москва, 2009. – 244 с.

Казахстан и Организация «Исламская конференция». – Алматы: КИСИ, 2011. – 268 с.

Капинос Р. Экономические идеи Корана и практика современного ислама // *Мировая экономика и международные отношения* (Москва, ИМЭМО). 2009. № 3. С. 99-105.

Карасова Т.А. Израиль и арабские революции // *Азия и Африка сегодня* (Москва). 2011. № 6. С. 17-22.

Кардини Ф. Европа и ислам. История непонимания. – СПб: Александрия, 2007. – 329 с.

Карякин В. Политика США на Ближнем и Среднем Востоке: новые подходы и застарелые проблемы // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулера, Швеция). 2010. № 4. С. 90-99. (на рус. и англ.яз.)

-
- Касаев Э.О. Внутривосточная обстановка в Ливии: проблемы и перспективы развития // Восток-Ориент (Москва, ИВ РАН). 2008. № 6. С. 92-97.
- Касаев Э.О. Шансы демократии в Ираке // Международные процессы. 2008. Т.6. № 2. С. 158-161.
- Касаев Э. Топкое болото иракской коррупции // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 1. С. 129-134.
- Касаев Э.О. Тенденции внутренней и региональной политики арабских стран // Восток-Ориент (ИВ РАН). 2010. № 2. С. 143-148.
- Касаев Э. Модернизация через фундаментализм: эволюция политизации ислама // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2011. № 1. С. 156-174.
- Касаев Э. Арабский вектор российской политики последних лет // Вестник аналитики (ИСОА). 2011. № 1. С. 54-58.
- Касаев Э.О. Ирак: о перспективах развития и рисках российского нефтяного бизнеса // Восток-Ориент (ИВ РАН). 2011. № 2. С. 51-61.
- Катц М.Н. Российская политика на Большом Ближнем Востоке или искусство дружить со всеми. – Paris: IFRI, 2010. – 27 с. (RNV No 49). (на фран., рус. и англ. яз.).
- Кедбан Н.М. Мировой финансовый кризис: причины и последствия для арабских стран // Восток-Ориент (ИВ РАН). 2010. № 5. С. 145-149.
- Королев А.В. «Конфликт низкой интенсивности» развития // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 3. С. 10-16.
- Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. Египетская революция 2011 года. // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 6. С. 2-9; № 7. С.15-21.
- Косач Г. Саудовская Аравия в меняющемся мире // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2010. № 8. С. 132-141.
- Косач Г. Саудовская Аравия: власть, социальная трансформация, образование // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2011. № 4. С. 162-168.
- Крейц А. Сирия: главный российский козырь на Ближнем Востоке. – Paris: IFRI, 2010. – 26 с. (RNV No 55). (на фран., рус. и англ. яз.).
- Криворучко А., Рошупкин В. Багдадский вождь: взлет и падение. Политический портрет Саддама Хусейна и его режима на региональном и глобальном фоне. – Москва: Проспект, 2008. – 560 с.
- Куделев В.В. «Аль-Каида»: структуры, союзники и покровители. – Москва: ИВВ РАН, 2008. – 437 с.
- Кузнецовский В. Казус Ливии и проблема государственного суверенитета // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 5. С. 53-62.
- Лабинская И. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2011. № 7. С. 11-25; № 8. С. 52-66.

Лаумулин М.Т. Геополитические процессы в исламском мире (в контексте председательства Казахстана в ОИК). – Алма-Ата: КИСИ, 2011. – 176 с.

Малашенко А. Выстраивая отношения с мусульманским миром. – М.: МЦК, 2010. – 23 с.

Мальшева Д. Йемен как новая горячая точка // Россия и мусульманский мир (ИМЭМО/ИВ РАН). 2011. № 3. С. 148-153.

Манойло А. «Финиковые революции»: стихия или «управляемый хаос»? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 5. С. 63-78.

Маргелов М. После стабильности. Арабский мир и пределы авторитарной модернизации // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 40-50.

Мельянцев В. Кризис в арабском мире: экономические и социальные аспекты // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2011. № 10. С. 73-83.

Мирский Г. Как не распадется Ирак // Международные процессы. 2008. Т.6. № 1. С. 111-116.

Мирский Г.И. Ислам: история и современность // Новая и новейшая история (ИВИ РАН). 2010. № 1. С. 3-20.

Мирский Г. Иракская драма идет к концу? // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2011. № 2. С. 70-78.

Мирский Г.И. Арабский мир: надоело, не верим, не боимся // Международные процессы. 2011. Т.11. № 1. С. 111-116.

Михин В.Л. Ирак: что дальше? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 8. С. 2-8.

Млекумян Е. Персидский залив: влияние ислама на взаимоотношения стран региона // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 2. С. 140-153.

Молли Р., Харлинг П. Умеренные и воинственные – стирание граней. Как Обама скорректировать внешнеполитический курс на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 1. С. 30-41.

Мохова И.М. Египет. новые выборы – прежние результаты? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 1. С. 21-25.

Музыкантский А.И. Предельная форма симулякра: арабские революции как пример манихейского переворота // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 76-82.

Мустафа Ф. Мирный процесс на Ближнем Востоке и его перспективы // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 8. С. 36-42.

Наумкин В. Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т. 9. № 4.

Носетти Ж. Кремлевский путь в Мекку: Саудовская Аравия в российской дипломатии. – Paris: IFRI, 2010. – 26 с. (RNV No 52). (на фран., рус. и англ. яз.).

Озеров О. Россия и Саудовская Аравия: 20 лет новых отношений // Международная жизнь (МИД РФ). 2010. № 11. С. 25-37.

Орлов В. Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 5. С. 128-137; № 7. с. 134-142.

Павлов О. Разночтения ближневосточной «карты» // Международная жизнь. 2009. № 2-3. С. 51-65.

Петров Н.И. Муаммар Каддафи и весь остальной мир // Азия и Африка сегодня (Москва). 2010. № 9. С. 76-77.

Петров Н.И. Эхо арабских революций // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 5. С. 2-5.

Пиляева М. Израиль на Ближнем Востоке: чужой среди чужих? // Международная жизнь (МИД РФ). 2009. № 7. С. 34-42.

Поволоцкая Г. Как построить мир на Ближнем Востоке // Международная жизнь (МИД РФ). 2009. № 8. С. 13-26.

Подцероб А.Б. Ислам во внутренней и внешней политике стран Магриба. – Москва: ИВ/ИБВ РАН, 2009. – 212 с.

Подцероб А. Восстания арабов в XXI веке: что дальше? // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран. – Москва: ИБВ, ИВ РАН, 2009. – 350 с.

Примаков Е.М. Основополагающий конфликт: ближневосточная проблема в системе международных отношений // Россия в глобальной политике (Москва). 2009. Т. 7. № 3. С. 162-172.

Прозорова Г. Россия и региональные организации Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 1. С. 162-173.

Протопапас Дж. Геополитические интересы Турции и восстания на Ближнем Востоке // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 10.

Пузырёв Д. Исламский фактор в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2011 (ИМЭМО). № 3. С. 67-73.

Рассадин П. А. Политический ислам и религиозные меньшинства на арабском Востоке // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 9. С. 16-22.

Россия и страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки. Проблемы и перспективы сотрудничества. – Москва: Восток-Запад, 2009. – 252 с.

Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – Москва: ИВ РАН, 2010. – 480 с.

Ростокин С. Ближний Восток до и после встреч Д. А. Медведева в Дамаске // Международная жизнь (МИД РФ). 2010. № 8. С. 100-107.

Рясов А. Политическая концепция М.Каддафи в спектре «левых взглядов». – Москва: ИВ РАН, 2008. – 328 с.

Савкин Н. «Великая арабская демократическая революция»: раздует ли она мировой пожар? // Вестник Аналитики (ИСОА). 2011. № 1. С. 51-53.

Савушкина М. Россия и арабский мир: сотрудничество и противоречия // Россия и мусульманский мир (ИМЭМО/ИВ РАН). 2011. № 3. С. 104-108.

Салтанов А. Россия и Ближний Восток // Международная жизнь (МИД РФ). 2009. № 12.

Сапронова М. Арабский мир: новые вектора политического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 91-101.

Сапронова М.А. Арабский мир: реформы политического устройства // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 3. С. 20-26.

Сатановский Е.Я. Революция и демократия в исламском мире // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 1. С. 16-29.

Старцев С.А. Катар: маленький гигант большого газа // Азия и Африка сегодня (Москва). 2010. № 4. С. 9-12.

Семедов С. Исламский радикализм в современном мире: сущность и причины возникновения // Россия и мусульманский мир. 2009. № 4. С. 149-158.

Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. – М.: ИВ РАН, 2009. – 271 с.

Сергачев С. Исламизм, военная хунта, управляемая демократия? // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2010. № 5. С. 138-152.

Скидельски Р. Парадоксы гуманитарной войны: ливийский случай и странности международного права // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2.

Смилянская И.М., Романова Н.Г. Арабский мир и Россия: изменяющиеся парадигмы взаимного восприятия // Восток-Oriens (ИВ РАН). 2009. № 5. С. 161-168.

События в Северной Африке и на Ближнем Востоке // Мировая экономика и международные отношения (Москва, ИМЭМО). 2011. № 7. С. 11-25.

Султанов Ш. Пять сценариев динамики ближневосточной ситуации // Вестник аналитики (Москва). 2009. № 2. С. 59-67.

Султанов Ш. Основная проблема для Запада – ислам // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2009. № 6. С. 157-164; № 7. С. 147-155.

Сушенцов А.А. Эволюция политических приоритетов США в Ираке // США-Канада (ИСКАН, Москва). 2010. № 7. С. 53-66.

Сушенцов А.А. США и волнения на Арабском Востоке // Международные процессы. 2011. № 1. С. 106-110.

Ткаченко А. Россия и страны Магриба: взгляд в XXI век // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2009. № 6. С. 134-141.

Ульрихсен К.К. Персидский залив: есть ли жизнь после нефти? Арабские монархии перед лицом экономических и политических катаклизмов // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 5.

Фарес В. Ветер ужаса и ветер надежды: Большой Магриб: джихадисты и их заклятые враги // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 51-62.

Филатов С. Ближний Восток: «идеальный шторм» // Международная жизнь (МИД РФ). 2011. № 3. С. 62-84.

Филоник А.О. Вода на Ближнем Востоке: объект сотрудничества или повод к войне? // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 4. С. 15-22.

Филоник А.О. Египет: в тисках экономики // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 8. С. 46-50.

Халиль М. Проблемы идентичности в современном египетском обществе // Россия и мусульманский мир (ИНИОН РАН). 2009. № 10. С.170-182.

Ханна П. Египет: между бюрократией и теократией // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2011. № 4. С. 147-161.

Царегородцева И.А. «Братья-мусульмане» и власть в Египте: диалог или противостояние? // Азия и Африка сегодня. 2010. № 5. С. 32-36.

Шафраник Ю. Ирак: ключевое звено энергетического «солнечного сплетения» мира // Международная жизнь (МИД РФ). 2010. № 1. С.19-26.

Шахбазян Г.С. Ирак после Саддама: итоги четырех лет оккупации // Восток-Оrients. 2008. № 5. С. 80-87.

Шкваря Л.В. Страны Персидского Залива: относительно устойчивы, но... // Азия и Африка сегодня (Москва). 2009. № 10. С. 14-19.

Шкваря Л. Российско-арабское сотрудничество: формирование взаимных интересов // Россия и мусульманский мир (ИВ РАН). 2010. № 8. С. 120-131.

Шкваря Л. Россия – страны Залива: инвестиционное сотрудничество // Азия и Африка сегодня (Москва). 2011. № 5. С. 18-23.

Шумилина И. Имидж США и Барака Обамы на Ближнем Востоке: между словом и делом // Вестник аналитики (ИСОА). 2011. № 1. С. 59-66; № 2. С. 94-102.

Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие – проблема соотношения. – М.: Наука, 2010. – 300 с.

Эпштейн А. Когда «сбываются» мечты: Израиль на другом «новом Ближнем Востоке» // Россия в глобальной политике (Москва). 2011. Т.9. № 2. С. 83-94.

Яковлев А.И. Саудовская Аравия: поиски устойчивости в неустойчивом мире // Азия и Африка сегодня. 2009. № 5. С. 10-14.

Яшин И. «Братья-мусульмане» в Египте: от радикальности к умеренности // Россия и мусульманский мир (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 2. С. 153-163.

Bonner M. Jihad in Islamic History: Doctrines and Practice. Princeton: Princeton University Press, 2006. – 224 p.

Dobbins J. (a.o.) Occupying Iraq: a history of the coalition provisional authority. – Santa Monica (CA): RAND, 2009. – XLXI+364 pp.

Ebel R.E. Geoplitics and Energy in Iraq. – Washington, DC: CSIS, 2010. – VIII+55 pp.

Gray M. Conspiracy Theories in the Arab World: Sources and Politics. – L.: Routledge, 2010. – 224 p.

Nourzhanov K. Review: The Greater Middle East in global politics: social science perspectives on the changing geography of the world politics // Central Asian Survey (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 1, pp.79-80.

Yerzhanov T. Political Situation in Iraq in the Context of the New Strategy of the USA // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2009. No 4, pp.14-16.

Rabasa A. Radical Islam in East Africa. – Santa Monica (CA): RAND, 2009. – XVIII+91 pp.

Woodward B. Obama's Wars. – New York: Simon and Schuster, 2010. – 441 p.

Сведения об авторе

Лаумулин Мурат Турарович — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, д. полит. н., профессор с 1992 г. — постоянный член Международной группы по изучению проблем ядерного нераспространения.

М.Т. Лаумулин неоднократно награждался грантами и стипендиями различных зарубежных фондов — Фонда Фулбрайт (1995), Фонда Макартуров (1997), Конференции германских академий наук (1997), Института им. Дж. Кеннана в Вашингтоне (1998) и Оборонного колледжа НАТО в Риме (1998).

М.Т. Лаумулин — автор нескольких десятков статей и ряда монографий по проблемам истории и историографии Казахстана и Центральной Азии, востоковедения, международных отношений и внешней политики Казахстана, в том числе:

- «Западная школа казахистики и среднеазиоведения» (1992);
- «Казахстан и ДНЯО» (1994, в соавт. с У. Касеновым и Д. Елеукиновым);
- «Внешняя политика и безопасность Республики Казахстан» (1997, на англ. яз.);
- «Казахстан в современных международных отношениях: безопасность, геополитика, политология» (2000)

Политологические работы М.Т. Лаумулина публиковались в России, США, ФРГ, Иране и Пакистане.

В последнее время вышли следующие работы:

- *The Security, Foreign Policy and International Relationship of Kazakhstan after Independence 1991-2001* (Безопасность, внешняя политика и международные отношения Казахстана после независимости: 1991—2001). — Алматы, 2002 (на англ. яз.)
- *Центральная Азия до и после 11 сентября геополитика и безопасность*. - Алматы, 2002
- *The Kazakhs: Children of the Steppes*. – Kent (UK): Global Oriental, 2009. – XI+150 pp. (in cooperation with Chokan Laumulin).
- *Геополитические процессы в исламском мире (в контексте председательства Казахстана в ОИК)*. – Алма-Ата: КИСИ, 2011. – 176 с.
- *Безопасность Центральной Азии сегодня: вызовы и угрозы*.– Алматы: КИСИ, 2011. – 456 с. (в соавторстве с К.Л. Сыроежкиным, А.Г. Косиченко и С.К. Кушкумбаевым).

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен камтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта он ғылым докторы, профессорлар, он үш ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, социология салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 200-ге жуық кітап басып шығарылған. Институт төрт мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Қазақстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы, «Analytic» ақпараттық-талдау журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды.

ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған. ҚСЗИ сайтын пайдаланушылардың саны

жылына шамамен 200 мың адамды құрайды және де оның тең жартысынан артығы жақын және алыс шетелдердің үлесіне тиіп отыр.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер», халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,
Достық даңғылы, 87«б»
Тел.: +7 (727) 264-34-04
Факс: +7 (727) 264-49-95
E-mail: office@kisi.kz
<http://www.kisi.kz>

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают десять докторов наук, профессоров, тринадцать кандидатов наук, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано около 200 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издаются четыре журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр», «Analytic» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском. В среднем сайт КИСИ ежегодно посещают примерно 200 тысяч пользователей, свыше половины которых — из стран дальнего и ближнего зарубежья.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, «круглых столов». Особый интерес у зарубежных экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и других стран.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,

пр. Достык, 87«б»

Тел.: +7 (727) 264-34-04

Факс: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the main mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes ten doctors and thirteen candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

The KazISS have published more than 200 books on international relations, global and regional security, economics and politics. The Institute is publishing four journals: the *Kogam jane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum*, and the *Analytic* in Russian, the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues security and cooperation in Central Asia.

The KazISS is the basis for both professional practice work of students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts representing foreign research institutions.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 'b'

050010, Almaty

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (727) 264-34-04

Fax.: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

Монография

М.Т. Лаумулин

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА» 2011 года:
социально-политические изменения на Арабском Востоке
и их международные последствия**

Редактор-корректор **М.Г. Мустафина**
Дизайн обложки **Е.В. Игнатенко**
Верстка **Г.Т. Хаткулиева**

Подписано в печать 09.12.2011. Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 12,5.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87^{«б»}.

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы